

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Воронежский
Межрегиональный
Институт

МИОН

Общественных
Наук

А. ГЛУХОВА
В. РАХМАНИН

Политическая Конфликтология

ВОРОНЕЖ 2002

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Воронежский государственный университет
Воронежский Межрегиональный институт общественных наук

А. ГЛУХОВА, В. РАХМАНИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ
(Учебное пособие)

Воронеж 2002

ББК 66.5 (2 Рос)

Г55

Р27

Глухова А., Рахманин В.

Г55 Политическая конфликтология: Учебное пособие. – Воронеж:
Р27 Воронежский государственный университет, 2002. – 295 с.
ISBN 5-9273-0225-4

В учебном пособии излагаются проблемы новой учебной дисциплины – политической конфликтологии. Рассматриваются природа, специфические особенности, типы и динамика политических конфликтов, а также способы их урегулирования и профилактики. Используются научные разработки западных и отечественных исследователей социальных и политических конфликтов.

Учебное пособие адресовано студентам, аспирантам, научным работникам.

ББК 66.5 (2 Рос)

Поддержка данного проекта была осуществлена Московским общественным научным фондом совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предоставленных корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в монографии, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы "Межрегиональные исследования в общественных науках".

© Глухова А., Рахманин В., 2002

© Воронежский МИОН, 2002

© Воронежский государственный университет, 2002

ISBN 5-9273-0225-4

Воронежский межрегиональный институт общественных наук (ВМИОН) был создан в феврале 2001 года в рамках программы "Межрегиональные исследования в общественных науках". Программа реализуется Московским общественным фондом, Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при содействии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

Программа призвана способствовать расширению сферы научных исследований российских ученых-обществоведов, повышению качества фундаментальных и прикладных исследований, развитию уже существующих научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечению тесного взаимодействия российских ученых с коллегами за рубежом и в странах СНГ.

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел I	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ	
ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ. Понятие и признаки политического конфликта	7
ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ. Основные методологические парадигмы анализа политических конфликтов	31
Раздел II	
ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	
ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ. Тип общества и политическая конфликтность	63
ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. Государственно-правовые конфликты	87
ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ. Статусно-ролевые конфликты	111
ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ. Конфликты политических культур	125
ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ. Функциональные классификации политических конфликтов	145
ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ. Идентификационные конфликты	165
Раздел III	
ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА	
ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ. Факторы динамики политических конфликтов	175
ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ. Этапы и уровни политического конфликта	195
ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ. Кризисы политических режимов как особая фаза конфликтности	209
Раздел IV	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ	
ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	
ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ. Понятийно-терминологический дискурс	227
ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ. Институционализация политического конфликта как условие его регулирования	234
ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Учет соотношения социально-политических сил в регулировании политического конфликта	248
ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ. Компромисс и консенсус как методы регулирования политического конфликта	260
ЛЕКЦИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ. Взаимодействие государства и гражданского общества в предупреждении деструктивности конфликтов	278

Политическая жизнь каждой страны в любое историческое время пронизана явными или скрытыми столкновениями интересов, мнений, стремлений людей, социальных общностей, политических группировок. В одни периоды противоречия малозаметны, охватывают часть политической элиты, внутренние структуры властвующих кругов. В другие периоды в политические столкновения включаются или втягиваются отдельные социальные слои. Но бывают исторические эпохи, в которые общество раскалывается на противоборствующие стороны. При этом каждая настаивает на своей социальной и политической правоте в определении путей и судеб страны, государства, общества. Наконец, в сфере международных отношений противоречия между государствами – очевидная реальность, которая часто драматически и трагически выявляется в войнах.

Жизнь идет вперед через противоречия. Политическая сфера не только противоречива, но и конфликтна по определению. Особенно конфликтно было минувшее XX столетие. Две мировые войны, десятки гражданских и сотни локальных, около 80 социальных и политических революций, многочисленные общественные кризисы и крушения государственных систем – все это, как и многое другое, свидетельствует об острой и масштабной конфликтности XX века, передавшего свое политическое наследие новому, XXI столетию. В свою очередь XXI век, судя по первым его шагам, порождает свои противоречия и конфликты. Политическая атмосфера в мире, да и в каждой стране отнюдь не стала более спокойной после окончания "холодной войны" и противостояния двух сверхдержав – СССР и США – в недавнем прошлом.

Современный человек живет в сложном изменяющемся и конфликтном мире, независимо от того, осознает он это или не осознает. Самоопределение себя в конфликтных ситуациях и процессах, выработка рациональной позиции, эффективной линии и ненасильственных способов поведения – сложная и психологически стрессовая проблема. Ее решение прежде всего предполагает осознание природы политических конфликтов, их причин, оснований, истоков, субъектов, целевых установок и стремлений противоборствующих сил, методы их действий. Поэтому необходимо исследовать, изучать политические, как и все иные, конфликты. Конфликтологическая грамотность сегодня является неотъемлемой частью демократической культуры, которой должен овладеть каждый человек, не желающий бессмысленно барахтаться в бурных конф-

ликтных событиях или быть жертвой манипуляционных политических технологий, обмана и самообмана в политике.

Исследование политических конфликтов – относительно недавняя традиция в нашем отечественном обществоведении, включая политические науки. Они рассматривались либо как масштабное противоборство социально-политических сил (социальные и политические революции, радикальные реформы), либо как межпартийная борьба, либо как личное столкновение политических лидеров, либо как разновидность экономических и социальных конфликтов. Однако собственная природа, динамика, типы, факторы, закономерности политических конфликтов, их специфика большей частью оставались вне поля научного внимания, хотя и были в основании политической практики. Далеко не случайно, что социология и психология конфликтов, юридическая конфликтология, как относительно самостоятельные отрасли, разделы соответствующих наук складывались и развивались намного раньше, чем политическая конфликтология. Более того, во многих учебниках и учебных пособиях есть небольшие фрагменты, посвященные конфликтам, причем последние сводятся к социальным, а авторы описывают их в сугубо социологических понятиях. Даже в качестве примеров приводятся социальные, а не политические конфликты. Между тем политические конфликты при всех их органических связях с более широким кругом социальных, экономических, правовых, духовно-культурных конфликтов имеют свою специфику. И, более того, часто оказывают существенное воздействие на них. В этом смысле политическая конфликтология представляет собой науку о политических конфликтах и о политических аспектах иных общественно значимых конфликтов. Вместе с тем она является частью конфликтологии как междисциплинарной науки.

По общей конфликтологии, а также по социологии и психологии конфликтов, по правовым (юридическим) конфликтам за последние полтора десятка лет опубликовано немало статей, монографий, учебников. Этого нельзя сказать о политической конфликтологии. Предлагаемое учебное пособие одно из первых. В нем обобщен и методически аранжирован отечественный и зарубежный опыт исследований в области политической конфликтологии. В основу пособия положен курс лекций, читаемый студентам разных факультетов Воронежского государственного университета, а также аспирантам, специализирующимся в области политических наук.

Авторы благодарны Воронежскому Межрегиональному институту общественных наук, оказавшему неоценимую помощь в издании предлагаемого учебного пособия.

Раздел I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Выявление специфики политического конфликта предполагает первоначально определить смысл родовых по отношению к нему понятий "конфликт" и "конфликт социальный". При всех отличительных чертах политического конфликта его носителями всегда являются субъекты социального мира, т.е. индивиды, социальные группы, классы и т.д. Бытие социальных групп есть фундаментальный факт общественной жизни, абстрагируясь от которого, в ней невозможно ничего понять. Следовательно, политическая борьба не существует сама по себе, она "вписана" в более широкий контекст борьбы классов и групп в социальном пространстве и "доопределяет" эту борьбу в соответствии со своей собственной логикой. Кроме того, в рамках социологии наработан огромный материал, обобщающий типы, формы, динамику различных конфликтов, и игнорировать его было бы и неразумно, и недопустимо.

При всех многочисленных подходах к определению социальных конфликтов большинство авторов – от К. Боулдинга до А. Ага – вполне солидарно относительно его основных черт. Наиболее приемлемым для разных типов социальных конфликтов – от производственных до этноконфессиональных – является их трактовка в *интеракционистской парадигме*, т.е. через взаимодействие конфликтующих сторон – индивидов, социальных общностей или социальных институтов, при котором действия одной стороны, столкнувшись с противодействием другой, препятствуют реализации ее целей (интересов). Из этого следует, что для возникновения конфликта необходимо наличие, как минимум, двух или более сторон, интересы которых реально или предположительно сталкиваются. Предметом конфликта могут выступать два вида "дефицита": позиционный дефицит (т.е. дефицит социальных позиций – социальных статусов и ролей) и дефицит источников (т.е. определенных материальных или духовных ресурсов). Конфликт возникает в том только случае, если стороны стремятся к получению выгоды за счет друг друга. Кроме того, в конфликте всегда идет речь о достижении общественной мощи, т.е. способности контролировать и направлять действия

другой стороны. С политической точки зрения это означает борьбу за политическое доминирование.

Другой подход – поведенческий – трактует конфликт через соответствующие поведенческие стратегии. Одной из самых признанных является дефиниция конфликта, предложенная американским социологом Л. Козером: конфликт – это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытку нейтрализовать, причинить вред или устранить противника¹. В определении, предложенном Л. Козером, четко названы причины – дефицит ресурсов и предмет конфликтного поведения сторон: власть, статус, материальные или духовные блага, а также охарактеризована их стратегия в отношении друг друга – нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника. Термин "борьба" в определении конфликта подчеркивает не только ожесточенность взаимодействия субъектов, но и возможную динамику его форм – от простых (нейтрализация) до сложных (насильственная борьба).

Поведенческий подход может быть дополнен психологическим, одним из представителей которого является известный польский социолог Я. Щепаньский. Он характеризует конфликт как социальный процесс, в котором индивид или группа стремится к достижению собственных целей (удовлетворению потребностей, реализации интересов) путем устранения, уничтожения или подчинения себе другого индивида или группы, стремящихся к сходным или идентичным целям. Конфликт может также возникать между группами, стремящимися к разным целям, но использующими для их реализации одни и те же средства. "В конфликте всегда есть осознание противника, четко определена ситуация, в которой противник оценивается через противоречие, существующее между стремлениями и целями той и другой стороны. Конфликты рождаются на основе антагонизма, из противоположного определения систем ценностей друг друга плюс негативного предубеждения, возникающего из чувства опасности"². Не ограничиваясь анализом субъектов и причин конфликта, автор особо подчеркивает его психологические детерминанты, в частности предубеждения, мотивированные подлинной или воображаемой опасностью. Я. Щепаньский определяет антагонизм как комплекс негативных установок и оценок, могущих привести к действиям, направленным на устранение или подчинение противника. "Антагонизм может возникнуть на основе объективной противоположности интересов,

но перерождается в конфликт лишь после осознания этой противоположности одним из партнеров"³.

В определении Я. Щепаньского содержится важная посылка, необходимая для последующего анализа феномена политического конфликта. Антагонизм по отношению к чужим, по мнению польского ученого, обычно возникает на почве иррациональных негативных предубеждений и трактовки существования других как угрозы себе. Здесь справедливо подчеркнут психологический момент: противоположное определение систем ценностей друг друга и негативные стереотипы восприятия другого.

Другую – структуралистскую трактовку сущности и форм социального конфликта предлагает Р. Дарендорф. Он определяет социальный конфликт как "любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные ("латентные") или субъективные ("явные") противоположности"⁴. Из этого следует, что степень осознания противоречия не обязательна для характеристики отношений как конфликтных. На первом этапе конфликта противоположность может быть как осознанной, так и неосознанной. В ходе конфликта квазигруппы, объединенные предполагаемым единством интересов, возникшим на основе общих социальных позиций, организуются – при наличии условий – в группы интересов с осознанными целями и сформулированными программами.

Определение Р. Дарендорфа не включает в себя в качестве необходимого признака наличие открытой ожесточенной борьбы. По его мнению, социальный конфликт как взаимодействие имеет широкие границы и может реализовываться в форме парламентской дискуссии или гражданской войны, мирных тарифных переговоров или забастовки, легкого внутреннего напряжения вследствие несогласия между индивидом и профессией или психического заболевания при ролевом конфликте между происхождением и социальным положением и т. д. Все эти столь непохожие друг на друга явления принадлежат, согласно Р. Дарендорфу, к области социального конфликта⁵. Немецкий социолог подчеркивает, что каждый конфликт в конечном счете сводится к отношениям двух элементов, двух противоборствующих сторон. Даже если в конфликте участвуют несколько групп, их коалиции восстанавливают его биполярность.

Концепция Р. Дарендорфа интересна тем, что предлагает предельно широкий подход к явлению социального конфликта, начиная с его скры-

¹ См.: Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Наука, 1985. – С. 167.

² Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – С. 200.

³ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – С. 201.

⁴ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142.

⁵ См.: *Wörterbuch der Soziologie*. – Stuttgart: Enke, 1969. – S. 1000.

тых, латентных форм и заканчивая открытыми и насильственными. По сути, понятия "противоположность", "противоречие", "конфликт" выступают у него синонимами. Конечно, парламентские дебаты не равнозначны гражданской войне, хотя и представляют собой, по мнению П. Бурдые, ее сублимированную форму⁶. Однако стремление отождествить противоречие и конфликт объясняется, на наш взгляд, самим объектом исследования, той социальной реальностью, которая характеризует современное либеральное общество. Артикуляция и институционализация конфликтов уже на самых ранних стадиях развития гарантирует общество от их наиболее острых форм и разрушительных последствий. Кроме того, такой подход плодотворен с точки зрения генезиса конфликтов, рассмотрения их динамики, т.е. уровней и стадий, их процессуальности. Это делает возможным своевременное реагирование, политическое вмешательство с целью их регулирования.

В отечественной литературе конфликт чаще всего определяется через противоречие как более общее понятие, и прежде всего через социальное противоречие. Во многом это результат длительного пребывания отечественной социологии в русле марксистской теории с характерным для нее понятийным аппаратом. Наиболее полно это сформулировал Е.М. Бабосов: "Социальный конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – есть предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов"⁷. Автор подчеркивает, что социальный конфликт возникает и развивается в определенной социальной ситуации, характеризующейся тем, что между действующими в ней индивидами и (или) их общностями (этническими, демографическими, территориальными, профессиональными и др.) существуют противоречия интересов, целей, мотивов поведения, жизненных установок. Сложная мозаика таких объективно существующих противоречий, обусловленных различием социального положения, экономических и политических позиций соперничающих сторон, их ценностных ориентаций, и составляет то, что обычно называют конфликтной ситуацией⁸.

⁶ См.: Бурдые П. Социология политики. – М: Socio-Logos, 1993. – С. 197.

⁷ Бабосов Е.М. Конфликтология: Уч. пособие для студентов вузов. – Минск, 2000. – С. 47.

⁸ См.: Там же. – С. 48.

Приведенное определение очень показательное для нашей отечественной науки, специализировавшейся в области исследования конфликтов. Рассмотрение социального конфликта как предельного случая обострения социальных противоречий как высшей стадии последних возможно лишь при сведении его участников прежде всего к крупным структурным элементам, типа классов или наций. Поскольку классы, нации, социальные слои – это объективные элементы социальной структуры с противоположными интересами, столкновения между ними неизбежны, причем в острых формах. Не подлежит сомнению, что эта формулировка выдержана в духе марксистской традиции и несет на себе отпечаток исторических и – в особенности – российских реалий, где конфликт традиционно трактовался как глубокий социальный катаклизм типа революции, гражданской войны и т.п. Однако в последнее время заметны попытки отойти от такого макроструктурного подхода.

Ряд отечественных исследователей в своих последних работах сходятся на том, что противоречия и конфликты, с одной стороны, не могут рассматриваться как синонимы, а с другой – противопоставляться друг другу. "Противоречия, противоположности, различия – это необходимые, но недостаточные условия конфликта, – отмечают А.В. Дмитриев, В.Н. Кудрявцев, С.В. Кудрявцев. – Противоположности и противоречия превращаются в конфликт тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями. Таким образом, конфликт – это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон"⁹. Авторы подчеркивают, что под социальным конфликтом они имеют в виду процесс, в котором два или более индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции. "Под социальным конфликтом обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожать оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба приобретает форму атаки или обороны. Социальный конфликт включает в себя также активность индивида или групп, неумышленно блокирующих функционирование или наносящих ущерб другим людям (группам)"¹⁰. Таким образом, наиболее адекватной пред-

⁹ Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология). – М.: РАН, Центр конфликтологических исследований, 1993. – Ч.1. – С. 12.

¹⁰ Там же. – С. 13.

мету исследования авторы считают интеракционистскую парадигму, в рамках которой главное внимание уделяется взаимодействию участников конфликта, их поведенческим реакциям, возникающим на основе существующих в обществе объективных и субъективных противоречий.

Коллизия "противоречие – конфликт" получила удачное, на наш взгляд, разрешение в работах известного английского социолога Э. Гидденса. Под конфликтом последний имеет в виду реальную борьбу между действующими людьми или группами независимо от того, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон. "В отличие от конфликта понятие противоречия относится к некоторой структуре. Оба эти понятия весьма близки между собой, т.е. противоречие выражает уязвимое место, слабое звено в конструкции социальной системы"¹¹. Вместе с тем противоречие указывает на разделение интересов между различными группами и категориями людей, в том числе и между классами. Э. Гидденс подчеркивает, что социальные противоречия связаны с различиями в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, и неравенством их жизненных шансов, которые в свою очередь определенным образом влияют на формирование картины мира. Но противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречий в конфликты необходимо осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения. Пока противоположность интересов не осознана, конфликт, по мнению Гидденса, не наступает.

Следует подчеркнуть, что конфликт действительно не следует отождествлять с социальными противоречиями. Хотя история показывает, что глубокие религиозные, идеологические или политические различия, как правило, ведут к конфликтам, последние не носят неизбежного характера. Точно так же возникший конфликт не обязательно устраняет породившее его противоречие. Сосуществование противоречивых позиций может считаться важнейшим условием общественного прогресса. Именно через взаимодействие и сопоставление различных позиций и методов, через их синтез совершается развитие.

Противоречия и порождаемая ими социальная напряженность могут рассматриваться как неотъемлемый атрибут любого общества. Научный подход к социальному напряжению должен избегать обыденного представления о том, что социальная напряженность всегда является злом, которое должно быть искоренено. Напряженность не всегда является

¹¹ Цит. по: Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 14.

источником войны, хотя может входить в состав порождающих ее причин. "Подобно тому, как электрическое напряжение опасно для человеческой жизни и может сильно возрасти, если разрушить структуру, в которой оно функционирует, высокое социальное напряжение может привести к насилию или войне или даже разрушить общественные структуры. Однако без минимального напряжения электрическая система не действует вообще. Также и общества не развиваются без определенного напряжения в них. Это напряжение между различными инициативами, которые делают возможным выбор и достижение цели," – писал известный американский теоретик К. Райт¹².

Таким образом, обобщая приведенные выше определения, можно заключить, что в целом они не слишком противоречат друг другу. Конфликт признается всеми как явно выраженное состояние борьбы между противостоящими группами, борьбы, понимаемой в широком смысле слова, где участники оспаривают свои претензии на те или иные общественные ресурсы – власть, богатство, статус, ценности и т.д.

Но если социальный конфликт представлен многообразием концепций и богат определениями, то о политическом конфликте этого сказать нельзя. И связано это, по-видимому, с тем, что его изучением занимались преимущественно представители социологической или – как в нашей стране – историко-материалистической науки (истмата). Политический конфликт пытались открыть и описать не изнутри собственно мира политики или – согласно П. Бурдьё – поля политики, но как бы извне, со стороны экономического или социального поля. Отсюда и соответствующий понятийный аппарат, не столько игнорировавший собственно политические реалии, материю политического, сколько просто не "схватывавший" их.

Попытки дать определение собственно политического конфликта характеризуются различной степенью убедительности. По мнению авторов одного из первых реферированных изданий – "Основы политологии" политический конфликт – это выявление в сознании и поведении субъектов политики социальных противоречий на разных уровнях и в различных формах. Политический конфликт рассматривается здесь как экстремальное состояние политического действия тех или иных институтов, представляющих интересы больших социальных групп, как взаимопоставление различных политических сил – по определенным вопросам и с определенной интенсивностью. Называются и источники по-

¹² Цит. по: Дробот Г.А. Куинси Райт о конфликтах и стабильности в международных отношениях // Социально-политические науки. – 1991. – № 7. – С. 86.

литических конфликтов – не просто различия интересов многообразных групп, но и непонимание ими собственных долгосрочных интересов, а также социальные и политические предрассудки влиятельных представителей этих групп, их амбиции, групповой эгоизм и т. д. Вместе с тем механизмы субъективизации участников политического конфликта не раскрываются, да и специфика его прослеживается довольно слабо.

Специалисты в области юридической конфликтологии, в свою очередь, подчеркивают, что трудности анализа и тем более предупреждения и регулирования политических конфликтов связаны с самим их характером. Они возникают из различий интересов, соперничества и борьбы социально-профессиональных, этноконфессиональных и иных групп, слоев, общностей и даже индивидов в процессе приобретения, перераспределения и реализации политико-государственной власти, овладения ведущими позициями (депутата, президента, министра, судьи, лидера политической партии и т.д.) в институтах и структурах этой власти¹³. Отсюда сложности в определении столь разноплановых политических феноменов.

Одно из наиболее удачных определений политического конфликта содержится в "Политологическом словаре": "Политический конфликт – столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределения, а также с изменением их политического статуса в обществе"¹⁴. Источником и основанием политического конфликта, по мнению авторов словаря, являются социально-экономические противоречия, объективно присущие любому обществу, которые в кризисные и переходные периоды от одной исторической формы к другой приобретают конфликтную форму движения и разрешения, детерминированную несовместимостью коренных интересов субъектов политики, установкой на вытеснение контрагента конфликтного взаимодействия из поля своих интересов.

Если противоречие, выступающее основанием политического конфликта, может не осознаваться участниками политических отношений, то конфликт всегда осознан и предполагает определенные действия сторон друг против друга. Политическому конфликту предшествует социальная напряженность, формирование предубеждений, скрытой враждебности и подозрения между субъектами будущего конфликта, устанавливающиеся

осознание расхождения их интересов, стремление к доминированию или реваншу. Политический конфликт – это такой тип диалектического взаимодействия, непременным условием которого является совокупность представлений субъектов о самих себе (своих мотивах, целях, ценностях и т.п.), оппонентах (их мотивах и целях), социальном фоне (среде), в которой происходит конфликт. Именно эти образы, а не сама реальность являются непосредственными детерминантами конфликтного поведения участников.

На наш взгляд, самым важным в этой трактовке политического конфликта является не перечень ресурсов, из-за которых происходит столкновение субъектов политики, и не они сами, сведенные преимущественно к социально-экономическим общественным группам, но субъективная составляющая их взаимодействия, столь редко фиксируемая другими авторами. Речь идет о представлениях субъектов о самих себе и друг о друге, а также об условиях, в которых разворачивается конфликт. Именно это обстоятельство, по мнению известного французского политолога Ж.-М. Денкэна, и является несущей конструкцией всего мира политики: "...мир полнотики есть очень сложное явление сознания, не лишенное, конечно, связей с внешним миром, но объединенное с ним через многочисленные и сложные отношения, имеющие свою логику и свою собственную динамику"¹⁵. Мир политики, согласно Денкэну, состоит из фактов сознания, представлений – предрассудков, фетишей, мифов, детерминированных интересами и убеждениями людей, и потому имеющих конфликтный и корыстный характер.

Столь нетрадиционный, особенно для отечественной политической науки, взгляд на политику обязывает нас посмотреть на политический конфликт не извне, а изнутри мира политики, уточнив для начала самую суть феномена политического. Согласно К. Шмитту, одному из крупнейших политических мыслителей XX века, определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. Ведь политическое имеет свои собственные критерии, начинающие своеобразно действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действия, в особенности в противоположность моральному, эстетическому и экономическому. "Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага, – считал К. Шмитт. – Смысл различия друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интен-

¹³ См.: *Юридический конфликт: сферы и механизмы* (Юридическая конфликтология). – М., 1994. – Ч 2. – С. 34.

¹⁴ *Политологический словарь*: В 2 ч. – М.: Луч, 1994. – Ч 2. – С. 31.

¹⁵ Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. – С. 34.

сивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации. Это различие может существовать теоретически и практически, независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различия"¹⁶.

Столь жесткая дихотомия "друг – враг" сформулирована К. Шмиттом в противовес либеральным воззрениям на политическую жизнь как на сферу конкуренции и взаимовыгодного обмена услугами, сделок, ведению игры по общим правилам. Понятно, что в политике такое возможно лишь как некий идеальный вариант, либо же в условиях уже сформировавшегося процедурного и ценностного консенсуса. Вместе с тем мысль немецкого философа (имеющая, кстати, давнюю традицию – от Платона и Макиавелли до Гоббса и Гегеля) – не поддается упрощенной трактовке. Автор подчеркивает, что "враг" не является конкурентом или противником в общем смысле и уж тем более не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. "Враг" – эвентуальная, т.е. вероятная, но не реальная, возможность появления борющейся совокупности людей, противостоящая другой точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, поэтому все, соотношенное с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным. Осознание существования "врага" вовсе не предполагает его немедленного уничтожения. Напротив, "враг" заслуживает обходительного обращения, поскольку представляет потенциальную угрозу. Вместе с тем сам факт существования такой угрозы обязывает государство или нацию всегда быть готовой к обороне: именно способностью к обороне проверяется бытие политического субъекта.

Хотелось бы специально подчеркнуть ту мысль К. Шмитта, что война – включая гражданскую – не есть цель или содержание политики. Политическое заключено не в самой борьбе, которая опять-таки имеет свои собственные технические, психологические и военные законы, но... в определяемом этой реальной возможностью поведении, в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага. Примечательно, что этнограф Л.Н. Гумилев, определяя ключевое для него понятие "этнос", также ссылается на чувство комплиментарности (т.е. симпатии), лежащее в основе объединения одних общностей и противопоставления другим, т.е. опять-таки деления на "своих" и "чужих". Еще раньше понятие "чужого" получило разработку в социологии Г. Зиммеля, полагавшего, что личность, даже и не подверга-

ясь нападению, лишь реагируя на самовыражение других, не способна утверждать себя иначе, как через оппозицию. "Первый инстинкт, при помощи которого она себя утверждает, есть отрицание другого"¹⁷. Таким образом, считать разделение на "друга" и "врага" собственным "изобретением" К. Шмитта нет никаких оснований.

Война следует из вражды, ибо последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды, предполагающая уже наличествующее политическое решение о том, кто есть враг; для нее различие друга и врага уже не является политической проблемой. Справедливы приводимые Шмиттом слова одного английского дипломата о том, что *политик лучше вышколен для борьбы, чем солдат, поскольку политик сражается всю жизнь, а солдат – лишь в виде исключения*.

Принципиально важным представляется указание К. Шмитта на то, что конституирование своих ("друзей") и чужих ("врагов") осуществляется вербально, т.е. посредством политических понятий, представлений и слов, имеющих полемический смысл. Это значит, что они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации. Такие слова, как "государство", "общество", "народ" непонятны и бессмысленны, если непонятно или неизвестно то, кому они адресованы (т.е. кто именно должен быть опровергнут, повержен, поражен посредством этого термина). Определенные политические силы пытаются оккупировать некое универсальное понятие в противоположность своему политическому противнику. Само слово "политический" также имеет в речи преимущественно полемический характер, все равно: выставляют ли противника в качестве "неполитического" (т.е. аполитичного, оторванного от жизни), либо подчеркивают и осуждают его политическую ангажированность. К. Шмитт полагал, что "чисто" религиозное, "чисто" моральное, "чисто" юридическое или экономическое размежевание людей, способное привести к войне, было бы противно смыслу. Другое дело, что религиозные, моральные и другие противоположности могут усиливаться до степени политических и вызывать решающее образование боевых групп друзей и врагов. Но если дело доходит до разделения на такие группы, то главная противоположность больше уже не является чисто религиозной, моральной или экономической, она есть противоположность политическая. И главный вопрос будет состоять в том, является ли разделение на группы реальной возможностью или же уже действительностью, вне зависимости от силы вызывающих ее к жизни человеческих мотивов.

¹⁶ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – Т.1. – № 1. – С. 39-40.

¹⁷ Зиммель Г. Избранное. – Т. 2: Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С. 502.

Заслуживает внимания тезис немецкого мыслителя о том, что политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень ассоциации и диссоциации людей, мотивы которых могут быть самыми разнообразными. В разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения. Группирование, ориентирующееся на серьезный, военный оборот дела ("Ernstfall") является политическим всегда. Но сказанное не означает, что каждая "частность" существования человека, любая организация или корпорация изначально имеет некоторый политический вес. В случае конфликта становление такой организации или корпорации как политического субъекта, как новой субстанции политического единства осуществляется в той степени, в какой противодействующие хозяйственные, культурные или религиозные силы в состоянии принять решение о *серьезном обороте дел*, исходя из своих специфических критериев. Если же они недостаточно могущественны, чтобы принять и реализовать такое решение, то критической точки политического они не достигли.

Отсюда следует, что *фактор силы играет в политике ключевую роль*. К. Шмитт справедливо указывал, что Гегель является в высшем смысле политическим мыслителем. Часто цитируемое положение о переходе количества в качество имеет насквозь политический смысл и выражает понимание того, что момент политического и тем самым качественно новая интенсивность человеческого разделения на группы достигается исходя из любой предметной области. В XIX веке экономическое владение, достигая определенного количества, становилось политической силой, т.е. буржуазия, обладавшая собственностью, вступала в борьбу еще и за политическую власть. Тем самым классовая противоположность, которая поначалу была лишь экономически мотивированной, становилась классовой борьбой враждебных групп. Следовательно, любой социальный интерес, чтобы быть защищенным, должен быть представлен какой-либо мощной группой давления.

Таким образом, уже в начале века в трудах К. Шмитта, М. Вебера, Х. Арендт и других были выявлены все компоненты политического начала в общественной жизни и специфика политики как формы общественной деятельности. Трактовка политики К. Шмиттом однозначно редуцирует ее к конфликту, наиболее интенсивной формой которого является война. Вместе с тем враждебное отношение "друг/враг" может рассматриваться и как следствие процесса интеграции, прежде всего на общенациональном, государственном уровне. По мнению соотечественника К. Шмитта М. Хеттиха, "во враждебности отражается высокоинтег-

рированная экзистенция социального тела"¹⁸. Однако такая политическая общность есть лишь одна – предельно высокая – форма политической интеграции, тогда как другие – например, на партийной или культурной основе – не обязательно требуют такой же интенсивности политических противоречий. Вместе с тем и на межгрупповом уровне, две стороны, два участника данной концептуально-поведенческой противоположности дополняют и обуславливают друг друга: "только благодаря ей они вообще имеют какой-либо смысл. Как подчеркивает известный социолог З. Бауман, "что такое "мы" и "они" можно понять, только рассматривая их вместе, во взаимном конфликте"¹⁹. Иными словами, групповая самоидентификация достигается путем различения и противопоставления себя другим, что составляет естественную черту социальности.

Следует учитывать и то обстоятельство, что теория К. Шмитта представляла собой попытку дать определение коренного вопроса политики и критерия политического отношения в новой исторической ситуации. Новым обстоятельством явилось то, что государство перестало быть последней инстанцией и главным политическим субъектом. Первичной становилась политика, сама решавшая судьбу и функции государства. Такое положение обычно свойственно историческим и политическим ситуациям, отличающимся экономической и социальной нестабильностью, угрожающих единству народа как политического субъекта. Но от единства народа зависит его политическая дееспособность. Если силы разобщения превалируют, в обществе наступает кризис, угроза распада, анархия. В этом смысле в кризисной ситуации надо решить, кто "друг" и кто "враг", кто объединяет и кто разъединяет. Для создания основ государственности это политический вопрос существования – будет ли принято решение в пользу интеграции и против дезинтеграции, или нет.

Исходя из того, что главным политическим субъектом истории всегда будут нации, К. Шмитт пессимистически смотрел на возможности преодоления скрытой враждебности между ними. Однако он считал возможным найти в отношении враждебности *нужное обхождение*. По его мнению, враждебность неустраима, но люди и народы, несмотря на это, могут жить вместе мирно. Для этого страна должна быть соответствующим образом организована, а это и есть главная задача политики. С другой стороны, необходимо надлежащее обхождение с политическим "вра-

¹⁸ Hattich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1980. – S. 22.

¹⁹ Бауман З. Мыслить социологически: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 47.

гом", уважительное отношение к нему, исключение какой бы то ни было дискриминации, что означало бы максимально возможное предотвращение войны.

Идеи К. Шмитта, как и вся олицетворяемая им трактовка политики, получили дальнейшее развитие в европейских политологических центрах, прежде всего во Франции и в Германии. К сожалению, тогдашние политические реалии, практически исключавшие политику в ее глубинном, бытийственном понимании из сферы научного анализа, сильно затормозили развитие политической науки в нашей стране, сводя последнюю к простой апологетике партийных съездов. Правда, справедливости ради надо сказать, что предпринимались отдельные попытки выйти на решение этих проблем и в рамках марксистской традиции. Так, польские авторы обращали внимание на то, что понятие социальной группы имеет фундаментальное значение для политологического анализа. Однако политика в этом подходе однозначно детерминировалась экономическими факторами, а существование такой социальной группы, как класс, представлялось постоянным и неизменным²⁰.

Современные теории – прежде всего постструктурализм – решая проблему акторов, т.е. действующих лиц политики, приходят к выводу о том, что в мире политики действуют только индивиды и группы, составленные на базе процесса институционализации, причем последние существуют независимо от индивидов, являющихся их конкретной опорой. Классы же и нации – это слишком большие абстракции, чтобы можно было признать их политическими акторами. Опыт свидетельствует, что они играют историческую роль через узкие посреднические группы, которые говорят и действуют от их имени. Благодаря своему институционализированному и узкому характеру последние и выступают в роли акторов в недрах мира политики. Институционализированные группы – разного рода организации – играют активную роль по отношению к индивидам, которые независимо от национальности, социального положения и т.п. могут иметь одинаковые суждения по многим вопросам. Таким образом, в рамках этих теорий акценты смешаются в сферу сознания, в мир представлений индивидов, не обязательно жестко связанных с местом последних в социальной структуре.

Несмотря на избыточный, на наш взгляд, крен в сторону субъективизма, одной из главных заслуг постструктуралистов, включая Ж.-М. Денкэ-

²⁰ См.: *Элементы теории политики*. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1991. – С. 15.

на, можно считать постановку проблемы политической динамики, возможности политического действия. Условием перехода трансцендентального политического субъекта к действию является политическое представление. Существование политики прямо обусловлено возникновением в сознании индивида воображаемого возможного и лучшего мира, дублирующего в какой-то степени реальный мир. Но варианты будущего должны быть неравноценными в глазах субъекта, чтобы он считал себя способным влиять на события. По мнению Ж.-М. Денкэна, именно сравнение этих двух миров порождает политическую динамику.

В мире политики индивидуальные предпочтения страдают не только от того, что могут находиться друг с другом в состоянии открытого или скрытого конфликта. Каждый индивид сам по себе является средоточием одинаковых и различных предпочтений. В политике, в отличие от экономики, предпочтения проявляют свою несоизмеримость, поэтому выбор между ними имеет обязательно произвольный характер. Предположим, избиратель одобряет экономическую программу той или иной партии, но не ее внешнеполитические аспекты. Как объединить эти два элемента, чтобы сравнить их между собой, а также с программой конкурирующей партии? Тем не менее избиратель будет вынужден выбирать, ибо в политике даже воздержание означало бы выбор.

Следовательно, конфликтны не только интересы больших социальных групп, не только действия политических партий, отражающих эти интересы, но и представления в голове самого индивида относительно программ и кандидатов на властные статусы и роли. Как и на экономическом, на политическом рынке идет покупка и продажа голосов, но здесь она гораздо чаще осуществляется не рационально, а при помощи чувств, симпатий и антипатий и т.д.

Другой французский социолог – П. Бурдьё выводит действия чисто политического характера из частичной недетерминированности и размытости, свойственной объектам социального мира, и практического, дорефлексивного и имплицитного характера схем восприятия и оценивания, накладываемых на эти объекты. Действующие в политическом пространстве (поле) субъекты политики (агенты – в терминологии П. Бурдьё) постоянно соотносят занимаемые ими позиции в социальном пространстве с официальной классификацией этих позиций. Из этого рождается стремление изменить собственную позицию в объективной классификации или даже изменить сами принципы этой классификации, что и рождает политическую динамику. Поэтому главной задачей политической борьбы является познание социального мира, точнее катего-

рий, которые делают социальный мир возможным. Следовательно, политическая борьба предстает как в символической, так и в практической форме, и направлена на возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира²¹.

Метод социоанализа, используемый французским социологом, позволяет принять во внимание колоссальную социальную власть, связанную с выработкой категорий. Эта работа непрерывно ведется в политическом поле, противопоставляя агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность. Не случайно термин "категория" в переводе с древнегреческого означает "обвинить публично". История свидетельствует, что одной из простейших форм политической власти во многих архаических обществах была почти магическая власть называть и вызывать к существованию при помощи номинации. Это символическое производство – привилегия сначала шаманов, затем поэтов – приносило последним, особенно в ситуации кризиса, видные политические посты военачальников или послов. "Усвоить слова, в которых представлено все то, что признано группой, значит заручиться значительным преимуществом в борьбе за власть. Слова из политической лексики, являясь сутью борьбы, содержат полемику под видом полисемии, которая представляет собой отпечаток антагонистического использования их различными группировками в прошлом и настоящем"²². Иначе говоря, посредством номинации происходит своеобразная разгерметизация самой истории, и политические конфликты прошлого могут возобновляться с новой силой. Наиболее универсальная стратегия для профессионалов производства символической власти, поэтов в архаических обществах, пророков, политиков заключается, таким образом, в том, чтобы заставить здравый смысл работать на себя, присваивая себе слова, ценностно нагруженные для любой группы, поскольку они выражают ее веру. Выработка категорий становится властью образовывать группы.

Технология формирования таких групп различна, но ее никак нельзя сводить к одномерному социальному миру, организованному вокруг одного единственного противоречия, скажем, противоречия в отношениях собственности. Индивиды занимают не только различные экономические позиции, но и ансамбль других позиций – социальных, куль-

турных и т.п. При этом в рамках каждого поля это могут быть либо доминирующие, либо подчиненные позиции, что дает возможность возникновения более или менее устойчивых союзов на основе гомологии позиций (например, подчиненной в рамках культурного поля интеллигенции и подчиненного в рамках экономического поля рабочего класса). Лица, избранные уполномоченными (доверенными), по сути, конституируют группу, говорят от ее имени. Отсюда вытекают практические вопросы, решаемые в политическом поле: учет противоречивых требований практики; борьба внутри политического поля; усилия по мобилизации наибольшего количества голосов или мандатов; отличность своей программы от программы конкурентов и т.д. Проблемы социального порядка ставятся, таким образом, в типично субстанционалистской плоскости – обнаружение границ между группами и возможный объем мобилизуемых групп. Занятая в поле позиция и конкуренция за навязывание своего видения социального мира склоняет теоретиков и "освобожденных работников" к производству дифференцированного, специализированного продукта, который автоматически подогнан к различным формам спроса. А эти последние определяются прежде всего спросом на различия и противопоставления.

Таким образом, ключевым моментом формирования субъектов политики является процесс делегирования, в котором уполномоченное лицо получает от группы право и власть образовывать группу. Официальный представитель, обладающий полной властью говорить и действовать во имя группы и, вначале, властью над группой с помощью магии слова, замещает группу, существующую только через эту доверенность. Взамен он получает право рассматривать себя как группу, говорить и действовать как целая группа в одном человеке: "государство – это я", "Профсоюз считает, что...", "Россия никогда не согласится с тем..." и т.д. Министр, делегат, депутат имеет возможность идентифицировать себя в собственных глазах и в глазах других с совокупностью людей, с Народом, с Трудящимися, Нацией, Государством, Церковью, Партией. Являясь лишь частью группы, посланник действует как знак, замещающий целую группу. Таким образом, политика является исключительно благодатным местом для эффективной символической деятельности, понимаемой как действия, осуществляемые с помощью знаков, способных производить социальное и, в частности, группы. Так, политическая манифестация или митинг оппозиции, вне зависимости от численности участников, могут рассматриваться как производство политического события. Официальный представитель, говоря о группе, о месте группы, скрыто ставит вопрос о су-

²¹ Бурдьё П. Социология политики. – М: Socio-Logos, 1993. – С. 66.

²² Там же. – С. 95.

существовании группы и тем самым учреждает эту группу при помощи магической операции, свойственной любому акту номинации. Это не означает, что волеизъявление группы не существует как некая объективная реальность. Но даже если групповые устремления сильны и неопределенны, они остаются скрытыми часто на протяжении десятилетий, до тех пор, пока их не вызовет к жизни какой-нибудь *политический лидер*, превращая в *политический фактор*.

В таком контексте политическое поле понимается одновременно как поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил. Например, телевизионные дебаты, сталкивающие между собой профессионалов, представляют собой борьбу в форме театрализованного и ритуализованного столкновения двух доведенных лиц. Сама выработка политической позиции – это акт, который приобретает смысл лишь *соотносительно*, с помощью и через отличительный разрыв. Политическую жизнь можно описать поэтому в логике спроса и предложения, а политическое поле – как место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция: проблемы, программы, комментарии, события, из которых и должны выбирать обычные граждане.

В первую очередь это относится к доминируемым классам, у которых нет иного выбора, кроме отказа от прав или самоотречения в пользу партии, которая должна создавать представление о непрерывности класса, всегда стоящего перед опасностью впасть в прерывность атомизированного существования или в ограниченность борьбы за сугубо частные цели. Поэтому им нужны именно партии как перманентные организации, ориентированные на завоевание власти и предлагающие своим активистам и избирателям не только доктрину, но и программу действий и требующие взамен беспредельной приверженности. Доверенные лица имеют монополию на формулирование и оформление *институционализированных политических интересов*, т.е. политически выраженных и признанных интересов доверителей. При этом под видом последних они могут выставлять и свои собственные интересы доверенных лиц.

Таким образом, обобщая, можно предложить следующее определение политического конфликта. *Политический конфликт – это теоретическая и практическая борьба субъектов политики – доверенных лиц больших социальных групп, мобилизованных посредством номинации, за власть с целью модифицировать, трансформировать или сохранить социальный порядок. Условием реализации этой цели является обладание объективированным политическим капиталом (финансы, право, репрессивный аппарат и т.п.).*

Отсюда следует, что в поле политики идет борьба не только за монополию применения объективированных инструментов власти, ее ресурсов, но и за монополию разработки и распространения принципа легитимного разделения социального мира, и тем самым мобилизации групп. Поэтому сводить сущность политического конфликта лишь к завоеванию власти, как это делают некоторые авторы, на наш взгляд, не вполне оправданно. Во-первых, это означает признание *эгоцентрических мотивов* политического поведения как первоочередных и даже единственных, что не соответствует действительности, так как в политику приходят и идеалисты, и люди самых бескорыстных намерений. Во-вторых, многие оппозиционные движения в истории добивались идейной и политической гегемонии *прежде*, чем в их руки переходила государственная власть: завоевание последней представляло собой лишь чисто технический вопрос. Да и обладание властью в демократической политической системе не освобождает правящую партию, коалицию партий, президента страны от необходимости ежедневно и ежечасно "сражаться" за мобилизацию в свою поддержку наибольшего числа голосов избирателей (или респондентов – в регулярных рейтинговых опросах). Поэтому *ключевым моментом в понимании политического конфликта все же остается то, что символическая деятельность в поле политики всегда подчинена мобилизации наибольшей численности сторонников.*

На этот сущностный аспект политики обращают внимание и другие авторы, в частности известная исследовательница тоталитаризма Х. Арендт. По ее мнению, даже тоталитаризм, как высшая форма концентрации политической власти, никогда не довольствуется правлением с помощью внешних средств, а именно государства и машины насилия. Главное для него – предельная политизация и мобилизация сознания и поведения индивидов. "Он уничтожает расстояние между управляющими и управляемыми и достигает состояния, в котором власть и воля к власти, как мы их понимаем, не играют никакой роли, или в лучшем случае второстепенную роль... Насильственный захват власти – не цель в себе, и захват власти в любой данной стране – это только благоприятная переходная стадия, но никогда не конечная цель движения. Практическая цель движения – втянуть в свою орбиту и организовать как можно больше людей, и не давать им успокоиться"²³.

Помимо сказанного, специфику политического конфликта можно обозначить в нескольких тезисах.

²³ Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. – 1992. – Т.1. – № 2. – С. 31.

1. Политический конфликт есть неотъемлемая, имманентная черта мира политики, ее побудительное начало. Одно невозможно без другого. Не случайно современные определения политики предполагают включение в ее структуру феномена конфликта. По мнению американских политологов В. ван Дейка и Д. Истона, политика может быть определена как борьба субъектов, преследующих конфликтующие между собой цели, результатом которой является регулируемое и контролируемое властью распределение ценностей²⁴. Разногласия, соперничающие точки зрения, столкновения – все, с чем вызывают к власти, требуя их разрешения, и представляет собой то, что называется политическими конфликтами. Иначе говоря, конфликт – это не только основная категория политологии, но и язык теории политики, образ мышления политика.

2. Мир политики – это мир публичности, пространство для множества возможных действий. Когда различные возможности вступают в открытое жизненное пространство, они изменяют свой статус и открываются в столкновении мнений как общее дело, становясь в силу этого "общественными", публичными. В этом общественном столкновении мнений социальный мир приобретает новый характер, становится политическим миром.

3. Мир политики – это мир опосредованных отношений, способствующих конкретной индивидуальной свободе благодаря возможности выбора, но в то же время генерирующих недовольство и беспокойство. В результате появляется стратегия действий и ценностные суждения, придавая политическим представлениям корыстный характер. Это не всегда делает реальным конфликт, но всегда создает возможность сделать его реальным, ибо каждый индивидуальный или групповой субъект, имеющий свои собственные интересы, сталкивается с интересами других людей. Интересы могут оказаться совместимыми или, по крайней мере, признаваемыми равновесными. Но никакая предустановленная гармония здесь не гарантируется.

4. В силу специфики мира политики, присутствия в нем как реальных, осознанных, так и неосознанных интересов, структурирующих политические представления, последние могут оказаться объективно несовместимыми. Поэтому политические выборы часто сталкиваются с вопросами, где интересы противоположны. Например, надежды на увеличе-

²⁴ См.: Зарубежная политическая наука (методология, обучение, анализ политических процессов). – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 10.

ние зарплаты на производстве и на снижение цен на товары в магазинах сталкиваются в душе рядового избирателя; общественная необходимость в принятии бюджета и неприемлемость его содержания с точки зрения партийной позиции конфликтуют в душе депутата и т.п. Иными словами, индивидуальные предпочтения в мире политики могут находиться друг с другом в состоянии открытого конфликта.

5. Предметом политического конфликта являются *специфические ресурсы* – государственная власть, устройство властных институтов, политический статус социальных групп, ценности и символы, являющиеся базой политической власти и в целом данной политической общности. В этом ключевое отличие политического конфликта в сравнении, скажем, с индустриальным конфликтом. Если в экономике ресурсы делят более или менее справедливо, а иногда соглашаются на кооперацию, чтобы сначала увеличить производство продукта, а уже потом его разделить, то в политике это невозможно. Пост президента, главы правительства нельзя разделить, да и число мест в парламенте строго ограничено. Если в экономике, согласно либеральной доктрине, все вещи имеют меновую стоимость, то в политике иначе: для политической свободы и политической независимости нет справедливого эквивалента, как бы велика ни была предлагаемая взамен сумма. Предпочтения в политике проявляют свою несоизмеримость, поэтому выбор часто носит произвольный характер.

6. Монополия на производство политической продукции (программ, заявлений, платформ) у профессионалов и отсутствие компетентности в политике у рядовых граждан – все это делает рынок политики одним из наименее свободных рынков. Отсюда жесткость межпартийной конкуренции за голоса избирателей, инициируемая прежде всего *сверху*, от ее институционализированных субъектов.

По мнению известного теоретика Й. Шумпетера, первая и главная цель любой политической партии – подавить других, чтобы получить власть или остаться у власти. "Как и завоевание полосы земли или холма, решение политических вопросов, с точки зрения политики, не цель, но лишь материал парламентской деятельности. Поскольку политики стреляют словами, а не пулями, и поскольку эти слова неизбежно связаны с обсуждаемыми проблемами, ситуация не всегда бывает такой же ясной, как на войне. Но победа над противником, тем не менее, является сутью обеих игр"²⁵.

²⁵ Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 366.

7. Ожесточенность политической полемики и постоянное обращение участников дискуссии к этике объясняется, помимо прочего, тем, что кредит доверия тому или иному политику выдан не только в обмен на пропагандируемые им идеи, но и *ему лично*. Его качества предстают как *высшая гарантия* того представления о социальном мире, которое он проповедует. Поэтому оппонент стремится не только к тому, чтобы опровергнуть эти идеи чисто логическими и научными аргументами, но и *дискредитировать их, дискредитируя автора*. "Выдавая лицензию поражать не только идеи, но и саму личность противника, логика политического поля чрезвычайно благоприятствует стратегии озлобленности", – подчеркивает П. Бурдье²⁶. Поскольку истина в политике не имеет никакого онтологического преимущества, такая дискредитация может принести большие политические дивиденды одним и большой ущерб другим участникам конфликта.

8. Политический конфликт предполагает мобилизацию наибольшей численности в поддержку как одной, так и другой конфликтующей стороны. Он может быть описан как *политический мимезис* (т.е. подражание) борьбе групп или классов, чьими лидерами являются политические представители. Их борьба может рассматриваться как *превращенная, сублимированная форма классовой борьбы*, хотя классы и другие социальные группы становятся непосредственными участниками конфликта лишь в самом крайнем (революционном) случае. Это отличает политический конфликт от юридического. В последнем спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта, обладают правовыми "признаками", а конфликт влечет юридические последствия²⁷. Юридический конфликт также предполагает вербализованную борьбу, умение "сражаться словами" при помощи убедительных доводов сторон. Но это борьба в рамках и на почве права, между субъектами права, и сама юридическая коллизия не предполагает *апелляции к непосвященным*. Напротив, политический конфликт предполагает борьбу именно за мобилизацию непосвященных ("неспециалистов"), и масштабы мобилизации могут оказывать политическое воздействие, в том числе и на судебные решения. Так, разгоревшийся в процессе регистрации федеральных списков кандидатов в

²⁶ Бурдье П. Социология политики. – М: Socio-Logos, 1993. – С. 227.

²⁷ Юридический конфликт: сферы и механизмы (Юридическая конфликтология). – М, 1994. – Ч. 2. – С. 7.

депутаты в 1995 г. спор между Центризбиркомом и избирательным объединением "Яблоко", разрешенный в Верховном Суде в пользу последнего, представлял собой типичный юридический конфликт. Его сутью были различные типы толкования закона – правоприменительного (ЦИК РФ), правоисполнительного ("Яблоко") и судебного (Верховный Суд). Однако конфликт вполне мог приобрести и политическое измерение, поскольку речь шла об отлучении от участия в выборах влиятельного политического блока, пользовавшегося поддержкой не только избирателей, но и прессы, что облегчало возможности массовой политической мобилизации в его поддержку. Другой пример – прошедшие весной 1999 года выборы президента Карачаево-Черкесии, где победитель – генерал В. Семенов долгое время не мог приступить к полноценному исполнению своих обязанностей из-за массовых акций протеста, организованных его политическими противниками.

9. Политический конфликт не равнозначен военному конфликту, вооруженной борьбе, хотя – в экстремальных случаях – может ею заканчиваться. Но военный конфликт подчиняется собственным законам, включая технические²⁸. К. Шмитт справедливо полагал, что здесь собственно политика заканчивается. Поэтому не следует, на наш взгляд, сводить исследование политического конфликта к его крайним, революционным или вообще вооруженным формам (путчу, мятежу, восстанию и т.п.). Хотя политическая природа последних сомнений не вызывает, форма их развития и разрешения может вывести исследователя далеко за рамки поля политики, тогда как именно в этом поле многое еще подлежит изучению и объяснению.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что такое социальный конфликт? Перечислите его основные характеристики.

2. Как трактовалось политическое начало в общественной жизни выдающимися мыслителями прошлого – Г. Гегелем, К. Марксом, М. Вебером, К. Шмиттом, Х. Арендт и другими? Почему оно отождествляется с конфликтом?

²⁸ См.: Смутьский С.В. Идентификация военного конфликта (метрологические и теоретические ориентиры) // Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 194.

3. Какова природа и отличительные особенности политического конфликта? Назовите их.

4. Покажите специфические отличия политического конфликта от экономического, юридического, военного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабосов Е.М. Конфликтология: Уч. пособие для студентов вузов. – Минск, 2000. – 464 с.
2. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. М., 2000. – 320 с.
3. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – 344 с.
4. Политическая энциклопедия: В 2 т. – Т. 1. – М., 1999.
5. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 37-68.
6. Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия. – М., 1995. – 540 с.
7. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М., 2000. – 288 с.
8. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.
9. Вебер М. Избр. произведения. – М., 1990. – 804 с.
10. Стризов А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. – Волгоград, 1999. – 340 с.
11. Конфликтология / Под ред. А.С. Кармина. – СПб., 1999. – 448 с.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Признание многими теоретиками конфликтной природы политики побуждает некоторых современных исследователей рассматривать едва ли не всю историю социальной и политической мысли как смену разнообразных конфликтологических концепций. При этом сосредоточивают внимание на том, кто из мыслителей прошлого и какой внес вклад в разработку проблем политических конфликтов. Определенный смысл в этом есть. Большинство выдающихся философов, социологов, политологов и представителей других наук – от Аристотеля до Маркса и после него – так или иначе обращались к феноменам и причинам общественных смут и политической борьбы, искали пути и способы предупреждения или разрешения и даже подавления общественных конфликтов. Однако такой предельно широкий подход к изучению истории конфликтологии не очень плодотворен. Сосредотачиваясь на беглом изложении авторских, персональных позиций, недостаточное внимание обращалось на *методологические аспекты* тех или иных концепций, их парадигмальные основания.

На наш взгляд, настало время методологической рефлексии конфликтологических концепций, т.е. вычленения *методологических парадигм*, выяснения того, какие аспекты, проблемы конфликтного взаимодействия выдвигаются в центр исследовательского внимания, как трактуется его природа, структура, динамика. Как правило, конфликтные модели приходили в политическую теорию *извне*, из социологии или общей теории систем, поэтому необходима хотя бы беглая "инвентаризация" концептуального поля исследования социальных конфликтов.

Следует помнить, что смена парадигм исследования конфликтов всегда была тесно связана с динамикой общественных изменений, а сами методологические подходы – вне зависимости от артикуляции в них собственно политической проблематики – являлись теоретическим ответом на вопрос о том, *как возможно общество и как соотносится общественный порядок и его изменение*.

Одной из самых влиятельных парадигм долгое время была *диалектическая теория конфликта К. Маркса*. Она явилась наиболее радикальным ответом на господствовавшие в начале прошлого века представления об обществе как о социальном организме, на преувеличение степени его культурного, нормативного, морально-целевого единства, а также

на представления об органичности и единообразии исторического процесса. Маркс создал такой образ социальной организации, который оказывает значительное влияние и на современную социологическую теорию. Согласно ей, экономические отношения, и прежде всего отношения собственности, определяют организацию всего общества. Классовая структура и институциональное устройство, так же как и культурные ценности, убеждения, религиозные догмы и прочие идеи, существующие в социальных системах, в конечном счете являются отражением экономического базиса. Поэтому экономической организации любого общества (исключая будущее, коммунистическое) свойственны такие силы, которые неизбежно порождают классовый конфликт. Поляризация классов приводит к революционному свержению господствующего класса угнетенным. Следовательно, конфликт имеет два полюса, причем эксплуатируемый класс, сложившийся в определенных экономических условиях, начинает осознавать свои истинные интересы благодаря созданию политической организации.

Согласно Марксу, социальные отношения, проявляя свойства систем, изобилуют конфликтными интересами, а сам конфликт является неизбежным свойством и источником изменения социальных систем. Классовые конфликты проявляются в полярной противоположности, антагонизме интересов, а их источником чаще всего является недостаточность ресурсов, прежде всего собственности и власти. В диалектической модели Маркса нашли свое отражение и некоторые зависимости, важные для структурирования противоборствующих классов, и в частности:

- чем лучше осознаны коллективные интересы, тем скорее конфликт перерастет из латентной стадии в открытую;
- чем выше уровень развития политической организации и политического руководства, тем сильнее идеологическая сплоченность подчиненного класса;
- чем больше поляризованы борющиеся классы, тем выше насильственность конфликта и т. д.

Концепция Маркса охватывает, таким образом, как структурные компоненты конфликта, так и факторы, влияющие на его формирование и динамику.

Другая парадигма исследования конфликтов – конфликтный функционализм Г. Зиммеля – была призвана решить проблему форм базисных социальных процессов. Соглашаясь с Марксом в том, что конфликт в обществе неизбежен и закономерен, Зиммель иначе объяснял общественное предназначение социальной структуры. По его мнению, ее составля-

ют не столько отношения господства и подчинения, сколько разнообразные, неразрывно связанные друг с другом процессы ассоциации и диссоциации, которые можно отделить друг от друга лишь в ходе теоретического анализа.

Согласно Зиммелю, конфликт выражает не просто столкновение интересов, но и нечто большее, так как возникает на основе инстинктов враждебности. Отсюда конечным источником конфликтов является внутренняя биологическая природа людей, в то время как столкновение интересов лишь обостряет борьбу, но не является ее основной причиной. Поэтому идеал Маркса – полностью кооперированное, гармоничное и интегрированное общество будущего – не обнаружило бы никаких признаков жизнедеятельности и, следовательно, совершенно нереально.

В отличие от Маркса, полагавшего, что конфликт в конце концов обязательно усиливается, приобретает революционный характер и приводит к структурным изменениям системы, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера – менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы, стимулировали ее упорядоченные изменения. Однако и он высказал ряд суждений, относящихся к остроте конфликта, т.е. к степени прямой конфронтации и насилия борющихся партий. Чем сильнее эмоции, вызванные конфликтом, тем с большей вероятностью последний будет связан с применением насилия. Прежде всего это относится к межличностным конфликтам. В межгрупповых конфликтах различие и идентификация прямо влияют на внутреннюю сплоченность борющихся групп. Вероятность применения насилия в конфликте тем выше, чем более гармоничными были предшествующие отношения его участников, чем больше каждая из групп считает его самоцелью и чем более она убеждена в том, что конфликт выходит за пределы ее индивидуальных интересов.

Принципиально важным представляется вывод Зиммеля о том, что в дифференцированных социальных системах, основанных на функциональной взаимообусловленности частей, менее острые конфликты усиливают интеграцию системы преимущественно тем, что препятствуют возникновению острых разрушительных конфликтов. Условием этого является их институционализация и нормативное регулирование. Острые и продолжительные конфликты способствуют созданию коалиций или интегрируют ранее не связанные группы.

Таким образом, если Маркс подчеркивал имманентно антагонистический характер конфликтов, обусловленный диспропорциями в социально-экономической структуре, то Зиммель считал антагонизм психо-

логическим и, следовательно, преодолимым феноменом, обращая внимание на условия, при которых может измениться острота конфликта и проявятся в полной мере его интегративные последствия.

"Формальная социология" Г. Зиммеля оказала прямое и непосредственное влияние на трактовку политики как борьбы групп интересов, которая получила первое теоретическое обоснование в работе А. Бентли "Процесс управления" (1908 г.). Последний трактовался как процесс приспособления многих групп интересов в определенной внутренне дифференцированной системе. Группы, пользующиеся для достижения своих целей помощью правительственных организаций, являются политическими. Интересы конфликтны, поскольку определяются соотносительно (через противоположность), и рациональны. В качестве группы в концепции Бентли рассматривался любой социальный агрегат, включая институты. Это вызвало резкую критику институционалистов, однако автор специально подчеркивал, что и институты могут вести себя как группы, поскольку интересы их конфликтны. Вместе с тем его теория несла в себе и сильное гармонизирующее начало, так как исходила из представления о необходимости равновесия и равновлиния групп как условия общественной стабильности. В 70–80-е годы этот тезис был реализован в рамках корпоративной модели управления в ряде европейских стран, в основе которой лежал социал-демократический консенсус.

В свою очередь, в рамках марксистской парадигмы возникали теории, опровергавшие представления о гармонизации общественных отношений. По мнению известного теоретика К. фон Байме, ни одно из основных понятий политической теории и сегодня не возникает вне связи с учением К. Маркса¹. В первую очередь это касается понятия "класс", в особенности "рабочий класс", и его трансформации в политический субъект.

Одной из главных методологических посылок Маркса был тезис о существовании двух основных классов-антагонистов, борьба которых приводит к ниспровержению устоев буржуазного общества. Используемый им прием упрощения сложно структурированного общества, не сводившегося к наличию только двух классов, теоретически оправдан поиском доминантного размежевания. В этом с ним солидарны многие современные немарксистские социологи, полагающие, что наряду с множеством субординированных размежеваний может существовать одно доминирующее.

¹ *Beyme K. von. Die politischen Theorien der Gegenwart. Eine Einführung.* – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. – S. 205.

Вместе с тем динамика превращения угнетенного класса из "класса-в-себе" в "класс-для-себя", т.е. становление его в качестве политического субъекта, оказывается наиболее сложно решаемой теоретической проблемой. Современные исследователи задаются вопросом о том, каким образом классовое сознание пролетариата должно достичь некоей измеримой величины. Многие марксисты в прошлом пытались придать организационную конкретизацию понятию "классовое сознание" через его идентификацию с пролетарской партией. Основания для такой трактовки дал сам Маркс, когда в "Манифесте Коммунистической партии" заявил: "Эта организация пролетариев в класс, и тем самым – в политическую партию (выделено мною. – А. Г.), ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее"². Однако эмпирические исследования 50–60-х гг. большей частью не подтвердили марксистскую посылку о перманентном и неуклонном обострении классовых конфликтов. Изучение различных союзов и объединений показало многослойность конфликтов и необходимость их детализированного анализа. Было отмечено, что классовое сознание рабочих слабо реализуется в политических действиях: субъективная самоидентификация с рабочим классом во многих странах не воплощается в адекватное преимущество рабочих партий на выборах. Так, почти треть английского рабочего класса, несмотря на призывы к классовому сознанию, в 80-е годы голосовала за консерваторов, и эта потеря ни разу не компенсировалась для лейбористов голосами средних слоев. Кроме того, классы, в силу предельно общего смысла этой категории (в отличие от "элит" или "групп интересов") менее всего исследовались средствами эмпирической техники.

Везде, где в современной социологии начинается работа с понятием "класс", это происходит под влиянием и в дискуссиях с марксизмом. В первую очередь это относится к дихотомическим теориям, выделяющим господствующие и подчиненные классы. В откровенной конфронтации с классовой теорией находятся теории элит. В свое время это четко сформулировал В. Парето, выдвинувший, в противовес марксистскому тезису о классовой борьбе как движущей силе истории, тезис о том, что *история человечества – это история смены аристократий*³. Г. Моска трактовал элиту не столько исходя из ее социально-структурных позиций в обществе, сколько из ориентации на политическое действие –

² *Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии* // Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 433.

³ См.: *Парето В. О применении социологических теорий* // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 142.

как *правящий класс*. Большинство теоретиков элит имплицитно или эксплицитно подразумевает примат политического над экономическими и социальными детерминантами общественных изменений, активное инициирование конфликтов различными элитными группировками. Отсюда глубокий пессимизм по поводу человеческой природы, присутствующий даже в демократических теориях элит (например, Г. Лассуэлла).

Вместе с тем только активностью элит невозможно объяснить феномен массовой мобилизации, интенсивность эмоций участников конфликта, мотивов политического поведения и соперничества. Неизбежной становится потребность в том, чтобы дополнить портрет *homo politicus* психологическим анализом.

Наибольшее влияние на исследование человеческой агрессивности в политике оказал **З. Фрейд**, создавший теорию психических фрустраций как основы конфликтного поведения. Теория фрустраций (т.е. подавленных желаний) является одним из главных оснований психоаналитического объяснения политической борьбы. Поскольку воля к власти, согласно Фрейду, является манифестацией инстинкта смерти, с характерными для него деструктивностью и насилием, то ясно, что этот ведущий принцип политики уже по самому своему определению опасен и враждебен культуре и жизни.

Агрессивность, насилие, жажда господства, авторитаризм – побудительные мотивы политических конфликтов – могут быть также результатом явления **компенсации**. Желание господствовать бывает свойственно как сильной и энергичной, так и психически слабой личности, компенсирующей в политике свои физические недостатки (как утверждают историки, все диктаторы были маленького роста – Цезарь, Наполеон, Гитлер, Сталин, а некоторые имели и существенные физические недостатки).

Вместе с тем Фрейд достаточно реалистически оценивал масштабные политические конфликты типа войн, полагая, что их причины нужно искать не только в человеческих инстинктах, но и в реальных противоречиях, конфликтах между конкретными социальными группами, включая нации и национальные государства. Часто человеческая агрессивность является не только причиной, но и следствием политических решений, принятие которых осуществляется руководством той или иной страны.

Исследованию агрессивного поведения человека в политике посвятили свои труды и другие видные ученые. Новой попыткой разгадать природу "политического человека" стала **аналитическая психология К. Г. Юнга**. Согласно его концепции, каждый индивид выполняет в бук-

вальном смысле слова роль мотора, производящего избыточную психическую энергию – источник изменений и конфликтов в обществе. Развитие культуры и политики постепенно подчиняет инстинктивную природу человека и приводит к последовательной дифференциации коллективной и индивидуальной психики. Но это мучительный процесс, в ходе которого человек вынужден вступать в конфликт со своей первоначальной природой, со своими инстинктами и коллективным бессознательным. Этот разлад (в клинических терминах – невроз) является "печатью цивилизованного человека", ибо последний призван привести в согласие природу и культуру внутри самого себя. Но этот процесс сопровождается периодически повторяющимся бунтом со стороны животной природы, стремящейся вырваться на свободу. И точно так же волна безумия время от времени прокатывается по людским обществам, слишком долго несящим бремя культурных запретов. Однако вслед за этими "бурными" периодами идут уравнивающие их периоды аскетизма и духовного идеализма. Таким образом, история имеет циклический характер, она не соответствует представлениям об однонаправленном линейном прогрессе.

Для того чтобы поставить границы разрушительным силам, и отдельный индивид, и группа должны научиться сознать и переносить напряжение противоположностей в своей психике. Юнг считал, что от способностей человека выдерживать это напряжение зависит будущее человечества⁴.

Психологический подход к исследованию политики дал возможность **приоткрыть завесу над тайнами человеческой психики**, ее влиянии на возникновение массовых политических движений, природу агрессивности и т.д. Однако сводить конфликт лишь к его психологической составляющей было бы неверно, поскольку это обедняло бы его природу и игнорировало те предметные области, в которых он возникает, прежде всего политическую и социальную структуры общества. Новую версию структурализма в исследовании конфликтов предложил известный представитель европейской политической социологии **Р. Дарендорф**.

Р. Дарендорф взял за основу понятие господства, заимствованное у М. Вебера и предложил, тем самым, свой вариант трактовки дихотомического соотношения классов. Классы, выделяемые по чисто экономическим признакам, являются для Дарендорфа лишь особым случаем феномена класса. Вместе с тем он убежден в том, что термин "класс" употреблялся Марксом в том же значении, что и у него, тогда как Вебер и

⁴ См.: Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. – М., 1996. – 384 с.

Зомбарт придали этому понятию иной смысл – "слоя". "Слой" – это дескриптивное понятие порядка, – пишет Р. Дарендорф. – Понятие "класс", напротив, есть аналитическая категория, которая может иметь смысл лишь во взаимосвязи с классовой теорией. Классы – это вырастающие из определенных структурных условий группирования интересов, которые как таковые вступают в социальные конфликты и вносят свой вклад в изменение социальных структур"⁵.

Концепция Р. Дарендорфа, являющаяся наследницей диалектической теории конфликта К. Маркса, стала ответом на предложенную в 50-е годы Т. Парсонсом новую разновидность равновесной модели общества. Согласно ей, равновесие социальной системы обусловлено рядом обстоятельств. Организация институционализированных образцов, или "социальных систем" возникает благодаря тому, что "акторы" согласовывают между собой различные ориентации; возникают нормативные предписания, которые влекут за собой организацию действия; подобная организация поддерживается при помощи разнообразных механизмов социального контроля – межличностных санкций, ритуалов, предохранительных структур, обособления ролей, а в некоторых случаях – и власти, а также при помощи механизмов социализации – интериоризации релевантных ценностей и приобретения критических межличностных навыков. Всем сложным обществам свойственны внутренние противоречия и конфликты, однако консенсусные институты и ценности составляют необходимые условия для их сохранения.

В 50-е годы эта теория была подвергнута резкой критике за то, что она затушевывает конфликтную природу социальной действительности. Постоянно предполагая порядок и равновесие, легко превратить конфликты, неустойчивость, беспорядок в патологию, отклонение и аномалию. По мнению Д. Локвуда и Р. Дарендорфа, при исследовании социальных систем "механизмы беспорядка" должны иметь такое же аналитическое значение, как и парсоновские механизмы социализации и социального контроля. Без этого системный функционализм Т. Парсонса превращается в утопию.

Согласно Дарендорфу, общественный порядок поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета в различных типах императивно координированных ассоциаций (ИКА), т.е. союзах господства. Последние представляют собой хорошо различимую организацию ролей в системе властных отношений. В любом конкретном союзе

господства можно выделить два основных типа ролей – правлящих и управляемых, которые борются и конкурируют между собой за дефицитные ресурсы – власть и авторитет. Это и есть главный источник конфликтов и перемен. Правящие стремятся к сохранению, управляемые – к изменению status quo, перераспределению власти или авторитета. При определенных условиях осознание этой структурной противоположности интересов возрастает, вследствие чего организация поляризуется на две конфликтные группы, каждая из которых отныне сознает свои объективные интересы и вступает в борьбу за сохранение или перераспределение власти. Структура власти, по мнению Дарендорфа, логически предшествует структуре социальной стратификации. Последняя есть только следствие структуры власти.

Перераспределение авторитета представляет собой институционализацию нового комплекса ролей правящих и управляемых, которые – при определенных условиях – снова начинают конкурировать друг с другом в борьбе за авторитет. Таким образом, социальная действительность служит прообразом этих бесконечно повторяющихся конфликтов по поводу авторитета в различных типах ИКА, из которых состоит социальная система.

Принципиально важным представляется тезис Дарендорфа о том, что в случаях, когда размежевания в различных, существующих в обществе организациях – экономических, социальных, политических и т.д. накладываются друг на друга, возникают конфликты, охватывающие крупные сегменты общества и имеющие большую разрушительную силу. Если же конфликт ограничен рамками какой-то конкретной организации, его размах и последствия будут иными.

Таким образом, в отличие от Маркса, видевшего источник конфликтов в базисе общества, в его внутренней структуре, где дифференцированное распределение собственности и власти с неизбежностью вызывает социальные и политические изменения, Дарендорф видит совершенно иной источник конфликта – ролевые отношения узаконенного авторитета в союзах господства. При этом он подчеркивает, что власть лишь отчасти является отражением отношений собственности, поскольку в посткапиталистическом обществе капитал-функция отделен от капитала-собственности, что не позволяет рассматривать господствующий класс как единое целое. Подчиненное положение управляющих (менеджеров) в рядах господствующего класса допускает совпадение их интересов с интересами рабочего класса, делает возможным союз между ними.

Подобно Марксу, Дарендорф не исследует эмпирические условия, при которых отношения господства и подчинения осознаются как противо-

⁵ Darendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikte in der industriellen Gesellschaft. – Stuttgart, 1957. – S. 9.

положность интересов, конфликт которых приводит к социальным изменениям. Причинный анализ динамики конфликта начинается с разра-ботки условий, которые приводят к росту классового сознания (Маркс) или к осознанию квазигруппами своих объективных интересов (Дарен-дорф). Затем анализ переключается на создание политизированного "класса-для-себя" (Маркс) или подлинной конфликтной группы (Дарен-дорф), на возникновение конфликта между поляризованными и полити-зированными классами (группами). Таким образом, уточнение субъекта конфликта – класса или конфликтной группы – осуществляется через саму его идентификацию непосредственно в конфликтном процессе.

Особое внимание немецкий социолог уделяет условиям социальных и политических конфликтов. Одно из них – зависимость остроты конф-ликта от степени восходящей мобильности между господствующей и под-чиненной группами. Чем больше перекрыты каналы восходящей верти-кальной мобильности, тем более острым и насильственным будет конф-ликт. Другое условие – зависимость насильственного характера конф-ликта от технических, политических и социальных условий организации его участников. Чем больше легальных условий для создания социальных или политических протестных групп, тем менее насильственным будет конфликт. В свою очередь, чем более интенсивным и насильственным является конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорга-низаций в социальной системе и больше их объем.

Поскольку отношения господства и субординации в ИКА имманент-ны и неизбежны, устранить причины конфликта невозможно. Поэтому задача состоит в том, чтобы регулировать формы протекания конфлик-тов посредством их институционализации. Только в этом случае, пола-гает Дарендорф, созидательный потенциал конфликтов будет обращен на пользу общества, станет главным критерием свободы и демократи-ческого развития.

В рамках структурного подхода к политическому конфликту необ-ходимо назвать теорию французского политолога М. Дюверже. В своем фундаментальном труде "Идея политики. Применение силы (власти) в обществе" он рассматривает целую совокупность факторов – биологи-ческих, психологических, географических, социокультурных и прочих, влияющих на характер и формы политических конфликтов.

Согласно М. Дюверже, есть два основных взгляда на политику. В соответствии с первым, политика – это конфликт, борьба, в которой власть позволяет тому, кто ею владеет, получать от этого выгоду и уп-равлять обществом. Согласно второму, политика – это попытка внести в жизнь общества правила порядка и справедливости, где власть гаранти-

рует общий интерес и всеобщее благо против давления частных интере-сов. Принятие той или иной точки зрения частично определяется соци-альной ситуацией, социальным положением. Для угнетенных, недоволь-ных, бедных политика – это конфликт. Для богатых, обеспеченных, до-вольных – это интеграция. Часто вторые убеждают первых, что полити-ческая борьба бесчестна, нездорова, и те, кто в ней участвует, преследу-ют свои интересы с помощью сомнительных средств. "Деполитизация" благоприятствует установленному порядку, неподвижности и консерва-тизму и служит надежной стратегией для господствующего класса. Вме-сте с тем М. Дюверже полагал, что конфликт и интеграция являются дву-мя сторонами одного и того же процесса, в котором конфликт естествен-но порождает интеграцию, а различия, развиваясь, имеют тенденцию подавлять друг друга, приводя к гармонии. При этом политическая гар-мония развивается параллельно экономической.

Отменяя роль многообразных факторов в возникновении полити-ческих конфликтов, М. Дюверже считал наиболее важными социально-экономические факторы. Неравенство между группами (классами) лю-дей порождает глубокий антагонизм, который является основой поли-тической борьбы. В каждом обществе есть фундаментальное противосто-яние между привилегированными, которые могут удовлетворять свои желания, получать все удовольствия от жизни, и угнетенными, которые борются за то, чтобы занять положение богатых. Этот конфликт являет-ся политическим, так как он касается власти, а власть есть одно из самых эффективных средств получения и сохранения привилегий. Вместе с тем культура, идеология, институты и системы ценностей не являются по-бочными продуктами социально-экономических условий, как считал К. Маркс. Они (т.е. культурные факторы) не только определяют форму и контекст политической борьбы, но и способствуют рождению конфлик-тов, их усилению или затуханию.

Методологические установки Дарендорфа в последнее время разви-ваются в рамках так называемой динамической социологии А. Турена. Он исходит из той же дихотомической модели общества и концентрирует свое внимание на современных формах конфликтов. Вместе с тем общество рассматривается Туреном не через социальную структуру, а через социальную динамику, благодаря чему оно становится историческим дви-жением, историчностью. Надо изучать не классы сами по себе, но их от-ношения как социальных акторов. Эти отношения не являются ни отно-шениями конкуренции, ни простыми "напластованиями" внутри соци-ального порядка, ни противоречиями, но отношениями конфликта межд-у господствующим классом, который служит историчности и использу-

ет ее в своих интересах, и подчиненным классом, который сопротивляется этому господству и оспаривает присвоение первым социальной динамики. "Он (господствующий класс) впервые порождает глобальное, культурное, а не только экономическое или политическое сопротивление, которое не является защитой групп или особых социальных интересов, но протестом всех управляемых против технократической доминации", – пишет А. Турен⁶.

Парсонсовский системный функционализм вызвал и более мягкую, чем у Дарендорфа, критику своих основных постулатов в лице конфликтного ("позитивного") функционализма Л. Козера. Последний рассматривал социальный мир как систему различным образом взаимосвязанных частей, где отсутствует Равновесие, существует напряженность и конфликтные интересы. Процессы, протекающие в недрах системы, могут – при определенных условиях – как содействовать сохранению или возрастанию адаптивности системы, так и препятствовать этому, уменьшая ее интеграцию. Проблема в том, как усилить интегративные, стабилизирующие систему функции конфликтов и минимизировать их негативные последствия.

Причины конфликтов, по мнению Козера, материального свойства – это ограниченность ресурсов, в частности интенсивное обнищание. Вследствие этого существующей системе распределения начинают отказывать в законности, и этот процесс является результатом действия социальных структурных переменных, в частности политических условий (возможность или невозможность свободно выражать недовольство в пределах установленной системы); социальных условий (уровень допускаемой в системе мобильности); социокультурных условий (уровень минимальной взаимной лояльности, необходимой для существования системы). Подобно Дарендорфу, Козер обращает внимание на вертикальную восходящую мобильность между господствующими и подчиненными группами, что снижает вероятность насильственных конфликтов. Кроме того, особое значение придается психологическим переменным, на которые оказывают влияние структурные силы и которые, в свою очередь, воздействуют на вероятность возникновения открытого конфликта. Так, остроту конфликтных отношений в системе, по мнению Козера, можно рассматривать во взаимосвязи таких переменных, как эмоции участников, жесткость социальной структуры, уровень реализма в конфликте, связь конфликта с наиболее существенными для его участников ценностями и проблема-

ми, вероятность реализации целей противоборствующих групп за пределами их личных интересов и т.д. Отсюда два основных типа конфликтов – реалистические, т.е. связанные с преследованием определенных целей и учетом вероятных издержек целедостижения, и нереалистические, связанные с открытым выражением враждебности и отсутствием ясного предвидения негативных последствий конфликта. Выводы Козера противоположны представлениям Маркса о том, что осознание классом своих объективных интересов приводит к острому (революционному) конфликту. Следуя Зиммелю, Козер подчеркивает, что ясная осознанность интересов вероятнее всего заставит участников конфликта искать компромиссы и иные средства, альтернативные открытым формам борьбы с тем, чтобы попытаться избежать больших издержек, связанных с острым (нереалистическим) конфликтом.

Особое внимание Козер уделит двум аспектам конфликтного взаимодействия, которые, по существу, были проигнорированы Зиммелем и Дарендорфом – длительности конфликта и его функций. При определении длительности конфликта решающими являются такие показатели, как ясность целей конфликтующих групп, степень их согласия по поводу смысла победы или поражения, способность лидеров понять, чего стоит победа, убедить своих сторонников в том, что желательно было бы прекратить конфликт. Иными словами, длительность конфликта в значительной степени зависит от лидеров конфликтных групп, от того, насколько они способны контролировать действия своих последователей.

Что же касается функций конфликта, то они зависят от типа социальной системы, в которой конфликт происходит. Чем менее жесткой является ее внутренняя организация, тем вероятнее, что именно конфликт может установить равновесие и иерархию власти, способствовать созданию ассоциативных коалиций, которые увеличат сплоченность и интеграцию системы. Чем чаще конфликты и чем они мягче, тем вероятнее, что они должны содействовать нормативному регулированию. "Острота конфликта, грозящего "полным разрывом" и подрывающего основополагающие принципы социальной системы, напрямую связана с жесткостью ее структуры", – считает Козер. – "Равновесию подобной структуры угрожает не конфликт как таковой, а сама эта жесткость, способствующая аккумуляции враждебных чувств и направляющая их вдоль одной оси, когда конфликт все-таки вырывается наружу"⁷. Таким образом, Козер в большей степени исследует интеграцию и адаптивность

⁶ Цит. по: Ансар П. Современная социология. Гл. 6 // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 118.

⁷ Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000. – С. 184

системы как результат конфликта, чем нарушение равновесия, аномалии и антагонизмы между подгруппами.

Одним из самых известных представителей конфликтного функционализма в политической науке является С. Липсет. Он предпринял анализ социальных и политических конфликтов, а также путей и способов, с помощью которых ценностные системы и политические институты служат поддержанию порядка и консенсуса. С. Липсет решительно против преувеличения различий между конфликтной и консенсусной парадигмами. Признание общих ценностных систем, по его мнению, еще не означает уровня снижения внутренних конфликтов. Даже ценности, принятые во всем обществе, могут на практике порождать острую борьбу, революционное и отклоняющееся поведение. Например, общая приверженность американцев ценностям ориентации на успех и продвижение вверх по социальной лестнице связаны с высоким уровнем преступности и недовольства⁸.

С. Липсет считает, что одни и те же институты можно рассматривать и как средства интеграции, и как факторы конфликта. Так, профсоюзы и политические партии являются факторами конфликтов с группами, представляющими другие интересы и группы. Но в то же время они выполняют функции интегрирования отдельных индивидов в общество в целом. Неорганизованные люди потенциально являются гораздо большей опорой для революционных и экстремистских движений левого и правого толка, чем те, кто принадлежит к определенным группам. Тем самым подчеркивается необходимость структурирования конфликтных групп, что способствует достижению политических договоренностей.

Признавая заслуги структуралистов в исследовании природы и источников конфликтов, Липсет обращает внимание на то, что выявление структурных противоречий не открывает автоматически путь к предсказанию направлений изменений, которые могут произойти. Социальные системы могут распадаться или приходить в упадок, подобно Римской империи; порождать условия для расширения социальных и революционных движений; модифицировать внутриобщественные отношения и т.д. Необходимо выявить совокупность факторов, определяющих тот или иной исход конфликта.

В рамках функционального анализа С. Липсет выделяет базовый социальный конфликт – между ориентациями на две различные формы ра-

⁸ См.: Липсет С.М. Консенсус и конфликт. Очерки по политической социологии: Реф. – М.: ИНИОН РАН, 1987. – С. 3.

циональности: ценностную, касающуюся сознательной оценки целей и основных ценностей, и целевую, касающуюся средств достижения поставленных целей. Целерациональность делает упор на этику ответственности, ценностная рациональность – на этику абсолютных целей. Эти две ориентации в их чистой форме внутренне присущи структурам различных групп, чье мировоззрение коренным образом различается и противостоит друг другу. Еще в Древней Греции эти два типа ориентаций использовались для объяснения конфликтов поколений; в наши дни – экстремистских и умеренных политических сил. Причем крайние – как правые, так и левые – рекрутируют своих сторонников главным образом из среды молодежи.

Другое противоречие – широко разрекламированная свобода как абсолютная ценность и новые формы социального отчуждения, связанные с возможной утратой значения участия в политических и общественных институтах. В современном индустриальном обществе ценности свободы и эгалитаризма противостоят его бюрократической иерархической организации. Отсюда – острое чувство фрустрации, особенно у образованной молодежи, которой приходится сталкиваться с харизматической "ценностной рациональностью" социального порядка. Не случайно именно университет стал символом социального конфликта.

Эмпирические исследования 50-х годов привели западных политологов к выводу, что происходит перемещение линий конфликтов с межгрупповых на межличностные (интраперсональные) отношения, и в этом – одно из существенных условий стабилизации современных демократических обществ. Еще одним условием стабилизации плюралистической демократии является так называемое "текущее членство": члены общества принадлежат к множеству не только действительно существующих, но и потенциальных групп интересов. В концепции Д. Трумена конфликт групп динамизирует политику и социальные изменения. Но сам по себе конфликт всегда содержит в себе тенденцию к равновесию, балансу интересов, а социальная система корректирует структурные диспропорции.

Среди концепций, в той или иной степени претендующих на универсальное применение как к внутренней жизни общества, так и к международным отношениям, следует отметить общую теорию конфликта К. Боулдинга. В отличие от Дарендорфа и Козера, пытавшихся непосредственно преодолеть слабости структурного функционализма, общая теория конфликта Боулдинга создавалась вне указанной связи. Автор пытался создать теорию, предотвращающую прежде всего международные конфликты.

Подобно конфликтным функционалистам, Боулдинг исходил из естественности конфликтного поведения людей, причины которого коренятся в самой их природе. Отсюда упор на общие элементы и общие образцы развития, свойственные всем конфликтам, что имеет значение для их практического завершения. Предельно общим выглядит и подход к сторонам конфликта, под которыми Боулдинг понимает отдельных индивидов, группы, организации, государства и т.д. Другим структурным элементом конфликта являются отношения между сторонами, определяемые понятием "конкуренция". В итоге конфликт трактуется как конкурентная ситуация, в которой стороны *сознают* несовместимость своих позиций и каждая сторона *стремится* занять позицию, несовместимую с желанием другой стороны.

Главное отличие конфликта от конкуренции – в осознании соперниками собственных целей и несовместимости интересов. Интересы, как побудительные силы конфликта, рассматриваются Боулдингом вне их материальной основы, с индетерминистских позиций, т.е. со ссылкой на сложность человеческой психики. Отсюда динамическая модель конфликта представлена как совокупность реакций противоборствующих сторон на внешние стимулы. Бихевиористский подход присущ и другим теоретикам конфликта, в частности А. Обершеллу.

Исходя из трактовки сторон конфликта, Боулдинг выделяет межличностные, организационные и групповые конфликты; с учетом сферы, в которой они разворачиваются – экономические, политические (международные), идеологические. Таким образом, его типология конфликтов наряду с общими формальными, включает и содержательные, качественные признаки.

Отличительной чертой подхода К. Боулдинга является вычленение объективной и субъективной сторон конфликта, в совокупности определяющих его качественную природу. И в межличностных конфликтах, и в конфликтах организаций возникновение и сам характер любых столкновений в конечном счете определяется самосознанием индивидов и групп. "Ключ к природе любой конфликтной ситуации находится в самосознании сторон," – писал Боулдинг⁹. Различие между всевозможными типами конфликтов только в количественной характеристике самосознания, в большей или меньшей сложности цепи, по которой "передаются" образы. В конфликтах организаций особое влияние на формирование образов и вообще самосознания сторон оказывает личное

⁹ Цит. по: Нечипоренко Л.А. Буржуазная "социология конфликта". – М.: Политиздат, 1982. – С. 118.

мнение людей, занимающих доминирующие позиции во враждующих группах, т.е. лидеров.

Специфику общественных конфликтов Боулдинг видит в том, что человек в своем сознании оперирует символическими образами, представлениями, картинками, дающими ему знание о внешнем мире, о себе и о других. Автор использует фрейдистскую концепцию раздвоенности сознания, психики и поведения человека, вводя иррациональный момент в понимание источника коллизий, социально-исторических движений и перемен. Подавление официальной системой неофициальной, оппозиционной символики приводит, по мнению Боулдинга, к социальным потрясениям. Всякая общественная борьба – национально-освободительные движения, социальные революции и т.д. являются всего лишь проявлением противоречий в сфере сознания и бессознательного. В результате революции одна система символов уступает место другой. Что же касается государства ("режима власти"), то его роль сводится только к защите господствующей системы символов. Поэтому любая революция устанавливает новую государственную власть, новый политический режим исключительно в интересах господства новой системы символов, полагает Боулдинг.

Таким образом, диалектическая и функциональная конфликтологические парадигмы, при всех отличительных особенностях представляющих их концепций, решили многие важные теоретические вопросы, связанные с влиянием структурного контекста на возникновение и разворачивание конфликтов (демократическое/авторитарное общество); с факторами интенсивности и насильственности конфликтов, особенно крупных социальных потрясений; со степенью их реалистичности или нереалистичности; с зависимостью продолжительности конфликта от субъективных факторов, прежде всего от ясности целей конфликтующих групп, степени их согласия по поводу смысла победы или поражения, а также контроля над ними со стороны лидеров. Особо подчеркивались функциональные последствия конфликтов: более четкое разграничение между группами, централизация принятия решений, укрепление идеологического единства, усиление социального контроля и т. д.

Наибольший вклад в разработку конфликтологических методологических парадигм внесли представители социологической науки, преимущественно политической социологии. Разработанные этой наукой теории и методы могут быть полезными в исследовании политических конфликтов. Это не означает, что теряется собственно политическая предметность, а политические феномены растворяются в социальных.

Задача исследователя состоит в том, чтобы преломить через призму политологического анализа накопленный социологией конфликт огромный методологический и теоретический арсенал, дать ему, образно говоря, новую жизнь в рамках политического поля. Решение этой задачи, на наш взгляд, должно осуществляться на основе следующих основных методологических посылок:

1. *Проблема конфликта не менее комплексна, чем проблема интеграции общества.* Это предполагает ее решение при помощи нескольких методологических подходов в рамках *междисциплинарного анализа*, с учетом различных оснований конфликтов. Попытки свести все возникающие социальные и политические конфликты к одному-единственному основанию (например, к конфликту между классами) оказались непродуктивными. На наш взгляд, в исследовании политических конфликтов неприемлемы как методологическое и концептуальное "пуританство", так и эклектика и противоречивость теоретических подходов и методологических принципов.

2. *Конфликтную и консенсусную модель общества следует рассматривать не как взаимоисключающие, но как взаимодополняющие друг друга.* Методами эмпирического анализа невозможно решить, какая из этих двух моделей правильнее. Исходя из этого имеет смысл признать, что обе модели в известном смысле правильны и продуктивны в аналитическом отношении. Стабильность и изменение, интеграция и конфликт, функция и дисфункция, консенсус и принуждение представляют собой два равнозначных аспекта общества, диалектически привязанных друг к другу и лишь в такой комбинации описывающих общественные процессы более или менее исчерпывающим образом. "Как физик не может решить отдельные проблемы только допущением волнового характера света, нуждаясь для объяснения других проблем в корпускулярной или квантовой теории, так и в социологии есть проблемы, которые можно адекватно решить при помощи интеграционной теории, и есть другие проблемы, для осмысления которых требуется теория конфликта, — считает Р. Дарендорф. — Обе теории могут в дальнейшем работать с одними и теми же категориями, но акцентируют они различные аспекты"¹⁰. В то время как для теории интеграции общество подобно эллипсу, в котором все элементы напоминают замкнутое, закругленное единство, теория конфликта рассматривает общество скорее как гиперболу, которая имеет одинаковые горячие точки, но открыта во многих направлениях и является полем напряжения определенных сил.

¹⁰ Darendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts // Zapf W. Theorien des sozialen Wandels. — Königstein, 1979. — S. 116.

3. *Политический конфликт должен рассматриваться как динамический тип взаимодействия в рамках поля политики как процессуирующей структуры, т.е. развивающейся системы конкретных взаимодействий, союзов и конфликтов политических сил.* Это пространство специфической автономной практики с присущими только ей целями, условиями и правилами, специфическими политическими интересами и ставками, являющимися как необходимыми предпосылками, так и продуктами функционирования поля.

Концепция поля политики в предложенном варианте позволяет осуществить одну из самых насущных, особенно в российской политологии, методологических операций — *демистифицировать политический конфликт*, а если точнее — "дедemonизировать" его. В силу богатого политическими катастрофами прошлого России, а также в связи с несравненно более глубоким, чем в Европе, влиянием марксистской теории в ее наиболее радикалистской версии на отечественную политическую науку, восприятие самого термина "политический конфликт" вызывает если не отторжение, то настороженность. Чаще всего под ним понимаются крайние, экстремальные формы вооруженного противоборства, уже вышедшие за рамки собственно политического поля. Однако в реальности конфликт является *неотъемлемым атрибутом политического процесса*, политической жизни, и потому потенциально присутствует в любом политическом явлении. Политическое таится в социуме, его артикуляция и мобилизация осуществляется под воздействием соответствующих условий и факторов. Необходимо понимать и адекватно воспринимать эту материю политического, не возлагая слишком больших надежд на ее объяснение, но и не отказываясь от него.

4. *Ключевая проблема для понимания специфики политического конфликта — его субъект (агент политического поля).* Он не равнозначен социальному субъекту, не существует в готовом виде. Под политическим субъектом понимается группа, мобилизованная в политическом поле посредством специфических политических технологий, прежде всего механизма номинации. На это обращали внимание и К. Маркс (применительно к классу), и теоретики групп интересов, и особенно теоретики элит. В современном мире и классы, и элиты, и группы интересов могут выступать в качестве *политических субъектов*, в зависимости от различных типов обществ, а также *исторических условий их развития*. Вместе с тем возможны и иные групповые солидарности, мобилизующиеся в качестве социальных и политических движений в условиях постиндустриального общества. Если в индустриальном обществе основным местом отношений классов и их столкновений была промышленная организация, то мощь

современной крупной организации, связанной с использованием постоянно обновляемой техники, препятствует этому. Однако она входит в конфликт с социальными потребностями, которые стремится контролировать в соответствии со своими интересами. Это приводит к тому, что принуждение и манипуляции становятся все более разнообразными и диффузными, дотягиваясь даже до частной жизни индивидов, что вызывает их коллективный протест и мобилизацию на межклассовой основе.

5. Анализ формирования политического субъекта предполагает отказ от прямолинейного противопоставления объективизма и субъективизма, механицизма и целеполагания, структурной необходимости и индивидуальных действий. Объективные структуры лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены и реализованы в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. Отсюда ошибочны недооценка или игнорирование автономии или специфической эффективности всего того, что входит в политическое поле, а также попытки свести собственно политическую историю к проявлению социальных и классовых сил, чьими марионетками являются политические деятели. "Это значило бы не только игнорировать чисто символическую эффективность представления и ту мобилизующую веру, которую оно вызывает благодаря своему свойству объективации, но и упустить из виду чисто политическую власть правительства, которое, как бы оно ни зависело от экономических и политических сил, может само оказывать реальное влияние на эти силы, воздействуя на инструменты управления вещами и людьми", – подчеркивает П. Бурдьё¹¹.

6. Любую мобилизованную в политическом поле конфликтную группу следует рассматривать в рамках двухуровневого анализа – доверенных лиц и доверителей, лидеров и последователей. В поле внимания исследователя должны находиться как первые, так и вторые, поскольку агенты не просто отражают и агрегируют интересы больших социальных групп, но участвуют в их артикуляции и придают им публичный характер посредством номинации, т.е. в известном смысле "творят" эти группы. Поэтому все мотивы политической борьбы не сводятся только к интересам, в особенности материальным, технологии регуляции и канализирования которых хорошо известны и тщательно отработаны во многих странах. Большая Политика, понимаемая как деятельность "низов", несводимая к интригам элит, как деятельность производительная и творческая, чаще

всего возникает из конфликтов ценностей и смыслов жизни, разрешить которые крайне трудно.

7. Типология политических конфликтов не может не быть многомерной, выстроенной с учетом различных критериев: типа общества, сферы развертывания конфликта, его предмета, субъектов, поведенческих стратегий противоборствующих сторон и т.д. Тип общества, генерирующего конфликт, определяет его процессуальные особенности (динамику развертывания, функциональные последствия). Предмет конфликта влияет на остроту и насильственность последнего, на поведение его участников. Типология должна учитывать структуру конфликтующих политических субъектов – мотивацию действий и интересы лидеров, с одной стороны, и технологии мобилизации ими своих последователей – с другой. Лидеры могут преследовать вполне определенные материальные интересы, следуя целерациональной стратегии, тогда как группа мобилизуется большей частью на ценностной основе. Последнее обстоятельство крайне важно для правильной идентификации конфликта, а также для выбора адекватных средств воздействия как на лидеров, так и на саму мобилизованную группу с целью ее демобилизации.

Концепция поля политики дает возможность использовать различные методы анализа политических конфликтов. Под методами традиционно понимаются системы правил, которые направляют исследовательскую деятельность на какую-то определенную цель. Как пишет один из ведущих теоретиков К. фон Байме, в теории политики в качестве основных методологических подходов используются следующие: 1) историко-генетический; 2) институциональный; 3) бихевиористский; 4) структурно-функциональный; 5) сравнительный метод¹². Ни один из них не отменяет другой в процессе решения конкретной исследовательской задачи. Более того, каждый из пяти может считаться не только методом, но и теорией (особенно структурный функционализм). Однако в нашем случае правильнее было бы обозначить возможности некоторых подходов в изучении политических конфликтов.

В отечественной политической науке наиболее распространен метод институционального анализа политической реальности. Он ориентирует на изучение институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность: государства, партий, общественно-политических организаций, права и т.д. Соответственно, сами политические действия воспринимаются преимущественно как события в политической системе,

¹² Beyme K. von. Die politischen Theorien der Gegenwart. Eine Einführung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. – S. 61-62.

¹¹ Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 194-195.

немыслимые вне соотнесения с ее структурой и процессом. Отсюда внимание аналитиков к технологиям и механизмам установления контроля именно над политическими институтами, и прежде всего над институтами государственной власти. Как правило, конфликт "замечают" и начинают анализировать лишь тогда, когда он поднимется на этот, предельно высокий для эндогенных конфликтов уровень и начнет угрожать политической системе. Однако политическое поле несводимо к институциональному, а властные ресурсы – к государственным. В современных условиях обладание символическим капиталом нередко означает большую власть, чем статусные позиции в структурах власти. Вместе с тем именно институты, и прежде всего парламент и правительство, представляют собой главную арену, на которой разыгрываются как публичные политические схватки, так и закулисные ходы, которые политический анализ не может не принимать в расчет.

При всей несистемности поля политики феномен политического конфликта требует *системного подхода*. Это означает рассмотрение такого конфликта как определенной системы взаимодействия субъектов политики на разных уровнях, в различных формах, под влиянием разнообразных факторов. Любой конфликт должен быть включен в более широкую систему взаимодействий, рассматриваться как функционирующая система с динамичным соотношением позиций между субъектами, а также модификациями самого предмета конфликта. В задачу исследователя входит также умение вскрыть и изучить возможности позитивного завершения конфликта.

Р. Дарендорф указывает на три ключевые задачи, которые должен включать в исследование автор, прибегающий к системному подходу:

1. Каким образом из социальной структуры общества возникают конфликтующие группы?
2. Какие формы могут принять столкновения между этими группами?
3. Как влияет конфликт групп на изменения политических и социальных структур?

Однако этого недостаточно, ибо общесоциологические приемы еще не суть собственно политический анализ. Политический конфликт представляет собой сложную систему взаимодействия не только противоборствующих субъектов (сторон) конфликта, но и взаимоотношений и взаимосвязей внутри самих конфликтующих групп: между электоратом и организацией (политической партией); между членами партии и политическим руководством; внутри партийного руководства между различными проектами общественных изменений и т.д. Кроме того, логика полити-

ческого поля оказывает свое влияние на структуру и функции конфликтующих групп, делая их подвижными, изменчивыми, а поведение – слабо предсказуемым.

По мнению Н. Косолапова, ключевой вопрос в подходе к любому конфликту – определение его исходного рубежа. "Лишь верно установив точку отсчета данного конфликта, можно и провести разграничение конфликта с его средой, установить круг его непосредственных и косвенных участников, правильно сориентироваться в их действительных ролях и мотивах; и отделить данный конфликт от предшествующей ему и за ним следующей конфликтности, соотнести ту и другую с противоречиями, лежащими в основе самого конфликта и сопряженных с ним макросоциальных процессов. А от всего этого зависит и точность теоретических схем, и эффективность любых практических действий в отношении данного конфликта"¹³. Системный подход отличает и трактовку автором субъектов конфликта – партий, движений, государств, представляющих собой исключительно сложные социальные образования, каждое из которых являет собой некоторую иерархию и взаимопереплетение формальных и неформальных структур и отношений.

Системный подход органично дополняется *эволюционно-генетическим подходом*. В самом общем виде он предполагает изучение генезиса проблемы, ставшей источником конфликта, а также сопутствовавших ему обстоятельств. Если системный подход в большей степени обращен на стороны конфликта – мобилизованные группы и формы их столкновения, то эволюционно-генетический отслеживает зарождение конфликта и его динамику, начиная от скрытой (латентной) стадии накопления противоречий и заканчивая зрелыми, открытыми формами. Особое внимание следует уделять механизмам превращения несформированных сил в мобилизованные группы, расширению круга участников, а также психологическим механизмам ("эффекту воронки"), когда логика самоэскалации конфликта перевешивает воздействие всех прочих факторов.

Одной из самых важных задач, предположительно решаемых в рамках эволюционно-генетического подхода, является *определение предметности конфликта*. В политике сделать это непросто, потому что специфические интересы ее акторов редко выступают на поверхность в явной, открытой форме. Как правило, они скрываются за более возвышенными и более значимыми для достижения политической мобилизации целями или ценностями. Поэтому правильное определение предмета конфликта

¹³ Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 35.

имеет самое непосредственное отношение к способам и методам его урегулирования. Если же истинные причины и предмет конфликта определены неверно, происходит умножение его проблематики, что выводит конфликт на еще более высокий уровень, затрудняя урегулирование. Так, политически нейтральный этнолингвистический конфликт при использовании неадекватных средств воздействия может перерасти в более серьезный этнополитический конфликт, а при поддержке других социальных групп принять форму социально-политического конфликта, разрядить свою деструктивную энергию сразу в нескольких сопредельных областях общественного развития. Поскольку политическое может актуализироваться через любую предметную область, исследователю политических конфликтов следует обратить особое внимание на условия и факторы политизации любого конфликта, включая трудовой. В целом же эволюционно-генетический подход может опереться на солидную фактологическую базу, созданную в рамках социологии революций. Но, по верному замечанию Р. Дарендорфа, еще больше заслуживает внимания "ненаписанная история неоконченных революций"¹⁴.

Признание конфликта в качестве неотъемлемого и нормального элемента социальной жизни предполагает диалектический взгляд на его последствия: они не могут быть заведомо и однозначно негативными или позитивными. Последствия конфликта могут иметь и функциональное значение для общества в целом и для его частей. Поэтому среди различных подходов к изучению конфликтов функционализм занимает одну из ведущих позиций. Главная заслуга в "размещении" проблематики конфликта в рамках функционалистской теории принадлежит Р. Мертону с его понятием "дисфункции". Под дисфункциями имеются в виду те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы, например политические кризисы, конфликты и т.п. В любой данный момент явление может иметь как функциональные, так и дисфункциональные последствия. Это ставит перед исследователем сложную задачу развития принципов определения чистого итогового баланса совокупности последствий. Какие последствия – позитивные или негативные – в итоге имеют перевес?

Функциональный метод имеет особое значение для переходных обществ, переживающих процессы модернизации и отличающихся повышенной конфликтностью. Слабая институционализация политических

процессов в этих странах снижает возможности институционального метода, поскольку институты не отличаются высокой эффективностью и само их существование зачастую формально. Одновременно это повышает возможности функционализма, так как выводит исследование за официальные институциональные рамки. Как писал Р. Мертон, понятие дисфункции, связанное с напряжением, принуждением, давлением на структурном уровне, дает некоторый аналитический метод изучения динамики и изменений. "Каким образом наблюдаемые дисфункции могут иметь место в конкретной социальной структуре, не вызывая ее нестабильности? Создает ли накопление напряженности и деформаций в социальной системе некоторую силу, которая стремится направить изменения таким образом, чтобы они приводили к уменьшению напряженности?"¹⁵. Знание структурного контекста позволит ответить на эти вопросы, предвидеть наиболее вероятные направления социальных и политических изменений.

Р. Мертон обращает внимание на методологический потенциал понятий *явных и скрытых функций*. Первые относятся к тем объективным и преднамеренным последствиям социального действия, которые способствуют приспособлению или адаптации некоторой определенной социальной единицы (индивид, группа); вторые относятся к непреднамеренным и неосознанным последствиям того же самого порядка. Разграничение на явные и латентные функции дает возможность объяснить некоторые, кажущиеся иррациональными, стандарты поведения. При помощи латентной функции иногда можно обнаружить, что явно иррациональное поведение является положительно функциональным для группы. Различие между явными и скрытыми функциями направляет внимание на теоретически плодотворные области исследования. Пока социологи ограничивают себя изучением явных функций, задача их исследования определяется скорее практическими, чем теоретическими проблемами, они становятся всего лишь регистраторами уже известных систем поведения. "Но, вооруженный понятием скрытой функции, социолог направляет свое исследование именно в ту область, которая является наиболее обещающей для теоретического развития социологии," – пишет Р. Мертон¹⁶. Таковы, скажем, отдаленные последствия повышения заработной платы, последствия пропагандистской кампании для свободы слова и т.п.

¹⁵ Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1994. – С. 417.

¹⁶ Там же. – С.430-431.

¹⁴ Darendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts // Zapf W. Theorien des sozialen Wandels. – Königstein, 1979. – S.117.

Смещение исследовательского внимания из плоскости явных в плоскость скрытых функций позволяет оценить влияние разного рода групп давления на содержание и характер принимаемых решений.

Функциональный анализ политических конфликтов необходимо дополнить *сравнительным или сравнительно-историческим методом*. Последний, по мнению многих авторов, развивает социальную мудрость ученого, способствует освобождению его от всяких "шор", прежде всего идеологических, от этноцентризма, ведет к пересмотру сложившихся стереотипов.

Главная задача всякого научного сравнения состоит в том, чтобы показать важность исконного контекста, активно ассимилирующего привнесенные переменные. Поскольку осознание единичного факта связано с пониманием многих фактов, постольку частное лучше постигается в свете общих, универсальных представлений, проведение сравнения между государствами на межстрановом уровне в десятки раз увеличивает возможность объяснения того или иного политического явления.

Всякое открытие необычного, специфического побуждает исследователя искать объяснение тому, что норма, существующая в одном месте, отсутствует в другом, и наоборот. Особенно важно применять сравнительный метод для анализа процессов идентификации, институционализации в различных странах. Политолог пытается объяснить явления нестабильности, конфликтности, обращая внимание на особый контекст, постепенно исключая переменные, которые не вызывают нестабильности в другом месте. Сопоставление, наложение различных факторов является полезным не только для того, чтобы определить их очередность, иерархию; оно также предусматривает широкие обобщения, обеспечивая лучшее понимание даже того, что является специфическим. Это не только позволяет максимально приблизиться к научной истине, но и поставить заслон бесчисленному множеству поверхностных, безграмотных аналогий, которыми часто оперируют не только журналисты, но и претендующие на абсолютное знание официальные эксперты, политологи, амбициозные политики.

По сути своей сравнительный метод заменяет собой эксперимент и его выводы столь же важны, что и результаты. "Одним из методов достижения максимальной точности результатов сравнения является четкое ограничение сферы, на которой будет сосредоточен анализ, — пишут французские социологи М. Доган и Д. Пеласси. — Такая "сегментация" политической системы обычно предшествует выбору подлежащих срав-

нению стран"¹⁷. Но сравнению предшествует концептуализация, осуществляемая на разных уровнях. Так, при рассмотрении политической нестабильности необходимо учитывать такую переменную, как распределение собственности; проблема легитимности будет включать такие факторы, как степень культурного согласия в обществе и бремя политических требований.

Осуществляя сравнительный анализ, необходимо постоянно помнить о *функциональной эквивалентности* как его главном принципе. Один и тот же вид деятельности может выполняться во многих странах различными органами, и в то же время одинаковые или сравнимые институты в разных странах могут выполнять различные задачи. Например, в одних условиях функция мобилизации политических сторонников может принадлежать клану, тогда как в других ее выполняет хорошо организованная партия или профсоюз. Функциональная перспектива оказывается способной объяснить даже историю политических институтов. При всем многообразии проблемного поля, в котором исследователь может работать, его интересуют в первую очередь две универсальные и фундаментальные функции: артикуляция интересов различных социальных групп и агрегирование их во всеобъемлющие и логически последовательные альтернативы (программы, решения и т.д.). Важно проследить поведение главных действующих лиц при формулировании политических требований. Поскольку это имеет самое непосредственное отношение к формированию конфликтных групп, постольку сравнительный метод оказывается наиболее адекватным изучению латентных форм политического конфликта, а также механизмов его формирования и развертывания. Кроме того, он позволяет держать в поле зрения не только специализированные политические учреждения — органы государственной власти, но и политическое пространство в целом. Одновременно нужно помнить, что ни один из институтов не ограничивается выполнением только одной функции. Подмена функций требует повышенного внимания к той ситуации, в которой эта подмена произошла.

По мнению К. фон Байме, было бы неверно понимать сравнительный метод как "подчиненную область политической науки"¹⁸. Он имеет значение во всех областях — от общей теории до международной политики. Вместе с тем автор выделяет три предметные области — *институты*,

¹⁷ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М.: Социально-политический журнал, 1994. — С. 34.

¹⁸ Веуме К. von. Der Vergleich in der Politikwissenschaft. — München: Piper, 1988. — S. 8.

политические процессы и политическое поведение, требующие к себе повышенного внимания. Ни одна из них не является исключительной, но должна рассматриваться наряду с другими.

Сравнительный метод должен основываться на принципе историзма, предполагающем учет конкретно-исторического контекста, в котором разворачивается тот или иной политический процесс, генезис последнего, а также критерии сравнимости разных типов процессов внутри одного общества и между ними. В отличие от социальных наук, историческая наука интересуется преимущественно отдельными взаимосвязями; не отвергая общие закономерности, она рассматривает их главным образом как средство. Социальные теории – модернизации или революции – являются вспомогательными для исторической науки. И наоборот, историческая наука является вспомогательной в объяснении политических фактов.

Бихевиоризм придал историческому подходу индивидуалистический облик. События и институты стали рассматриваться как продукты индивидуальных действий. Кроме того, мезоуровень оказался наиболее продуктивным как для исторических, так и для теоретических исследований. Таким образом, грань между исторической и политической наукой оказалась весьма подвижной, хотя последняя пользуется скорее систематизирующими, нежели хронологическими принципами использования исторических фактов. И хотя историческим исследованиям часто ставится в вину их слабая аналитичность (они скорее отвечают на вопрос "как", нежели "почему", не стремятся строго причинно объяснять политические феномены), набирающая силу тенденция к сближению различных социальных наук повышает значение историко-генетического метода. Вклад последнего в политическую науку выразился в форме психоанализа, или биографически-понимающего метода, который долгое время недооценивался.

Одним из главных методов политического анализа является метод типологии. Сущность типологии определяется не ее целевым или функциональным предназначением, но возможностями упорядочить социальную реальность, логически интегрировать все элементы накопленного знания по определенному предмету исследования. Поскольку она предполагает абстрагированное объединение в систему, у исследователя появляется определенная свобода субъективных построений. В то же время эта творческая свобода может привести к чрезмерно абстрактным построениям, не соответствующим реальности и утратившим с нею связь.

В политической науке используются различные концептуальные подходы, принимающие дихотомическую форму классификации, статичес-

кую форму типологии и динамическую форму модели. Типологический метод позволяет углубить знания; типология отличается от простой классификации тем, что последняя имеет только один критерий, тогда как типология предполагает множество критериев. Так, классификация политических конфликтов чаще всего ограничивается их подразделением на два класса: внутри- и внешнеполитические, эндогенные и экзогенные. При этом любая классификация содержит в себе момент произвола, поскольку выбраны некоторые критерии среди множества других, теоретически возможных.

Что же касается типологии, то она, как уже говорилось, предполагает использование нескольких критериев, что позволяет дать более системную, объемную картину исследуемого явления. Например, типологизация политических конфликтов может включать в качестве критерия государственно-правовую сферу, прежде всего политический режим, и выделять те или иные разновидности конфликтов по горизонтали власти: внутрипарламентские дебаты, вотум недоверия правительству, конфликты парламента с президентом и т.д.

Другая ось типологии проходит по вертикали "власть – общество" и включает в себя статусно-ролевые конфликты: движения за гражданские права, акции оппозиционных сил, национально-освободительные движения и т.п. Наконец, можно выделять конфликты по ценностному основанию, т.е. конфликты политических культур. Возможны и более формальные подходы к типологии, например по принципу части и целого, межгрупповых конфликтов и т.д.

Типологию, даже самую богатую, не следует переоценивать, она не дает возможности иметь полное представление о действительности, да и не ставит перед собой такой цели. Более того, ей даже трудно присвоить характеристику истинной или ложной. Она просто вводит точки ориентира в действительность, которая благодаря этому становится более понятной.

Эвристический аспект особенно показателен для одного из вариантов типологического метода, известного как теория идеального типа М. Вебера. В этой теории целью является в основном не классификация явлений, а их глубокий логический анализ. Сущность выделяется посредством процесса абстрагирования, предоставляющего преимущество логике явления по отношению к его воплощению.

Идеальный тип представляет собой своего рода переходную ступень между понятием типа и понятием модели. Как и тип, модель представляет собой построенный на основе обобщения синтезируемый образ, используемый для объяснения и систематизации результатов сравнения.

Однако модели отличаются от идеального типа тем, что делают акцент на *динамической стороне явлений*, стремятся сделать понятными *процессы*. Если типология упорядочивает мир, модель стремится объяснить его, позволяет глубже проникнуть в сущность социальных объектов. Типология может классифицировать политические системы, модель – объяснить прогрессивный или регрессивный *переход* от одной системы к другой. Типология не объясняет причин конкретных явлений, модель не может без этого обойтись. Типология более статична, модель динамична и избирательна. Наиболее известные политические модели – Д. Исто-на, К. Дойча и других – отвечают всем перечисленным критериям политического моделирования.

Метод моделирования в последнее время приобрел широкую популярность в виде своей разновидности – *сценарно-прогностического подхода* к будущему, особенно в нестабильных регионах планеты. Техника планирования вариантов будущего развития имеет вполне определенный свод правил и понятий и свои подходы, предполагающие выявление некоторой логики в современном политическом развитии той или иной страны, региона, и улавливающие ее возможные проявления в зависимости от сплетения тех или иных факторов. Она предполагает детальное изучение текущей ситуации и исторического опыта развития того общества, в отношении которого строится прогноз, сценарий развития ситуации. Последний, в свою очередь, предполагает выявление основных узлов противоречий, конфликтных зон, вероятное соотношение сил и т.д. И это вполне объяснимо, поскольку прогнозы-сценарии выполняют не только научно-теоретическую, но и весьма прагматическую, прикладную задачу – представить соответствующие рекомендации правительствам и деловому миру.

Предложенные подходы и методы не исчерпывают всего теоретико-методологического арсенала, необходимого в анализе политических конфликтов. Здесь важны и *частные методы*, прежде всего прикладной социологии и политологии. Это анализ статистических данных, результатов всенародных голосований в ходе выборов, референдумов и т. д. Обширное поле деятельности представляют опросы общественного мнения, выявление рейтингов политических деятелей, основных политических ориентаций и предпочтений граждан, динамика массового сознания.

К числу результативных конкретно-операциональных методов исследования можно отнести *событийно-конфликтный подход*, т.е. анализ самих конкретных событий, *нашедших отражение в литературе и в научной интерпретации*. Такие явления, происходившие в жизни, представляют собой социальные факты, зафиксированные научными процедурами.

Российская действительность последних лет дает немало примеров подобных фактов, которые искусно избежали участи формально-правового, законодательного закрепления. Один из самых показательных – знаменитый президентский Указ № 1400, имевший трагические последствия для российского общества, а возможно, и для российской истории в целом. Официальный ("окончательный") текст этого указа, представленный позднее в Конституционный Суд, имел мало общего с теми намерениями и действиями президента Б. Ельцина, которые вызвали столь ожесточенное сопротивление депутатов Верховного Совета и сочувствовавших им граждан. К числу частных методов можно отнести анализ правовых документов, прежде всего исходящих из государственных органов – Конституции, законодательных актов, Указов президента, его посланий Федеральному Собранию и т.д.

Предложенные в данной главе методологические парадигмы, принципы и методы являются, с нашей точки зрения, ключевыми в исследовании столь сложного и многопланового феномена, как политический конфликт. Эти концепции имеют ряд общих черт, но при этом каждая из них раскрывает лишь одну конкретную сторону, грань политического конфликта. Различия в подходах не следует игнорировать, но, с другой стороны, не стоит и искусственно противопоставлять их друг другу. Методологический монизм уже завел однажды отечественное обществоведение в тупик, выход из которого оказался очень трудным и долгим. На смену монизму приходит плюрализм, *принцип дополнительности*, на основе которого каждая новая парадигма не перечеркивает предыдущую, но вырастает из нее. Как справедливо заметил Ю. Хабермас, в сложных обществах между теорией и практикой вклинилось так много опосредующих звеньев, что "мы должны питать недоверие ко всякому философу, который сегодня... выступает с претензией предложить некий ключевой подход"¹⁹. Открыть абсолютную истину сегодня вряд ли возможно: истины рассеяны по разным дискурсам и не поддаются иерархизации. Поэтому и в теории, и в общественной практике пришло время многофакторного подхода к анализу и прогнозированию общественных явлений и диалоговых стратегий, призванных дать конкретные ответы на новые вызовы времени. Попытку многофакторного подхода к типологии политических конфликтов мы и предпримем в следующей главе.

¹⁹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО "КАМІ", "ACADEMIA", 1995. – с. 81.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что такое методологическая парадигма? Каковы основные парадигмы исследования политических конфликтов?
2. В чем смысл диалектической теории конфликта К. Маркса?
3. Каковы основные постулаты формальной социологии Г. Зиммеля? Каким образом они были использованы в рамках политического анализа?
4. Назовите основные положения структуралистской концепции конфликта Р. Дарендорфа.
5. В чем смысл конфликтного (позитивного) функционализма Л. Козера?
6. Каковы основные положения общей теории конфликта К. Боулдинга?
7. Какие еще конфликтологические концепции вам известны?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 419-459.
2. Зиммель Г. Человек как враг // Избранное. – Т. 2. Созерцание жизни. – М., 1996. – С. 501-508.
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142-147.
4. Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000. – 208 с.
5. Тернер Дж. Структура социологической теории. – М., 1985. – 471 с.
6. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. – М., 1996. – 382 с.
7. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н. Введение в общую теорию конфликтов. – Изд. 2-е. – М., 1998. – 158 с.
8. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). – М., 1999. – 344 с.

Раздел II

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

ТИП ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ

Многообразный мир политических конфликтов, чтобы быть понятным, нуждается в определенном упорядочении, в типологии. Очевидно, что тот или иной тип конфликта, включая его генезис, формы вызревания или развертывания, детерминирован определенной средой, структурным контекстом (в терминологии функционалистов), т.е. тем или иным типом общества. Разные типы обществ генерируют разные типы политических конфликтов. Выделение идеально-типических моделей общественных явлений, впервые использованное М. Вебером для анализа значимых общественных феноменов, ныне достаточно прочно укоренилось в качестве научного инструментария макросоциологического анализа.

Подходов к типологии обществ великое множество, начиная от привычных для российских авторов формационных и кончая менее привычными, цивилизационными. Каждый из них по-своему оправдан, хотя их результативность в анализе политических конфликтов далеко не равнозначна. Так, попытка К. Маркса открыть универсальные законы исторического развития ориентировала его на выделение общих закономерностей смены общественно-экономических формаций. Отсюда в марксизме наиболее основательно проработана именно теория революции, и значительно меньше внимания уделяется собственно политическим, "повседневным" конфликтам. Здесь, по-видимому, проявилось пренебрежение к процедурам буржуазной демократии, трактуемым как формальные и не меняющие существа эксплуататорского общества. Перспективы внутренней, эволюционной модификации буржуазного общества – вне его революционного преобразования – остались на периферии научного интереса Маркса.

Вместе с тем нельзя недооценивать вклад, который Маркс внес в изучение капитализма как формации. Динамизм этого общества, при всех его внутренних пороках и недостатках, не мог не восхищать автора "Капитала". Именно здесь, в рамках капиталистической формации, все интересовавшие его явления и процессы приобрели совершенно новую, законченную форму. Выделение политики в самостоятельную сферу общественной деятельности происходило параллельно со становлением граж-

данского общества, высвобождением его из-под гнета государства, артикуляцией и структурированием политических интересов, созданием главных субъектов политических действий – политических партий и их открытой и тайной борьбой за власть.

Преимущества капитализма были особенно заметны в сравнении с восточными обществами, историческое отставание которых от Запада Маркс связывал с существованием в них "азиатского способа производства". Застой в экономике вследствие отсутствия частной собственности на землю (она была либо общинной, либо государственной), деспотизм в политике, в формах правления господствовавших социальных групп и классов, узость восприятия человеческим разумом действительности, утрата всякой исторической инициативы, низкий жизненный уровень людей – такова, по Марксу, цена засилья азиатского способа производства, отсутствия гражданского общества и автономного от государства индивида. По сути, Маркс обозначил два вероятных пути общественной эволюции, и первый путь – динамичное и открытое для внутренних противоречий и конфликтов общество – полагался им как магистральный, ведущий от предыстории в подлинную человеческую историю.

Другой распространенный на Западе подход связан с технико-технологическими критериями выделения различных типов обществ. Он интерпретирует историческую динамику как переход от доиндустриальных к индустриальным и постиндустриальным общественным формам. Сами эти переходы, подобно межформационным, отмечены глубокими и острыми социальными конфликтами, в особенности становление индустриального общества. Появление в ходе бурного промышленного развития новых стратификационных групп и их стремление найти свое место в классификационной системе общества обусловило возникновение статусно-ролевых конфликтов. Становление национальных государств, партийных и избирательных систем стабилизировало общественно-политическую ситуацию, перемещало ось политической борьбы в парламенты, т.е. в сферу государственно-правовых конфликтов.

По мнению американского ученого С. Липсета, основной политический водораздел индустриального общества определялся причинами материального характера. Здесь шла борьба по вопросу распределения богатства и дохода и сосуществовала с постоянными религиозными, этническими и региональными конфликтами, унаследованными от доиндустриальных обществ¹. В центре политической жизни постиндустриального

¹ См.: Липсет С.М. Консенсус и конфликт. Очерки по политической социологии: Реферат. – М.: ИНИОН РАН, 1987. – С. 27.

общества стоят иные, прежде всего неэкономические или социальные проблемы: окружающей среды, культуры, равного статуса женщин и нацменьшинств и т.д., что создает новую основу для политических противоречий и столкновений.

Изложенные подходы позволяют отслеживать изменения предмета и структуры политических конфликтов в зависимости от той или иной стадии исторического развития. Главный акцент здесь делается на технико-технологические и обусловленные ими социально-экономические явления и процессы, включая изменения в стратификационной структуре общества. Однако не меньшую, а иногда даже решающую роль играет политический фактор. В частности, сам тип индустриального общества неоднороден: наряду с некоторыми общими чертами (распределением рабочей силы, ростом общественных ресурсов и т.п.) современные общества существенно различаются прежде всего структурами государственной власти, причем следствием этих структур оказываются определенные черты экономической системы и отношения между различными социальными группами. "В наш век все происходит так, будто возможные конкретные варианты индустриального общества определяет именно политика, – писал известный французский социолог Р. Арон. – Само совместное существование людей в обществе меняется в зависимости от различий в политике, рассматриваемой как частная система"². Иначе говоря, все общества движутся к постепенному стиранию различий в условиях жизни или личном статусе людей, но эти общества могут иметь как деспотическую, тираническую форму, так и форму либеральную.

На наш взгляд, оптимальным критерием для классификации и типологизации политической конфликтности мог бы служить уровень и характер развития социальных отношений того или иного общества. Политика как автономная сфера человеческой деятельности появляется в сложном, дифференцированном обществе с относительно высоким уровнем экономического развития, с развитой социальной структурой, оформленными группами интересов. Такой тип общества (гражданского) периодически возникал в истории Западной Европы, хотя и в локальных рамках городов-государств. С этой точки зрения бурная политическая жизнь Афин и Рима не уступает по накалу и последствиям средневековой Флоренции или современному Парижу, а психологические отношения между властями и подданными в средневековых азиатских деспотиях могли бы служить моделью для сталинского тоталитаризма. Дело, следовательно, в характере социальной организации обществ, либо

² Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 30.

допускающих открытое соперничество и политическую борьбу, либо не признающих ее. Такие типы обществ имеют разные терминологические определения: демократические и недемократические; конституционно-плюралистические и единовластные (или тоталитарно-авторитарные); плюралистические и монистические; открытые и закрытые. Однако несмотря на богатство определений и критериев, порождающих тот или иной тип классификации, суть состоит в разных типах общественной организации, продиктованных особенностями мышления, типов поведения индивидов, принципами организации и поведения власти и т.д. В одном случае эта организация основана на широких гражданских правах, предусмотренных законом и осуществляющихся на практике; на представительной власти; на правлении закона. Здесь институционализированы, легитимизированы политические конфликты, которые не загоняются внутрь, но разворачиваются в открытом политическом пространстве. Существующие противоречия подвержены широкой и гласной общественной дискуссии. Их результат не предопределен, но его достижение ограничено строгими рамками определенных процедур. В другом случае гражданские права на практике не существуют, хотя и записаны в законе; власть непредставительна, и процесс принятия решений носит теневой характер; экономические ресурсы общества сосредотачиваются в руках государства и т.д.

На наш взгляд, удачный подход предложил известный социальный философ К. Поппер. С его точки зрения, вся история человечества определяется движением от закрытого общества, т.е. общества магического, с иррациональным, основанным на вере, отношением к обычаям социальной жизни при жесткости самих этих обычаев, к обществу открытому, в котором индивиды вынуждены принимать личные (а не коллективные, обусловленные верой) решения и нести за них ответственность. *Возможность рациональной рефлексии по поводу встающих перед человечеством проблем – вот что составляет коренное различие этих типов обществ*³.

К. Поппер специально подчеркивал, что борьба свободы и деспотизма, "открытости" и "закрытости" проходит через всю человеческую историю, через все формации и стадии исторического развития. Это касается и политической борьбы внутри отдельных обществ. И хотя объем свободы в историческом масштабе возрастает, угроза скатиться к тираническому, деспотическому формам власти и общественной жизни существует всегда.

³ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1.: Чары Платона. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. – С. 217-218.

Закрытое общество в его лучших образцах можно сравнить с организмом, члены которого объединены полубиологическими связями – родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами. "Это – все еще конкретная группа конкретных индивидов, связанных друг с другом не только такими абстрактными отношениями, как разделение труда и обмен товарами, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния и зрения", – писал Поппер⁴.

В открытом обществе многие его члены стремятся подняться вверх по социальной лестнице, что приводит к таким важным понятиям, как, например, классовая борьба. Для закрытого общества, уподобленного организму, конкуренция за статус среди его членов несвойственна. Его институты, включая касты, получают священную санкцию – табу, жестко регулирующую все стороны жизни и господствующую над ними, исключая всякое критическое рассмотрение. Уже поэтому, в силу биологического характера закрытого общества, переход его к открытости должен быть трудным и переживаться очень глубоко. Но именно этот переход Поппер характеризует как одну из глубочайших революций, через которые прошло человечество.

Исторически и географически два основных типа общественных систем – открытая и закрытая – материализовались в различных цивилизационных контекстах, оказавших свое влияние на их функционирование. Однако исследовать их по принципу "демократический Запад" и "деспотический Восток" вряд ли неоправданно. И на Востоке, и на Западе боролись две разнонаправленные тенденции – к открытости, т.е. к свободному соперничеству открытых групп, классов и партий за выбор путей общественного развития, и к закрытости, т.е. к иррациональному, основанному на вере или идеологии отношению к обычаям социальной жизни при жесткости самих этих обычаев. В рамках западной цивилизации первая тенденция побеждала чаще, чем вторая, что и обусловило не только научный, но и практический интерес к этому историческому опыту, особенно для переходных, модернизирующихся обществ.

Европейские интеллектуалы связывают рождение западной цивилизации как с древними Афинами, первыми сделавшими шаг от племенного строя к гуманизму, так и с Римом, вручившим Западу бесценный дар в лице институтов⁵. Оба сдвига стали результатом жесточайшей полити-

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1.: Чары Платона. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. – С. 218.

⁵ См.: Дарендорф Р. Мораль, институты и гражданское общество // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – № 3. – С. 179.

ческой борьбы, протекавшей в рамках античных городов-государств – первой лаборатории демократии и публичной политики. От греков идет традиция критики и дискуссии, а вместе с тем и искусства мыслить рационально, вера в человека, в эгалитаристскую справедливость и человеческий разум. От римлян – нормы, сопровождающие их санкции и организационные формы, в которых они проявляются, прежде всего эффективная власть. В античной философии и последующем христианстве скрываются корни индивидуализма, ставшего отличительным признаком открытого общества.

Полное выражение индивидуализм получил уже в эпоху Ренессанса, закладывая основы той целостности, которая стала называться западной цивилизацией. Ее основной чертой является уважение к личности как таковой, т.е. признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфичной она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования. Одной из основных ценностей и идеалов, поднятых на щит эпохой Просвещения, была терпимость, толерантность, склонность доверять другим как необходимая предпосылка объединения граждан в общественные ассоциации, без чего невозможно их реальное участие в политической деятельности.

Первые в истории нации-государства формировались на территориях, примыкающих к "поясу городов" – в династических центрах. Их появление привело к серьезным последствиям как теоретического, так и практического характера: расширению пространства политической системы, введению представительства, ограничению некоторых форм политического участия, признанию разнообразия и конфликтов. Классический, полисный взгляд на демократию, предполагавший наличие относительно гомогенного гражданского корпуса, объединенного общностью города, языка, истории мифа или религии, сделался практически невозможным. Расширение политического союза предполагало признание все большего разнообразия политической жизни: местного и регионального, этнического, расового, религиозного, идеологического, профессионального и т.п.

Следовательно, неизбежными становились и политические расслоения, а политический конфликт превращался в неотъемлемый аспект политической жизни. "И политическая жизнь, и практика склоняются к восприятию конфликта как нормальной, а не отклоняющейся характеристики политики", – отмечает американский политолог Р. Даль⁶. Коль скоро

⁶ Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 38.

конфликты интересов коренятся в природе человека и общества, а проявление этих конфликтов не может быть подавлено без подавления свободы, то наилучший способ предотвратить раздоры – расширить пространство. В этом преимущество республиканского правления в масштабах нации-государств, где политические конфликты гораздо реже выливаются в острую гражданскую войну, чем в городе-государстве. Именно этими соображениями руководствовались отцы-основатели США, создавая конституционный проект американского государства.

В результате сдвига в масштабе, сопровождавшего эволюцию от города-государства к нации-государству, организационный плюрализм не только делался неизбежным, но и получал легитимацию как в социально-экономической, так и политической жизни. В противовес Ж.-Ж. Руссо, признававшему наряду с неизбежностью, угрозу и даже опасность для политического общества узкогрупповых организованных интересов, А. де Токвиль именно в добровольных объединениях граждан – в ассоциациях видел главную гарантию против тирании большинства и нового деспотизма. В знаменитом труде "Демократия в Америке" он специально проанализировал роль гражданской ассоциации, взятой в качестве политической, возникавшей всякий раз по мере необходимости в осуществлении власти⁷.

В Европе в силу иных политических традиций гражданское общество обрело способность сдерживать натиск и противостоять произволу деспотического государства лишь посредством буржуазных революций. Но ускоренный ими процесс дифференциации, "эмансипации" различных сфер общественной жизни, становления их как относительно самостоятельных явился одним из важнейших переломных пунктов в историческом развитии. Государство было вынуждено не только считаться с возникшими общественными ассоциациями, но и встать на путь правового упорядочения своих отношений с гражданами, существенно перестроить свои властные структуры. На смену принципу единой и всеохватывающей государственной власти приходит принцип ее разделения на три ветви, каждая из которых относительно самостоятельна и способна уравновешивать другие. Осознание угрозы возникновения нового деспотизма, особенно в случае доминирования во властных институтах одной политической силы, привело к признанию статуса оппозиции как необходимого ограничителя всевластия большинства и гарантии политической свободы.

⁷ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1994. – 560 с.

С исторической точки зрения главной тенденцией было постепенное развитие первоначально авторитарных форм власти в направлении конституционной формы. В результате были установлены правила принятия решений и провозглашена необходимость других властных инстанций, например парламента для утверждения законности размера налогов. Дальнейшая демократизация – распространение избирательного права, появление политических партий (например, в Англии) – последовала вслед за конституционной эволюцией власти. Но на континенте, и прежде всего во Франции, политическая эволюция отличалась тем, что сначала были сделаны революционные попытки демократизации, и только потом произошел переход к конституционной реализации власти. Этот вариант политического развития оказался исключительно конфликтным, отягощенным кризисами политических режимов и долгим и трудным поиском равновесия и политической стабильности. *Коллизии институционализации и политического участия вплоть до сегодняшнего дня являются системообразующими факторами политических конфликтов.* Формируя механизмы с устойчивой обратной связью, рациональной организацией управления, способной к учету мнений граждан и реализации решений, политическая система превращается в гибкий инструмент для адресного регулирования конфликтов и выбора оптимальных вариантов применения власти.

Современным демократическим обществам свойственна конкуренция в большинстве областей. Конкуренция не может быть безбрежной, т.к. большая неопределенность приводит к неэффективности. Поэтому неопределенность результатов сочетается с определенностью процедур. Процедуры могут трактоваться как установления (институты), регулирующие конфликты, обеспечивающие относительную стабильность различным сферам или периодам. Сюда включается, например, действие законов, наличие партий, придающих упорядоченность политической борьбе, государственная бюрократия, опирающаяся на рационально-юридические критерии, профсоюзы, институты социального обеспечения, система правовой защиты частной собственности и – главное – общественный договор относительно того, что дозволяется делать, а что нет.

Одним из важнейших компонентов плюралистической демократии является свобода обсуждения всего, что надлежит предпринять, включая и модификацию конституций. Свободные дискуссии, открытые для всех, кто пожелает, составляют сегодня один из главных механизмов внутриобщественной коммуникации, возникновения и кристаллизации автономных образований, "групп общественности". По мнению Ю. Хабер-

маса, свободные ассоциации образуют узловые пункты коммуникативной сети, возникающие из различных автономных объединений общественности. Дискурсивный метод, сложившийся в эпоху Средневековья и ставший к Новому времени одной из характерных черт западноевропейского рационализма, сегодня становится дискурсом общественности, "коммуникативной властью"⁸.

Изложенные здесь некоторые конституирующие принципы открытого общества представляют собой не более, чем его идеально-типическое изображение. В "чистом" виде такое общество не существует. Однако это не отменяет того факта, что нынешние открытые общества объективно противостоят обществам закрытым, равно как и тенденциям к закрытости, возникающим в их собственном развитии. Это противостояние затрагивает прежде всего проблему конфликта. Плюрализм институтов, форм существования конфликтов, объединений и т.д. раскрывает творческие возможности успеха для любых интересов, действующих в обществе. В открытой системе конфликт может утратить значительную часть своей интенсивности и насильственности, но он все-таки должен там существовать, поскольку свобода общества означает вместе с тем справедливость и созидательный характер многообразия, различий и конфликта. Угрозы же открытому обществу возникают со стороны коллективистских форм социальности, подавляющих личность; наступления государства на сферы гражданского общества; монополизации политической власти; разрушения рациональных, формально-правовых отношений и подчинения их политической целесообразности; интеллектуализма и активной роли идеологов – "фюреров слова", пытающихся подчинить логику развития общества новому "светлому будущему". Как считает Ю. Хабермас, "во имя авторитарного разума, предпосылаемого всякому фактическому пониманию, может разворачиваться диалектика "фюреров слова", которая смазывает различие между моралью и тактикой и выступает за оправдание добродетельного террора"⁹. Соблазн интеллектуализма и Запад, и Восток испытывали на себе неоднократно; серьезным испытанием он стал и для современной России.

Однако наряду с освоенными, "прирученными" видами политических конфликтов современное открытое общество столкнулось с более глубинными противоречиями, составляющими саму его суть. Речь идет о

⁸ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО "КАМ", "ACADEMIA", 1995. – С. 68-69.

⁹ Там же. – С. 67.

формализации, рационализации внутриобщественных отношений, спецификации совокупно-общественных функций, означающих высокий уровень дифференциации всей социетальной системы. Этим достигается повышение ее продуктивности, но за счет возрастающей подверженности кризисам. Кроме того, нарастает противоречие между системой и неотчуждаемым миром семьи, друзей, деловых и социальных связей ("жизненным миром" в терминологии Ю. Хабермаса). Жизненный мир и системный мир, подчиняющийся инструментальной рациональности рыночных, властных и государственных отношений – это разные миры. В современном западном обществе системный мир колонизирует, подавляет жизненный мир, ему угрожают коммерциализация и бюрократизация, полное отчуждение от сформировавшихся норм и ценностей. Тем самым сила открытого общества неожиданно начинает превращаться в его слабость, порождая негативные социопсихологические и культурные последствия, патологические явления в обществе. Ось будущего конфликта формируется не столько вокруг распределения социальных благ, сколько по поводу *способов бытия*, "грамоты форм жизни".

Жизненные миры, центральным пунктом которых является повседневная коммуникативная практика, не являются пассивной средой. Через посредство трудовых и потребительских ролей, ролей граждан государства и клиентов жизненные миры оказываются в состоянии постоянного обмена с экономикой и государственным аппаратом. "Они колонизируются последними и "самоотчуждаются", но было бы неверно представлять дело так, будто они *только* поддаются экономическому и административному вмешательству" – подчеркивает Ю. Хабермас. – В экстремальных случаях дело доходит до активных оборонительных сражений поработленного жизненного мира, до социальных движений, до революций, как это было двести лет назад во Франции, или до восстаний, как это происходило под знаменем "Солидарности" в Польше"¹⁰.

Другой формой реакции на разрыв, возникающий между системой и жизненным миром, может стать *аномия*, буквально отсутствие законов, состояние дезориентации и беспорядка. Парадоксальным образом она также является продолжением достоинств открытого общества, реализации его главных ценностей – хозяйственного роста, социального равенства, политического участия. Это требует ослабления традиционных отношений, включающих каждого индивида в систему социального контроля, что чревато дезориентацией многих людей.

¹⁰ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО "КАМ", "ACADEMIA", 1995. – С. 89.

В дезориентированном обществе возможны не только самоубийства, как показал Э. Дюркгейм, но и убийства других как форма выражения отсутствующей структурированной идентичности с социальным окружением. Этот аспект проблемы настолько серьезен, что может иметь институциональные последствия. Вместе с тем нередко и институты вносят свой вклад в социальную дезориентацию: достаточно вспомнить Особый закон в Италии, запрет на профессии в ФРГ и т.д. Экстремизм и терроризм, составляющие сегодня едва ли не главную угрозу общественной безопасности во всем мире, в известном смысле являются отражением деятельности правящих кругов. "Как ведет себя правительство, так же ведут себя и экстремисты", – считает Р. Дарендорф¹¹.

Но свободное общество отнюдь не исключает перемен, напротив, сама демократия определяется как способность к системным превращениям. Как справедливо подчеркивает Г. Котанджян, западный цивилизационный ареал выработал систему демократической полиархии как результативный инструмент общественно-государственного обеспечения политической стабильности и воспроизводства целостности цивилизации средствами *преимущественной саморегуляции общественного бытия*¹². При этом изменения в свободном обществе требуют уважения к правилам игры, они не могут быть скоротечными и их необходимо перевести в конкретные политические альтернативы действий. Современное общество нуждается в институтах, которые дали бы отдельным людям возможность инициативы, и одновременно предложили бы более высокий уровень ответственности и контроля. Диалектика инициативы и контроля становится центральной для политических институтов и политики в целом.

Опасности, угрожавшие в прошлом или угрожающие в настоящем открытому обществу, могут достичь высокой степени концентрации, сформировав иной тип общества – *деспотическое, закрытое*. Тоталитаризм XX века является лишь эпизодом в вечном бунте против свободы и разума, но этот бунт впервые обрел форму народного движения. Это стало возможным после крушения в ряде европейских стран социал-демократических движений, которые долгое время ассоциировались в умах рабочих с идеями свободы и равенства. Когда же в 1914 году стало ясно, что эти движения не могут решительно противостоять войне, справиться с проблемами мирного времени, прежде всего с безработицей и эконо-

¹¹ Dahrendorf R. Der Liberalismus und Europa. Fragen von Vincenzo Ferrari. – München, Zürich, 1980. – S. 99.

¹² См.: Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса-конфликта. Цивилизационные проблемы теории и практики. – М.: Луч, 1992. – С. 59.

мической депрессией, вера в ценность свободы и в возможность достижения равенства людей сильно пошатнулась.

Главный постулат закрытого общества – монолитность, принципиальное устранение конфликтов во имя всеобщей гармонии, единомыслия и всеединства. Однако столь очевидно нереальная цель приводит к тому, что общество становится неизлечимо конфликтным, причем в особенно болезненных и разрушительных формах.

Само становление современных деспотических систем, еще недавно называвшихся социалистическими (СССР, страны Восточной Европы), сопровождалось мощными макроконфликтами – революциями, восстаниями, переворотами. В дальнейшем право на общественную деятельность было монополизировано властно-управленческими структурами и их представителями, устранив всякое проявление общественной самодеятельности и самоорганизации. "Уже потому, что в монистическом обществе почти все связи и отношения превратились в вертикальные, опосредованные централизованными иерархическими властно-управленческими структурами, едва ли возможно непосредственное взаимодействие, в том числе конфликтное, социальных общностей и институтов – они взаимодействовали непосредственно с властью", – считает П. Кандель¹³. Это породило специфический тип социальных отношений в обществе, систему обмена и наличие разветвленной сети предоставляемых государством благ. Сформировалась гигантская сеть отношений "патрон – клиент", в которой наиболее слабые клиенты не располагают ничем, кроме своей жизни. Государство же само стало главным "патроном", упразднив само право на существование независимых социальных общностей как потенциальных субъектов конфликта.

Равенство подданных перед лицом власти всегда было одной из главных забот всех деспотизмов и тираний с древнейших времен, но для тоталитарного государства в XX веке такое уравнивание оказалось недостаточным. Оставались нетронутыми определенные неполитические общественные связи между подданными, такие как семейные узы и общие культурные интересы. "Если тоталитаризм воспринимает свою цель всерьез, он должен дойти до такой точки, где захочет "раз и навсегда покончить с нейтральностью даже шахматной игры", то есть с независимым существованием какой бы то ни было деятельности, развивающейся по своим законам", – писала Х. Арендт¹⁴. Одним из первейших усло-

¹³ Кандель П.Е. Социальный конфликт в монистической системе (Опыт теоретического анализа) // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 6. – С. 79.

¹⁴ Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. – 1992. – Т.1. – № 2. – С. 20.

вий для торжества тоталитаризма, на ее взгляд, является создание абсолютно атомизированных индивидов в массовом обществе. Обратной стороной тенденции к нивелированию социальных различий становится еще более глубокая социальная дифференциация, вырастающая из властно-управленческих структур формирующейся монистической системы. Вместе с тем эта дифференциация никогда не была легитимной.

Основанные на схожих принципах великие империи Азии и Ближнего Востока отличались исключительной устойчивостью, стабильностью, отсутствием конфликтов как постоянного явления. Во многом это было результатом простоты и прочности социальной структуры, ее жесткой статусной иерархии, имевшей либо сословную, либо кастовую природу. Государство вбирало в себя все руководящие функции, осуществляло управление в однородном и одновременно иерархизированном обществе. Социальные группы различались по образу жизни, но ни одна из них не обладала государственной властью: все они были составными частями государственной структуры. Управление как администрирование, возложенное исключительно на государство, вытеснило собой собственно политику – в отсутствие организованных политических субъектов о ней просто не могла идти речь. Впоследствии многие черты таких бюрократических империй обнаруживаются в обществах государственного социализма: государство – единственный управляющий коллективным трудом, государственная бюрократия – единственный привилегированный класс, противоречия есть, но без классовой борьбы в ее европейском понимании.

Сила тоталитарного режима в бывшем СССР состояла в том, что он сохранял своего рода рефлекс, обусловленные его революционным происхождением: стремление к экспансии и исключительное право государства на идеологическую истину, для чего использовалась идеология западного происхождения – марксизм. Тем самым на обычные черты бюрократических деспотий наложилась воля к переменам, присущая революционной партии, и идеология рационалистского толка, сама по себе представляющая критику действительности. Кроме того, современное индустриальное общество наделило тоталитарные режимы возможностями, которыми не располагала в прошлом ни одна деспотия: исключительный контроль над средствами убеждения и новые методы психологического воздействия. Ни один деспотизм прошлого не ставил перед собой задачи "формирования нового человека" или завершения доисторической эпохи.

Эти черты закрытого общества, где собственно гражданское общество оказалось раздавлено тоталитарным государством, нередко опре-

деляют как предельную степень политизации. В данном случае отождествляются понятия "государственное" и "политическое", и за политику выдается пронизывающая общество сверху донизу государственная, бюрократическая регламентация. В действительности, конечно, все обстоит как раз наоборот. Как справедливо подчеркивает С. П. Перегудов, в обществе, где господствует тотальная регламентация, где граждане лишены возможности свободно выражать свои политические взгляды и предпочтения, организоваться в добровольные и независимые от государства и правящей верхушки ассоциации, "такое общество не живет политической жизнью и является искусственно деполитизированным. И, напротив, общество, где человек чувствует себя достаточно свободным в политическом волеизъявлении (да и не только в нем), то есть общество гражданское, является по самой своей природе носителем политического начала, и его нормальное функционирование немыслимо без политики и политического действия"¹⁵.

Как это ни парадоксально, но наиболее регулируемое общество оказывается и наименее управляемым. Разгул ведомственности и местничества нигде так не силен, как в сверхцентрализованном управленческом механизме. Максимальное "обобществление" порождает невиданный расцвет эгоизма и групповщины. Происходят закулисные столкновения суррогатных социальных общностей – ведомственных и местных лоббистских образований, политиканствующих клик и кланов, мафиозных групп, различного рода и размера клиентел, градируемых по степени близости к узловым пунктам распределительного механизма и его опекунам. Подобные процессы становятся своеобразными извращенными аналогами конкуренции в экономике и плюрализма в политике.

Исследователи восточного деспотизма обращают внимание на то, что правящий класс здесь был открытой категорией. Социальный статус и богатство людей, входивших в этот класс, являлись производными от власти. Решающее значение имело обладание властными полномочиями. Соперничество кланов, основанных на кровнородственных, земляческих и клиентно-патронажных отношениях, преследовало цель добиться власти, престижа, денег. "Проигрыш означал не временное поражение, а гибель. Терялось все: и жизнь, и честь, и имущество"¹⁶. Этот принцип унаследовали и тоталитарные режимы XX века.

¹⁵ Перегудов С.П. Гражданское общество в политическом измерении // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 81.

¹⁶ Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М.: Наука; Издательская фирма "Восточная литература", 1993. – С. 18.

Одной из характеристик закрытого общества является своеобразная форма открытого социального конфликта – государственно-организованный террор. Он не был реакцией на некие антисистемные, неконвенциональные действия, но часто носил упреждающий (превентивный) характер, предшествовал возможным подрывным действиям. Объектом террора являлись вполне определенные категории, группы, слои общества, интересы которых оказывались (или могли оказаться) несовместимыми с интересами власти. Таким образом устранялись потенциальные носители оппозиции.

По свидетельству психологов, всякая чрезмерная концентрация власти становится источником бессознательных подрывных тенденций. Отсюда следует, что тоталитарное государство постоянно находится на грани бунта. Его чрезмерная власть провоцирует на столь же чрезмерное ему сопротивление. Тоталитарный режим недалек от истины, подозревая, что большинство его подданных настроены оппозиционно по отношению к нему. Поэтому бдительность тайной полиции в отношении настроений различных слоев общества вполне оправдана. Более того, режим должен быть готов использовать силу при малейшем ему вызове, ибо если восстание начнется, то удержать его под контролем практически невозможно. Между государством и индивидом нет промежуточных корпоративных организаций, и стоит ему отказаться от каких-либо из своих прерогатив, как они тут же захватываются в стихийном порядке и, как правило, становятся направленными против государственных институтов.

Для всех потенциальных или актуальных конфликтов тоталитарного общества характерно преобладание насильственных методов и средств борьбы. Соперничество интересов и состязательность идей подменялись деструктивным столкновением сил, а диалектика социальных противоречий – "железной" логикой насилия. По свидетельству Х. Арндт, большинство участников тоталитарных движений – опоры режима – состояло из людей, которые раньше никогда не появлялись на политической сцене. "Это позволило ввести в политическую пропаганду совершенно новые методы и безразличие к аргументам политических противников... Они не нуждались в опровержении аргументации противников и последовательно предпочитали методы, которые кончались смертью, а не обращали в новую веру, сулили террор, а не переубеждение"¹⁷.

Все перечисленные конфликты можно определять как внутрисистемные, свойственные "нормальному", повседневному функционированию закрытой системы. Но для нее столь же характерны хотя и экстремаль-

¹⁷ Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 24.

ные, но органически свойственные ей макроконфликты, выражающиеся в массовых внеинституциональных, "незаконных" действиях протеста. Это ставит под вопрос само существование системы, ее функционирование в прежних формах.

Причины разрушительного воздействия макроконфликта на тоталитарную систему коренятся в самой ее природе и способах функционирования. Тотальность, властность и централизация управления, свойственные ей, многократно умножают всеобщность и силу ее управленческого воздействия, лишённого каких-либо социальных, политических, правовых и организационно-институциональных ограничений. Одновременно накапливаются огромные диспропорции, "тектоническое давление" в системе. Но она не обладает ни относительной самостоятельностью экономики от политики, ни автономными сферами общественной жизни, гражданским обществом. Нет здесь и разделения властей, размежевания между экономической и политической элитой, их открытого соперничества, а также действенного представительства интересов классов и социальных слоев. Нет узаконенных механизмов смены власти и исправления ее ошибок, ибо ответственность управляющих не имеет в такой системе адекватного содержания.

Из этого следует, что макроконфликт – революция, массовые протестные движения, восстание и т. д. – осуществляет в такой системе функции, сходные с теми, которые в открытом, плюралистическом обществе реализуются всею совокупностью институционализированных легитимных социальных и политических конфликтов, начиная от забастовок и демонстраций и кончая парламентскими и правительственными кризисами. Теоретически возможности разрешения кризиса системы без доведения его до стадии социального макроконфликта существуют: принципиальное изменение проводимой политики, решительное реформирование социально-экономической и политической системы и т. п. Однако это означает покушение на коренные интересы тех сил и групп, прежде всего во властных структурах, чье доминирующее положение неразрывно связано именно с существующей системой. Поэтому требуется незаурядное политическое мастерство той политической элиты, которая осознала неизбежность перемен и предпринимает определенные шаги в этом направлении.

Предложенный идеальный тип закрытого общества, монистической системы, как и в противоположном случае с открытым обществом, есть лишь идеальная мыслительная конструкция, не лишенная, разумеется, связи с реальным миром, но и не отражающая его в полной мере. Кроме того, анализ факторов, которые стимулируют изменения в такой систе-

ме, а также динамики соотношения сил и развертывания макроконфликта, не входит в нашу задачу. Следует лишь заметить, что господствовавшая некоторое время назад в отечественной литературе точка зрения о "принципиальной неререформируемости" такой системы сегодня уже не является столь категоричной. Известная переоценка происходит под влиянием более тщательного изучения закономерностей и особенностей перехода от тоталитарно-авторитарной системы к демократической, от закрытости к открытости, при уделении повышенного внимания взаимодействию противоборствующих сил, поведению элит, социально-политическим и психологическим качествам лидеров и т.д. Вопреки распространенному в недавнем прошлом мнению о решающей роли объективных условий в историческом процессе события последних лет продемонстрировали исключительную (в случае России даже чрезмерную) роль субъективного фактора, и прежде всего политических элит. Поскольку возникновение тоталитарных и авторитарных систем минувшего столетия чаще всего совпадало с традиционными зонами деспотизма, т.е. с Востоком (хотя и не исключительно с ним), есть основания полагать, что особенности этого цивилизационного генотипа дают о себе знать и сегодня. Речь идет о странах, вступивших после распада социалистической системы на трудный путь перехода к открытому обществу. К ним с недавних пор принадлежит и Россия. В связи с очевидной уже сегодня сложностью и продолжительностью перехода есть смысл считать переходное состояние общества *особым типом*, обладающем собственной логикой, закономерностями и набором особых черт. Выделение переходного идеального типа, на наш взгляд, позволит лучше понять природу и своеобразие поставторитарной конфликтогенности.

Общество переходного типа – это общество, находящееся в состоянии глубокой трансформации, нарушающей сложившееся относительное равновесие, задевающее и во многом противопоставляющее друг другу интересы широких социальных слоев. Оно отличается неопределенностью результатов, поскольку приняло принцип конкуренции и находится в процессе движения к новому строю. В то же время переходный период характеризуется неопределенностью процедур. Здесь сказываются, с одной стороны, власть прошлого, а с другой – значительные препятствия, возникающие при попытках стандартизации порядка разрешения конфликтов. Против процедурной определенности действует желание побыстрее получить ощутимые результаты от экономической конкуренции и политических свобод.

Но совмещение одновременно неопределенностей и результатов и процедур создает сильнейшую нестабильность, когда отсутствуют при-

вычные – структурные – опоры в общественной жизни; недостает представлений о ценностях; интересы, поведение людей носят случайный характер. Отсутствует системность, и следовательно, четко определенные регуляторы и ограничители, общественные роли и отношения; нет устоявшихся норм и институтов, не определились группы интересов и классы. То есть отсутствует все, что придает социальной жизни относительную упорядоченность и систематизированность. Общество выглядит как судно без руля и ветрил¹⁸.

Поскольку в предыдущий период отсутствовала практика выявления и разрешения социальных и политических конфликтов, поставлени тарные общества не имеют навыков их локализации, канализации, регулирования. В результате конфликты, как правило, приобретают взрывной характер и отличаются спонтанной неинституционализированной политизацией. Это связано в первую очередь с сохраняющейся неотделенностью политической сферы от социальных и личных отношений, что придает любому конфликту – начиная с трудового, производственного и кончая этническим – политическое измерение, даже вопреки намерениям его участников. Политизация достигается, как правило, не на основе осознанных групповых интересов, понятых в контексте с аналогичными интересами других групп и слоев и интересов государства в целом, но на основе ложной идентификации, мифологизированного архетипа исключительности личности, группы, этноса, корпорации по отношению ко всем остальным. Политическая борьба лидеров и группировок переводится в крайние формы национальных, клановых и межрегиональных конфликтов, а складывающаяся партийная система совершенно не адекватна расстановке сил в маргинальном, нестратифицированном обществе, идентификация в котором имеет "искаженную форму "самоопределения" по одному критерию или вокруг ложного архетипа"¹⁹. Отсутствие конструктивного начала у правящих групп, попытки механического использования чужого опыта, тупики социально-экономического курса приводят к подмене реального политического процесса поиском "всеобщей панацеи", способной вмиг изменить ситуацию к лучшему. Это является признаком маргинального сознания и политической несостоятельности правящих групп.

¹⁸ См.: Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Политические исследования. – 1993. – № 1. – С. 48.

¹⁹ Дахин В. Распад социальной ткани тоталитарного общества // Свободная мысль. – 1994. – № 2-3. – С. 108.

Для характеристики общества, лишенного созданных им самим устойчивых коллективных средств организации, политологи используют термин дезорганизованное общество. Эта характеристика относится и к посткоммунистическому обществу. Его специфика – в степени прямого государственного вмешательства в создание социальных связей и институтов. Большая часть последних и ныне нуждается в существовании всеохватывающего государства. Это относится как к инициированным государством организациям, так и новым неформалам, теневой экономике или оппозиционным группам. Если государство уходит из прежних сфер своего влияния и воздействия, то и им приходится либо исчезнуть, либо превратиться в типы поведения и институты, обладающие автономией и независимой жизнью, но в совершенно иной среде. "Именно поэтому тезис о том, что зародыш гражданского общества развивается внутри советского и достигнет зрелости, как только будет гарантирована политическая свобода, полностью неверен," – пишет английский политолог М. Маколи²⁰. Поскольку и среда, и социальные отношения и связи остались преимущественно прежними, новые институты и типы поведения оказываются неэффективными.

В связи с тем что составляющие основу прежней системы взаимоотношений "патрон – клиент" структуры и обычаи все еще существуют, сохраняется и сама эта система. Она является препятствием на пути создания рыночных отношений и даже может породить оппозицию попыткам государства отказаться от своей роли всеобщего поставщика благ и услуг. Противодействие таким попыткам может идти и снизу, и сверху. С одной стороны, система взаимоотношений "патрон – клиент" мешает появлению снизу профсоюзного движения и препятствует формированию корпуса должностных лиц, способных отделить общественные интересы от личных. С другой – создатели нового государства, поддерживая рыночные отношения, создавая и используя сеть преданных себе граждан, продолжают выступать в качестве "патронов". Дело даже не в обилии чиновников, оставшихся от правления коммунистической партии (по данным венгерских политологов, в 1990–1994 гг. в Венгрии государственные служащие составили четверть всех занятых), но в том, что и после краха старого режима порожденная им социальная практика продолжает выращивать "патронов", элитные структуры и "простых" гражд-

²⁰ Маколи М. Становление новой российской государственности: опыт прогноза // Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 37.

дан. Последние в таком случае не видят никакого реального смысла ни в организации, ни в политической активности. Вместе с тем и реакция выросшего в этой среде населения на тяготы и лишения переходного периода может быть самой неожиданной.

Диссонанс между сознанием и истинным положением тех или иных классов и групп приводит к утрате определенного выражения своих интересов, порождает склонность к абстрактным, фантастическим политическим программам. Как считает Я. Щепаньский, польская политическая жизнь характеризуется сегодня "гибридизацией" польского общества: "вновь возникающие политические партии подобны толпе (в социологическом ее понимании). Членов этих партий связывают скорее эмоции, чем рациональные программы"²¹. Поэтому партии нередко дробятся в силу амбиций лидеров, а не различий в позициях. Аналогичный вывод можно сделать и для России. Интересы различных групп, в основном корпоративных, не выведены на уровень политики. Для всех, в том числе и для тех, кто их защищает, остается неясным, как они согласуются с другими интересами, они не осознаются как один из реальных вариантов общего политического курса.

При этом интересы "верхов", элит осознаны и представлены в гораздо большей степени, чем интересы основной массы населения. Кроме того, интересы "низов" имеют тенденцию восприниматься в патерналистском духе – как продолжение интересов тех или иных элитных групп. Так, в России рабочие и служащие военно-промышленного, топливно-энергетического, агропромышленного комплексов склонны считать, что их интересы во многом совпадают с интересами "их" директоров, "их" управленцев, и поддерживают последних. В канун декабрьских парламентских выборов 1995 года предприниматели (работодатели) и профсоюзы, призванные защищать интересы лиц наемного труда, создали объединенную партию "Профсоюзы и промышленники России – Союз труда". Вертикальная организация общества все еще преобладает над горизонтальной – вне иерархических связей оно по-прежнему аморфно.

В этих условиях проблемой для поставторитарных обществ является не столько стабильность демократии, как это нередко провозглашается на официальном уровне, сколько само ее становление. А это зависит не только от формального существования парламентских институтов, но и от развитости гражданского общества, от наличия в нем сотен разнообразных объединений и ассоциаций, в которых воплощено осознание теми

²¹ Щепаньский Я. Польские судьбы // Россия и современный мир. – 1994. – № 3. – С. 155.

или иными социальными группами своих особых интересов. Если создана такая сеть союзов, тогда своя система подстраховки существует и для большинства, и для меньшинства.

Сегодня Россия мучительно переживает становление новой социальной и политической субъектности. Особенность этого драматического процесса состоит в неопределенности представлений об общности интересов. Поскольку гражданское общество еще не сформировано, а механизм защиты прав различных групп населения был прерогативой исключительно бюрократических структур, всякий действительно общий интерес воспринимается ныне с подозрением, как еще одна версия происков плутократии, либо иной группы, преследующей своекорыстные интересы и цели. Поэтому в сфере политики, экономики, культуры, религии, этнонациональных отношений, где каждая из элит стремится расширить свой символический капитал и влияние на конструирование социального пространства, наблюдается *конфронтационный плюрализм*. "Концепции солидарного будущего не только противоречивы и двусмысленны, но, можно сказать, "приватизируются" различными общественно-политическими группировками, партиями, движениями", – пишет известный социолог В. Ядов²². Отсутствие объединяющих идей усугубляет хаотическое состояние дезинтегрированного общества.

Атомизация общества является своего рода тяжелой наследственной болезнью, берущей свое начало в деспотическом, авторитарном историческом прошлом России. Но если для авторитарно-тоталитарных обществ характерно сильное государство при слабом, придавленном контролем последнего обществе, то *переходная система отличается слабым государством*, "государством в хаосе". Его *экономические ресурсы истощены*, оно перенапряжено территориально, и *слабеющий центр сталкивается с противостоянием все более автономизирующихся регионов*. *Государственные институты с трудом сосуществуют, находясь в состоянии конфликта*, а попытки власти найти выход из тяжелого положения не приносят *ощутимых результатов*, порождая недовольство масс и кризис легитимности. На месте государства существует целый ряд относительно автономных центров, которые согласовывают свои интересы, не переставая конфликтовать друг с другом, причем каждый из них имеет тенденции обрести структурами связи с новой экономикой, предпринимательством, а также преступным миром.

²² Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 37.

Переходное государство с трудом осознает новую для себя функцию общественного служения, не ощущает правовой связанности с индивидом. Не справляется оно и с функциями, предписываемыми ему либеральной доктриной – быть беспристрастным блюстителем правовых норм и их исполнителем. Экономика так и не обрела эффективных частных и коллективных владельцев, но многие государственные институты оказались приватизированными посредством административного торга. Отсутствие жестких и равнообязательных правил игры, контролируемых соответствующими государственными структурами, наносит ущерб экономическим процессам, легитимности государственных институтов, ослабляет социальную идентичность большинства активного населения, нуждающегося в ответе на вопросы: "Кто мы? Куда идем? Что делать?"

Попытки резкого и быстрого упразднения административно-бюрократической системы, вызвавшие ослабление государственности как таковой, не принесли новой правящей элите ожидаемых результатов. Отсюда проявление "алгоритма тоталитаризма" – попытки концентрации власти, навязывание обществу интересов и эгоистических устремлений меньшинства под видом общенационального интереса. В действительности же речь должна идти о четком разделении и терпеливой отработке механизмов и процедур принятия решений и их выполнения. Этот процесс требует усилий и времени для выявления и учета разнообразных интересов и мнений, иначе будет сохраняться и даже культивироваться почва для прорастания недемократических, авторитарных, реставраторских тенденций.

Сложность и противоречивость политического процесса в переходных обществах серьезно затрудняет реализацию политических отношений, институциональных процедур и политических норм, хотя вне ее невозможно функционирование политики как автономной сферы, связанной с упорядочением разнообразных и противоречивых интересов, целей и ценностей различных слоев и групп.

Одним из постоянно действующих конфликтогенных факторов в этой области является копирование иностранных образцов, искусственное принятие иных, культурно не усвоенных политических институтов на национальную почву – случайная институционализация. Болезнь подражательности является традиционной для России, способствуя усвоению не духа, но формы копируемых ею учреждений. Последние теряли свойственные им в родной социокультурной среде качества, превращались в псевдоинституты, отторгаемые российской реальностью. Само это отторжение – "реванш специфики над общим" – нередко означало конец всем

модернизационным усилиям, предпринимавшимся российской реформаторской элитой.

Поскольку выбор институтов в переходные периоды оказывается во многом случайным и диктуется понятным желанием как можно быстрее уладить важнейшие конфликты, институты, принятые в качестве временных решений, таковыми и останутся. По мнению А. Пшеворского, в новых демократиях постоянно будут возникать конфликты по поводу их главных институтов. "Те политические силы, которые терпят поражение в результате взаимодействия этих институтов, будут постоянно ставить вопрос об институциональной структуре в политическую повестку дня"²³. Логика политической борьбы в России последних лет подтверждает этот вывод. Об этом же говорят и ее перспективы: внесение изменений в действующую Конституцию (или принятие новой), судьба института президентства, проблемы представительства, включая избирательное законодательство, и т.д.

Переходная модель общества в конце XX в. во многом еще остается закрытым, "черным" ящиком, хотя опыт переходов к открытому обществу, к демократии уже давно осмысливается политической наукой. Посткоммунистические общества способны обогатить теорию переходов новыми гранями и специфическими особенностями, новой конфигурацией политических сил и новыми типами и формами конфликтов. К рассмотрению одного из них – государственно-правового конфликта – мы и переходим.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Какие типы обществ вам известны? Как можно типологизировать общества в соответствии с уровнем и характером развития социальных отношений?
2. Охарактеризуйте специфические черты и признаки открытого общества. Почему оно формировалось преимущественно в западном цивилизационном контексте?
3. Что понимается под закрытым обществом? Каковы его основные признаки? Почему всякая чрезмерная концентрация власти становится источником бессознательных подрывных тенденций?

²³ Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – №3. – С. 39.

4. Какими чертами можно охарактеризовать переходное общество? Почему оно отличается повышенной конфликтностью и конфликтогенностью?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993. – 303 с.
2. Конфликты в условиях системных трансформаций в странах Восточной Европы. – М., 1994. – 168 с.
3. Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. – 1994. – № 6. – С. 37-127.
4. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. – М., 1996. – 384 с.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т.1: Чары Платона. – М., 1992. – 448 с.
6. Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы (По результатам исследовательских проектов). – М., 1996. – 288 с.
7. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. – М., 2001. – С. 290-566.
8. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М., 1993. – 392 с.
9. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. – Т.1. – Вып. 2. – С. 123-136.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Выделение государственно-правовых конфликтов как самостоятельного типа продиктовано тем обстоятельством, что в рамках поля политики три области всегда являются политическими по самой своей природе и, следовательно, всегда имеют политический характер. Это политический режим, завоевание власти и ее осуществление. Поэтому типологию политических конфликтов мы начнем с государственно-правовых, возникающих в самой системе государственной власти. Это институционализированные, преимущественно рациональные, публичные политические конфликты, само возникновение которых большей частью запрограммировано в политической системе. Здесь идет борьба за расширение правового поля, закрепленного в законодательстве, за правовые границы политических действий. В тех случаях, когда такие конфликты протекают в институционализированных, правовых рамках, они не разрушают, а укрепляют политическую систему, выполняя по отношению к ней и к обществу в целом конструктивные функции. В ходе таких конфликтов борьба ведется вокруг функционирования старых и возникновения новых государственных институтов, объема их полномочий, конституционных положений, регулирующих эти полномочия и ресурсы власти и т.д.

В рамках описания государственно-правовых конфликтов в поле зрения исследователя должны находиться следующие реалии:

- конфликты между институтами власти (законодательной и исполнительной);
- конфликты между государством и отдельным институтом (например, государством и политической партией);
- конфликты между государственно-правовой системой и оппозицией, стремящейся эту систему изменить;
- конфликты между государством и личностью (проблемы соблюдения прав человека);
- конфликты между государством (или отдельным институтом) и обществом (проблема легитимности) и т.д.

Естественно, описание всех этих – и многих других – видов государственно-правовых конфликтов в одном разделе не представляется возможным. Однако некоторые из них, *транзитивные* для многих политических систем (например, конфликты между парламентами и правительствами) будут рассмотрены. Особый характер и конфигурацию они приобретают в переходных обществах, включая нынешнюю Россию. При этом необходимо подчеркнуть необходимость и важность именно поли-

тологического подхода к анализу таких конфликтов. Как уже говорилось, они в основном институционализированы, но в рамках самих конфликтующих институтов постоянно идет борьба идей и мнений, меняется соотношение сил. Это связано с тем, что всякое должностное (министр) или уполномоченное (депутат) лицо или группа лиц (парламентская фракция) участвуют в конфликте не сами по себе, но как представители больших социальных групп. Изменения в умонастроениях этих групп передаются их уполномоченным, стремящимся повлиять на проводимый политический курс, позиции правительства, перераспределение власти. Но связь между массовыми общественными настроениями и политической борьбой в институтах власти не однонаправленная. Часто изменения в умонастроениях провоцируются сверху, различными силами с определенным политическим расчетом – повернуть массовое сознание и общественное мнение в свою пользу.

Любая политическая система, политический режим представляет собой результат жесткой политической борьбы различных сил, экстраполировавших свои интересы и требования в сферу политики, на уровень государственной власти. Известно, что временем рождения либеральных демократий Запада стал период буржуазных революций в Европе XVIII–XIX вв. Сложившееся в их ходе соотношение сил трех ключевых субъектов политической борьбы – дворянства, буржуазии и пролетариата, в зависимости от исторических, национальных условий дало различные конфигурации политической системы – от республики до конституционной монархии и мнимого конституционализма.

Что касается тоталитарных систем, то их возникновение, также сопровождавшееся сильнейшими социальными катаклизмами, ознаменовалось установлением власти революционного меньшинства и созданием системы корпоративного представительства интересов при отсутствии полноценной публичной политики. Это, однако, не освобождает политического исследователя от необходимости понимать внутреннюю логику политических институтов. "Эти институты – отнюдь не случайное взаимное наложение практических действий, – подчеркивает Р. Арон. – Всякому политическому режиму присущи – пусть и в минимальной степени – единство и смысл. Дело социолога – увидеть это"¹.

Конфликт, который в "погашенном" виде заложен в основу любой конституционной системы, периодически оживает в периоды избирательных кампаний. Большинство, которому принадлежит политическая власть, может выделиться либо путем прямых (президентских), либо не-

прямых (парламентских) выборов с инвеститурой правительства ассамблеей, сформированной по итогам всеобщего голосования. Развитие парламентской модели привело к нынешнему отождествлению народного большинства с парламентским, а правительство обычно в целом отражает данное большинство. Тем самым становится возможным реализовать единство политической власти (правительства и парламентского большинства), а плюрализм обеспечивается статусом оппозиции и чередованием партий у власти. Можно сказать, что институционально политический конфликт "прописан" в парламенте, где он выступает в наиболее открытой и зрелой форме как *мобилизация* – против правительства и президента, парламентское большинство против меньшинства, "левые" против "правых", депутаты-"списочники" против "одномандатников" и т.д. При этом, мобилизуя большинство, парламент опирается на поддержку общественного мнения, и на общество в целом. Поскольку все эти конфликты регламентированы, то всегда имеется возможность их легального разрешения.

Президентская модель сложнее, поскольку сочетает в себе два способа прямого выражения народного большинства – президентские и парламентские выборы. Их результаты могут и не совпадать друг с другом. Однако если партийная система и институциональный механизм отлажены таким образом, что облегчают поиск необходимых компромиссов между представительной и исполнительной ветвями власти, то политическая воля народа воплотится в согласованных решениях и законодательных актах. Вместе с тем это не исключает возникновения отдельных частных конфликтов. На примере американского президентского режима видно, что их предметом могут стать полномочия в сфере назначений или отстранений от государственного поста, формально являющиеся прерогативой президента, и попытки конгресса потеснить его в этих вопросах. В свою очередь, в критических ситуациях президент прибегает к использованию правового института вето, предназначенного для поддержания "конституционного баланса" во взаимоотношениях с конгрессом. Один из творцов американской конституции А. Гамильтон указывал, что без института вето будет нарушен принцип разделения властей и президентские полномочия окажутся в руках у законодателей. Однако в последнее время в США все чаще раздаются голоса, что президенты злоупотребляют правом вето. Нередко это право становится орудием партийной политики. Так, при Р. Никсоне и Р. Рейгане в условиях контроля демократов над конгрессом использование президентами-республиканцами права вето отражало борьбу между двумя основными партиями.

¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 47.

Особенность США состоит в том, что здесь поражение правительства по основному вопросу не влечет за собой отставки президента. Это связано с тем, что американская конституция, основанная на иной политической теории, не позволяла парламентской практике развиваться по законам ее внутренней логики. В действительности же эта логика проявилась и в Америке: поражения по основным вопросам хотя и не могут привести к смещению президента, но в целом настолько ослабляют его престиж, что он вытесняется с позиций лидера. Временно это создает ненормальную ситуацию. Но победа или поражение на следующих президентских выборах означает такой способ улаживания назревшего конфликта, который фундаментально не отличается от способа действий английского премьер-министра в аналогичной ситуации, когда он распускает парламент.

Очевидно, что запрограммированность политических конфликтов в демократических системах связана с разделением властей как наиболее органичным для них принципом политико-правового устройства. Закрепленные в конституциях полномочия каждой из трех основных ветвей власти, а также приверженность основных политических сил общим правилам демократической игры способствуют сохранению общественно-политической стабильности, предохраняя как от авторитаризма и монополизации власти, так и от анархии и неуправляемости.

В то же время двойной центр институционального и политического притяжения "президент – парламент" может содержать в себе и более серьезное противоречие как основание конфликта. Так, во французской политической системе при Пятой республике, когда совпадают два способа выражения воли народа (президентские и парламентские выборы), президентская власть усиливается, ее преобладание становится структурным, обесценивая глубинную основу принципа разделения властей как разделения социально-политических сил. Возникает монополия на власть одной силы, стоящей и за президентом, и за парламентом, что само по себе чревато авторитаризмом. С другой стороны, два народных выбора могут и не совпасть, и даже оказаться в противоречии друг к другу: левый президент и правое большинство в парламенте, или наоборот. Тогда при отсутствии разумного сотрудничества между президентом и парламентом вероятен кризис политического режима. В таких случаях очень многое зависит от политической культуры правящей элиты, ее готовности к компромиссу и поиску конституционных выходов из тупиковой ситуации.

Одной из наименее устойчивых моделей политического правления можно считать президентскую систему с избирательным законом, предусмат-

ривающим пропорциональное представительство в парламенте. Именно она была использована в новых демократиях Латинской Америки и Восточной Европы в 80–90-х годах. Пропорциональная система благоприятствует получению многими партиями мест в парламенте. Однако поскольку парламент не выбирает правительство, то партиям нет необходимости вести переговорный процесс с целью формирования правящей коалиции. Правительство назначается президентом. При многопартийности партия президента вряд ли в состоянии получить большинство депутатских мандатов: слишком жесткой оказывается межпартийная конкуренция. Президент не может управлять, не имея поддержки парламента, но последний не несет ответственности за деятельность правительства и потому не обязан его поддерживать. В этом и заключается причина постоянного конфликта между президентом и парламентом, что может завести управление страной в тупик. Президенты, не способные договариваться с парламентом, вынуждены прибегать к иным политическим силам и воздействиям, чтобы править без парламента. "Но когда традиционные политические институты перестают действовать, они приходят в упадок. Парламент теряет свой авторитет, и демократические институты рушатся", – пишет американский политолог М. Уоллерстайн².

Подобный сценарий не является неотвратимым, однако его издержки российские граждане уже испытали на себе. В случае, когда президентская форма правления сочетается с системой пропорционального представительства, опасность политического тупика и паралича демократических институтов весьма велика. Следовательно, выбор системы голосования, электоральный механизм могут решающим образом повлиять на судьбу демократических институтов.

Завоевание поддержки большинства является главной максимой политической борьбы в институтах государственной власти. Победившее на выборах большинство формирует правительство (парламентская республика) или имеет право предложить кандидатуру премьер-министра, а также поддержать или отклонить назначение ключевых, "силовых министров" (Французская республика). Любое решение президента может рассчитывать на успех лишь в том случае, если его советники предварительно "поработали" с депутатами парламента, склонив на свою сторону необходимое количество голосов.

При парламентском режиме правительство не всегда формируется партией, завоевавшей наибольшее количество голосов. Однако партия,

² Уоллерстайн М. Избирательные системы, партии и политическая стабильность // Политические исследования. – 1992. – №5-6. – С. 162.

претендующая на формирование правительственного кабинета, должна найти союзников для того, чтобы иметь за собой хотя бы относительное парламентское большинство. В том же случае, если изначально сформировано правительство парламентского меньшинства, целью его политической деятельности является расширение базы своей поддержки, ослабление оппозиции. Оно будет вынуждено добиваться поддержки большинства депутатов по каждому вопросу в отдельности. "Наилучшие шансы на успех правительство меньшинства имеет в ситуации, когда оппозиция расколота на приверженцев двух или более точек зрения, настроенных враждебнее по отношению друг к другу, чем к политике правительства", — считает Э. Эллис³. Цель завоевания большинства имеют и представленные в парламенте партии, строящие свою коалиционную политику исходя из основного политического размежевания — между большинством и меньшинством.

Поскольку государственно-правовые конфликты как бы запрограммированы в демократической политической системе и затрагивают саму ее основу — государственные институты, накопление их в недрах системы может породить новое качественное состояние последней — политический кризис. Это понятие более соответствует системному характеру объекта, подвергшегося кризису — правительства, парламента, всей политической системы в целом. Простейшая трактовка политического кризиса сводится к тому, что *это переломное состояние политической системы общества, выражающееся в углублении и обострении имеющихся конфликтов, в резком усилении политической напряженности и нестабильности*. Основой его является изменение соотношения сил в правительстве или парламенте как следствие изменения общественных настроений, нарушения прежнего баланса интересов. С точки зрения перспектив развития роль политического кризиса амбивалентна. Он может представлять собой драматический момент в судьбах общества, поскольку отражает определенную дезорганизацию, дестабилизацию политической системы. Вместе с тем он выявляет новое соотношение сил, интересов, и его развязка будет означать не что иное, как начало нового этапа общественно-го развития.

Если не касаться внешнеполитических (экзогенных) кризисов, обусловленных внешними, международными противоречиями и конфликтами, внутривнутриполитические кризисы можно выстроить по степени их глубины и опасности для общественной стабильности следующим образом.

³ Эллис Э. Новые коалиции, новые парламенты // Политические исследования. — 1993. — № 6. — С. 83.

Правительственный кризис. Правительство в узком смысле слова, называемое еще кабинетом министров, представляет собой весьма двойственный орган. Часто это совместный продукт парламента и премьер-министра, поскольку последний предлагает кандидатуры его членов, а первый соглашается с его выбором, одновременно влияя на него. С точки зрения доминирующей партии — если это правительство парламентского большинства — кабинет есть собрание его лидеров, напоминающее ее собственную структуру. С точки зрения премьер-министра такого правительства, это собрание не только "товарищей по оружию", но и членов партии, у которых есть собственные интересы и перспективы. Иными словами, кабинет министров представляет собой парламент в миниатюре. Для того чтобы такая политическая комбинация сложилась и работала, будущий кабинет министров должен быть готов работать под руководством премьера, а премьер должен разработать и предложить такую программу действий, чтобы его коллеги не слишком часто "пересматривали" свои позиции, т.е. подавали в отставку, приводя кабинет к кризису.

Тем не менее такой кризис может наступить вследствие отхода части министров от выполнения согласованной и одобренной парламентом программы. При этом проявления правительственного кризиса не сводятся к чисто техническим, т.е. к выходу из правительства части министров. Правительство может лишиться авторитета в обществе, вызвать недовольство различных социальных групп, которые потребуют его отставки. Кроме того, оно лишается лояльности со стороны административно-распорядительного аппарата, призванного исполнять распоряжения правительства, а также поддержки в парламенте, так как разрушается парламентское большинство.

Следует помнить: правительство постоянно пребывает в конфликтной зоне, это нормальный режим его деятельности. Премьер-министр может вступать в конфликты с отдельными министрами; правительство в целом может конфликтовать с лоббистскими группами, отстаивая приоритеты общеполитического курса, но правительственный кризис наступает не всегда. Его возникновение связано с фактической потерей кабинетом министров опоры в обществе, в аппарате и в парламенте, что означает утрату одновременно и социальной, и политической опоры, ставит под сомнение его легитимность. Возникает проблема представительства интересов, решение которой возможно либо путем отставки прежнего и формирования нового правительства на основе нового большинства в парламенте, либо объявления досрочных парламентских выборов, призванных выявить новую расстановку сил в обществе и сформировать правительство в соответствии с ним.

Правительственные кризисы чаще всего возникают в тех странах, где правительства формируются на многопартийной основе. Возникающие периодически разногласия между представленными в правительстве партиями легко могут вызвать разрывы существующих договоренностей и выход части министров из правительства, лишив последнее дееспособности. Сложные консультации с представленными в парламенте партиями не всегда способны преодолеть возникший кризис именно потому, что введение в состав кабинета новых членов не освобождает последний от необходимого ему вотума доверия со стороны парламентского большинства. Наиболее ярко эти процессы разворачиваются в стране классической "нестабильной демократии" – Италии, многопартийная система которой предопределяет коалиционный состав кабинета министров. Однако частые правительственные кризисы в этой стране, создавая определенные неудобства и избирателям, и правящей элите, в целом не влияют на отношение граждан к демократической политической системе. *Необходимость в создании коалиционных правительств продиктована не только пропорциональной избирательной системой, но и определенным типом политической культуры, где готовность к компромиссу является одним из основных слагаемых*⁴. По образному выражению итальянского философа Н. Боббио, итальянская демократия подобна Пизанской башне: она наклоняется, но не падает.

Непосредственные причины возникновения правительственных кризисов весьма разнообразны. Последние могут быть спровоцированы самыми различными обстоятельствами: обвинениями в сомнительных источниках финансирования избирательной кампании членов кабинета, сокрытием истинных доходов (отставка в 1995 г. бывшего премьер-министра Италии С. Берлускони); обвинениями в моральной нечистоплотности (отставка премьер-министра Литвы А. Шлежявичуса в 1996 г. в условиях банковского кризиса в стране); обвинениями премьер-министра в шпионаже в пользу соседнего государства (отставка Ю. Олексы в Польше в 1996 г.) и т.д.

Вместе с тем правительственный кризис может оказаться более продолжительным, чем непосредственные причины, вызвавшие его к жизни. Это происходит в тех случаях, когда ни одна из основных политических партий в ходе парламентских выборов не получила абсолютного большинства голосов для того, чтобы сформировать правительство в одиночку. Преодоление кризиса возможно в результате создания коали-

⁴ См.: Лисовский Ю.П. Социокультурные предпосылки модернизации: Послевоенная Италия // Политические исследования. – 1992. – №5-6. – С. 167-175; Политическая культура: теория и национальные модели. – М.: Интерпракс, 1994. – 350 с.

ционного правительства, формированию которого призваны служить интенсивные консультации между возможными партнерами по коалиции. Если такие переговоры не дают результатов, правительственный кризис затягивается. Безрезультатный итог переговоров означает объявление новых выборов. Однако такое разрешение кризиса вызывает недовольство граждан, вынужденных нести материальные издержки electoralного процесса. Потеря доверия к партиям может вызвать кризис доверия к политической системе в целом.

В условиях президентского режима конфликт законодательной и исполнительной власти, которую олицетворяет президент, может обернуться вотумом недоверия президенту, который будет означать перестановки и отставки в его кабинете, а возможно и его собственную отставку. Процедура импичмента возбуждается сравнительно редко и только в экстраординарных случаях, но непопулярные решения и действия президента могут настроить против него парламент, и отрешение от должности станет свершившимся фактом. Так произошло в 1994 г. с бывшим президентом Бразилии Ф. Коллором.

Если конфликты в правительстве, а также правительства и парламента, правительства и общества могут привести к правительственному кризису, то конфликты в парламенте и вокруг него могут вызвать **парламентский кризис**. Последний также не стоит драматизировать, поскольку в условиях демократии это может быть как чрезвычайным, так и обыденным событием. Парламент представляет собой ту трибуну, с которой высказываются претензии и требования различных социальных групп и политических сил, и ту арену, где разворачивается политическая борьба между ними. В парламенте могут разворачиваться конфликты:

- между партийными фракциями;
- между парламентом и правительством;
- между парламентом и президентом;
- между парламентом и группами давления;
- между палатами парламента и т.д.

Если эти конфликты множатся, накладываются друг на друга и политическое решение их становится невозможным, возникает кризис парламента как института власти. Проявлениями его могут быть, во-первых, длительное отсутствие большинства по тем или иным вопросам для принятия важнейших решений. Парламент при этом не может выполнять свои законотворческие функции. Во-вторых, может разворачиваться острая конфронтация парламентских фракций, примерно равных по силе, по любому вопросу, что приводит к параличу парламента. Депутаты никак не могут прийти к стабильному общему решению по поводу правительства

даже простым большинством голосов. Преодолению патовой ситуации служит обращение к народу, т. е. роспуск парламента, потерявшего дееспособность, и назначение новых парламентских выборов.

В Соединенных Штатах Америки, чтобы компенсировать невозможность досрочных выборов в соответствии с системой сдержек и противовесов, нижняя палата парламента переизбирается через два года, обе палаты имеют нечетное число депутатов (в сенате его председатель – вице-президент – является нечетным, но голосует лишь в том случае, если остальные голоса разделились поровну), и признаются законы, принятые большинством в один голос. Во Франции в соответствии со ст.12 Конституции президент может объявить роспуск Национального собрания после консультации с премьером и президентами обеих палат, при условии согласия всех четверых⁵. Таким образом, парламентский кризис и роспуск парламента не являются чем-то экстраординарным: большинство демократий мира – парламентские демократии и исполнительная власть в них есть лишь простой выбор большинства парламента. Отсюда роспуск последнего здесь редко используется как орудие межпартийной борьбы.

Поскольку и правительственный, и парламентский кризисы возникают по линии основного институционального и политического притяжения "парламент – президент / премьер-министр", то и разрешение такого кризиса связано либо с отставкой правительства, либо с роспуском парламента и назначением досрочных выборов. По этим двум способам развязки указанные кризисы нередко называют правительственно-парламентскими, имея в виду то обстоятельство, что "жертвой" их решения станет либо парламент, либо правительство. С правовой точки зрения это в целом соответствует действительности, и у президента – если это президентская республика – есть своеобразный выбор. Однако с политической точки зрения понятие "парламентско-правительственный кризис" представляется неточным, поскольку затемняет причины и ответственность лиц, причастных к его возникновению. Подобные оценки звучали в российской прессе в июле 1995 года, когда после трагедии с захватом чеченскими боевиками заложников в г. Буденновске парламент вынес вотум недоверия правительству, и в первую очередь силовым министрам. Позже эту оценку повторил Б. Ельцин, выступая 23 февраля 1996 г. с Посланием Федеральному Собранию⁶. Несмотря на реальную

⁵ См.: Конституция Франции // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие. – М., 1996. – С. 93.

⁶ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ // Российская газета. – 1996. – 27 февраля.

угрозу роспуска парламента в ответ на его "недружественное" по отношению к правительству и президенту решение, последнее, принятое абсолютным большинством голосов, продемонстрировало завидное единодушие и сплоченность парламента. Ни о каком его внутреннем кризисе не могла идти речь. Солидарные с парламентом настроения господствовали и в массовом сознании: и без того непопулярная война в Чечне обнажила бездарность и безответственность силовых структур вкупе с глубочайшим пренебрежением к судьбам и жизни людей, оказавшихся в заложниках у боевиков. Кризис разрешился отставкой непопулярных министров и постановкой правительством встречного вопроса о вотуме доверия себе. Поскольку большинство парламентариев удовлетворилось этим вариантом решения, кризис был преодолен с сохранением кабинета министров В. Черномырдина.

Политические события последних лет в России показывают, что здесь с большим трудом прививается идея об относительной автономии системы правления, возвышающейся над всеми конкретными группировками должностных лиц, независимо от их ранга и положения. Это оказывает влияние на особое течение возникающих между ними конфликтов, носящих персонифицированный и иррациональный характер. Во многом это наследие однопартийной системы, где граждане склонны отождествлять политическую систему с политикой отдельных руководителей. Последние, как правило, использовали утвердившуюся национальную лояльность граждан, чтобы обеспечить себе как можно более широкую поддержку. В подобных обществах нападки на тех или иных политических руководителей или господствующую партию могут быстро трансформироваться в протест против самой политической системы.

Другая проблема переходных обществ – институт разделения властей, выступающий, в идеале, как организационная форма распределения интересов властных групп, задавая им правила игры в рамках демократической политической системы. Однако в странах, где продолжают сохраняться традиционные социальные институты, единовременная ломка политических структур и создание на их месте западных аналогов вряд ли правомерна. Рационализация приводит здесь к парадоксальной ситуации, когда последовательное проведение принципа разделения властей и создание институтов демократического общества (парламента, президентской власти, независимого суда) способствует не установлению западной либеральной демократии, но *ревитализации отживших политических структур и слоев*. Элементы системы разделения властей становятся формой институционализации консервативных сил, выступающих против назревших социальных преобразований, а борьба властей часто является

ничем иным, как столкновением различных традиционалистских элитных групп – номенклатуры, родовых кланов и т. д. "В этих условиях можно говорить о мнимом конституционализме, квазидемократии, профанации идеи разделения властей. С такой ситуацией мы сталкиваемся в современной России", – считает российский социолог А. Медушевский⁷. Многие специалисты на этом основании отмечают бесперспективность и даже вредность социальных институтов, имеющих западное происхождение и способных реально функционировать только в условиях сложившегося гражданского общества. В нерационализированных и неправовых политических системах проведение принципа разделения властей создает анархию, способствует нарастанию авторитарных тенденций.

Показателен в этом плане политический кризис сентября–октября 1993 года, завершившийся трагическими событиями в Москве. Его трактовки до сих пор остаются очень противоречивыми, хотя однозначно апологетические оценки указа Б. Ельцина № 1400 "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" от 21 сентября 1993 г. стали более сдержанными. Различие трактовок сводится к тому, как идентифицировать сам конфликт: как борьбу между двумя ветвями власти – законодательной (парламент) и исполнительной (президент); как борьбу между корпоративно-клановыми группировками в структурах власти; как борьбу между реформаторами и контрреформаторами (официальная версия); как противоречие между потребностями в государственно-правовом оформлении нового, поставгустовского режима и действовавшей Конституцией 1978 г. (с поправками); как конфликт между государством и обществом; как конфликт принципа легитимности и принципа законности; как персональный конфликт Б. Ельцина и Р. Хасбулатова. Сложность идентификации этого конфликта связана не только с множеством пересекшихся в нем противоречий, но и с неоднозначной реакцией на него российских граждан. С одной стороны – выраженная на апрельском 1993 г. референдуме поддержка президенту Б. Ельцину и его курсу. С другой – многотысячные толпы москвичей и жителей других городов, выступивших в поддержку парламента. Резко антипрезидентскую позицию заняла значительная часть региональных элит, включая мощные объединения типа "Сибирского соглашения". Требования последних к конфликтующим сторонам сводились к так называемому "нулевому варианту", т.е. одновременным досрочным перевыборам и президента, и парламента. Этот вариант, предлагавшийся тогдашним председателем Конституционного Суда РФ В. Зорькиным, поддерживали и развивали

⁷ Медушевский А.И. Идея разделения властей: история и современность // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 68.

многие независимые политики, в частности Г. Явлинский. Как показывают опубликованные позже данные социологических опросов, идея одновременных досрочных выборов была господствовавшей и в массовом сознании⁸.

Иными словами, будучи по форме институциональным, конфликт осенью 1993 г. по содержанию вышел за эти формальные рамки, поскольку каждый из противоборствующих институтов власти к моменту наивысшего противостояния сумел мобилизовать на свою сторону часть институтов гражданского общества. Президента поддержали средства массовой информации, прежде всего электронные, столичная интеллигенция, часть москвичей, особенно в историческую ночь с 3 на 4 октября. На стороне парламента оказалась другая часть москвичей, сторонники Советов из других городов и даже республик СНГ (волонтеры из Приднестровья), значительная часть региональных элит. Каждая из двух ветвей власти превратилась в своего рода политическую партию, мобилизовавшую в свою поддержку многочисленных сторонников. Тем самым прекращались функции ветвей власти как государственных институтов и вступали в действие функции противоборствующих сил с различными политическими знаками. Как справедливо указывает историк А. Янов, "в основе политического паралича 1992–93 гг. лежала вовсе не тупая непримиримость бывшего "коммунистического парламента", как думали многие в России и на Западе, но реальный раскол российского политического общества"⁹.

С правовой точки зрения главным источником этого конфликта считают прежнюю Конституцию РСФСР, не предусматривавшую роспуск парламента, но наделявшую чрезвычайно широкими, почти диктаторскими полномочиями Съезд народных депутатов (ст.104 а)¹⁰. По понятным причинам депутатский корпус не собирался ограничивать свою власть. Однако корни разногласий лежали не только в политико-правовой сфере. В гораздо большей степени они затрагивали политический курс в целом, прежде всего в экономической и социальной сферах, приходя в столкновение по поводу не столько стратегии, сколько тактики проводившихся реформ. Верховный Совет и правительство, руководимое Президентом Б. Ельциным, не могли прийти к согласию по вопросам новых законов или новой экономической политики, что приводило

⁸ См.: *Российское общество* в преддверии 21 сентября // Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 88.

⁹ Янов А. После Ельцина. "Веймарская Россия". – М.: КРУК, 1995. – С. 272.

¹⁰ См.: *Конституция* (Основной Закон) Российской Федерации – России. – М.: Известия, 1992. – 112 с.

к параличу власти и постоянной угрозе столкновений, распада государства и даже гражданской войны.

В период с 1 января 1992 года все ветви российской власти действовали вразрез с существовавшими законами, нарушая свои собственные заявления о приверженности демократии, конституционализму и правовому государству. Пользуясь неразберихой в Москве, главы республик и территорий начали требовать таких региональных прав и автономии, которые создавали угрозу самому существованию Российской Федерации. Страна оказалась перед опасностью конституционного кризиса и кризиса государственности.

Конституционный кризис с точки зрения своей функциональной роли является сигналом, проявлением ослабления государственности и возникновения противоречий в социальном и политическом строе той или иной страны. Вместе с тем это требование (не всегда, впрочем, реализуемое) укрепления государственности на новой основе. Игнорирование этого сигнала "нездоровья" государства может привести к тяжелым последствиям: ослаблению конституционного строя, нарушению целостности государства, подрыву его безопасности, созданию непредусмотренных Конституцией и законами структур власти, незаконных вооруженных формирований, стремящихся к насильственному изменению конституционного строя и т.д.

Конституционный кризис не возникает неожиданно или случайно. Ему предшествуют конституционные конфликты, причины возникновения которых достаточно разнообразны. Это могут быть и конфликты, рожденные внутренними противоречиями самой конституции, ее несовершенством, неточностью формулировок и т.п. В таких случаях усовершенствованию конституции служит толкование ее статей Конституционным Судом или внесение в нее поправок парламентом. Другая группа конституционных конфликтов – это конфликты органов государственной власти с конституцией: попытки обойти конституционные нормы вследствие политического расчета или в силу правовой неграмотности. Конфликты такого рода не всегда носят политический характер; некоторые из них требуют только правового урегулирования. Однако в тех случаях, когда возникает конфликт устаревшей конституции с новой социально-экономической и политической реальностью, он не только легко может приобрести политическое измерение, но и перерасти в конституционный кризис, охватывающий всю государственную систему, вопросы власти и управления. Это происходит и в том случае, когда в конфликт с конституцией вступают оппозиционные силы, формы борьбы которых выходят за конституционные рамки.

Острое развитие конституционного кризиса наблюдалось в начале 90-х годов в Югославии. Требования двух федеративных республик – Словении и Хорватии преобразовать югославское государство в конфедерацию было отвергнуто союзным руководством. Президиум СФРЮ подтвердил федеративное устройство Югославии, опираясь на поддержку Сербии и Черногории. Когда же весной 1991 г. появилась платформа Югославского содружества (т.е. конфедерации), было уже поздно. Началось противодействие федеральным властям со стороны Словении и Хорватии, получивших международную поддержку и поддержку общественного мнения в самой Югославии. Сложилась мощная коалиция внутри- и внешнеполитических сил, ориентированных на разрушение югославского союзного государства. Кризис нарастал и в итоге обернулся распадом Федерации и образованием новых государств, между которыми развернулись военные действия. Немалую роль в таком исходе сыграла неспособность или нежелание политического руководства некогда единой страны своевременно и грамотно разрешить назревший конституционный кризис.

Однако конституционные кризисы возникают не только в переходных обществах, подобно югославскому, но и в сравнительно благополучных странах, где отсутствуют те факторы, которые вызывают политическую нестабильность в кризисном обществе: экономический спад, резкое снижение уровня жизни, имущественная дифференциация, социальная поляризация и т.п. Вместе с тем социально-экономическое неравенство регионов в составе страны, усиленное этническими или этнолингвистическими различиями, может стать одной из причин конституционного кризиса. Пример – канадская провинция Квебек, населенная преимущественно франкоязычными канадцами, большинство которых настаивает на расширении статуса этой провинции. Политические силы Канады, включая все крупнейшие политические партии, пытались решить проблему Квебека путем внесения большого (свыше 60) количества поправок к действующей конституции. Однако консенсус в политической элите в отношении этих поправок пришел в резкий диссонанс с волею избирателей: на общеканадском референдуме в октябре 1992 г., призванном одобрить переустройство федерации, был получен отрицательный результат. При этом франкофонам (жителям Квебека) условия референдума показались недостаточными для требуемого статуса самостоятельности, а англофонам – наоборот, избыточными. Последние настаивали на сохранении действующей конституции, первые же хотели еще более решительных перемен. Но, несмотря на различные мотивы голосования, общий негативный характер референдума временно отсрочил решение

проблемы, придав конституционному кризису латентную форму. В открытой форме он вновь вышел на поверхность политической жизни в октябре 1995 г., когда вопрос о судьбе Квебека приобрел еще большую остроту и определенность. На новый референдум в Квебеке был вынесен вопрос о выходе провинции из состава федерации. Результаты референдума лишний раз обнаружили глубокий раскол, существующий в канадском обществе. Большинство всего лишь в 2% удалось сохранить целостность федерации и удержать Квебек в составе Канады. После референдума к власти в Квебеке пришли силы, не раз заявлявшие о намерении добиться желанной цели и объявить провинцию самостоятельным государством. Однако в настоящий момент значимой поддержки общества в этом вопросе они не имеют. Кроме того, попытки добиться отделения от Канады может повлечь за собой конфликты с этническим меньшинством уже в рамках самого Квебека – коренным индейским населением, жителями федералистских округов, включая Монреаль и окрестности, не желающими выходить из состава канадской федерации.

Как видим, конституционные конфликты в силу их значимости чаще всего порождаются политическими причинами и как бы вырастают из политических конфликтов. Политическое противоборство разных лидеров, партий и общественных движений, часто окрашенное амбициозностью и субъективизмом, по мере неуступчивости участников приобретает и антиконституционную направленность, ведет к разрыву конституционных связей на всех уровнях государственной организации. Критерии конституционности актов и действий начинают рассматриваться как относительные. Кульминацией кризиса становятся острые столкновения, вплоть до вооруженной борьбы.

Советский Союз, а затем Россия в 90-е годы пережили несколько конституционных кризисов, отразившихся на судьбе сначала союзной, а затем и российской государственности. Первый конституционный кризис развертывался в период "поздней перестройки" в 1989–1991 гг., когда конфликт интересов проходил в основном по линии "союзный Центр – республики", а затем переместился в сферу борьбы между союзным Центром и руководством Российской Федерации. Последнее предпринимало действия с целью вывести Россию из правового поля СССР: "войну законов", в которой российское законодательство претендовало на первенство перед союзным; внесение поправок в союзную Конституцию (более 300) и т.д. Таким образом, Россия "надеялась" суверенностью не в рамках союзной государственности, а выше ее и за пределами ее. Суверенность рассматривалась политическими кругами России как ее выход из союзного политического и правового поля. Конституция СССР теряла свою легитимность и обязательную силу.

Вторым конституционным кризисом можно считать Беловежские соглашения в декабре 1991 г., приведшие к распаду СССР. В известной степени они завершили процесс "суверенизации" России. Однако, на наш взгляд, такой исход, как распад СССР, не был с неизбежностью предопределен. При наличии государственной воли у союзного Центра и политической ответственности у руководителей бывших союзных республик (исключая, возможно, прибалтийские) под союзное государство могла быть подведена новая конституционная основа в виде Союзного договора или в иной форме. Но политические амбиции одержали верх, им не смогла помешать даже воля народа на сохранение обновленного СССР, выраженная в марте 1991 г. на всесоюзном референдуме.

Третий конституционный кризис вызревал уже в рамках России и приобрел завершенную форму осенью 1993 г. Ему предшествовали отдельные кризисные обострения в декабре 1992 г. (Седьмой съезд народных депутатов) и весной 1993 г. (попытка введения президентским указом особого порядка управления страной, расцененная Конституционным Судом как попытка конституционного переворота). При всем разнообразии оценок событий сентября–октября 1993 г. антиконституционность указа № 1400 и последующих действий президента Б. Ельцина сомнений не вызывает. Они стали тяжелой расплатой за неумение и нежелание предотвращать нормативно-юридические конфликты и конституционные кризисы. И хотя с принятием в 1993 г. новой российской Конституции казалось, что такого рода проблемы уже не возникнут, политические реалии России не внушали твердого оптимизма на этот счет. Размежевание в рядах федеральной и региональных элит во второй половине 90-х годов достигло таких масштабов, что классическая угроза "войны всех против всех" стала вполне реальной. Помимо прочего, эта борьба происходила на фоне углубления социально-экономического кризиса внутри страны и осложнения ее положения на международной арене, особенно в контексте расширения военно-политического блока НАТО на восток и угрозы исламского фундаментализма на юге.

Серьезность вызовов, адресованных России, в известном смысле была воспринята и осмыслена новым руководством страны. Укрепление государственности стало одной из главных стратегических целей, поставленных президентом В. Путиным, и главных ценностей, призванных сплотить дезориентированное и деморализованное российское общество. Вместе с тем несмотря на сложившееся в политической элите, общественном и массовом сознании относительное согласие по поводу беспощадной борьбы с чеченским терроризмом, успехи или неудачи военной кампании 1999 г. на территории Чечни могут подвергнуть это согласие серьезным испытаниям. Вновь, как и в 1995–1996 гг., выявилось особое отно-

шение к этой акции руководителей ряда республик в составе России, прежде всего мусульманских, а также некоторых политических партий и движений, прежде всего демократического спектра.

Угрозу распада государства многократно увеличивает регионально-этнический фактор. По данным независимого Института социально-политических исследований (ИСПИ), в середине 90-х гг. отмечалась устойчивая ориентированность населения республик Российской Федерации на принцип "одна нация – одно государство" и на право выхода из состава Федерации. "Около половины представителей титульных наций в Абакане, Уфе, Петрозаводске, Якутске высказывались в пользу этих идей," – пишет академик Г. Осипов¹¹. Этноцентризм, имеющий государственно-правовой статус, создает благоприятные условия для нового витка центробежных тенденций в Российской Федерации.

Другой процесс – "регионализация" массового сознания, связанная с распространением завышенных оценок экономического вклада регионов в общероссийскую "казну". От 34 до 53 % опрошенных считали, что их регион дает другим больше, чем получает; от 9 до 13 % находили свой вклад равноправным. Наконец, от 10 до 22 % считали, что их регион дает меньше, чем получает¹². Как считает бывший председатель Совета Федерации РФ Е.С. Строев, сегодняшняя трагедия России заложена "в стихийно сложившейся и работающей только на себя финансовой системе"¹³. Фискальный механизм налогообложения ведет к расколу по территориальному признаку, подключение к нему естественных монополистов, заинтересованных в достижении сверхприбылей, ослабляет силовое поле единого рынка, угрожая единству государства. По мнению многих региональных лидеров, конфедеративные тенденции к дезинтеграции российских земель идут не от регионов, а из Центра, а инструментом "размягчения" федерации служит негибкий бюджетный централизм, внеэкономическое распределение национального дохода.

Еще один потенциальный источник конфликтов, осложняющий и без того непростые отношения между субъектами Российской Федерации – спорные территории, число которых близко к двумстам¹⁴. В июне 1995 г.

¹¹ *Скорый поезд реформ движется в никуда. Анализ и прогноз. Доклад подготовлен под руководством акад. Г.В. Осипова // Правда. 1995. 15 марта.*

¹² Там же.

¹³ *Строев Е.С. Центральная Россия на рубеже XXI века // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 42.*

¹⁴ См.: *Тощенко Ж.Т. Концепция национальной политики опять не получилась // Независимая газета. 1996. 2 апреля.; Он же. Потенциально опасные точки. Этнополитическая ситуация в России в 1993 г. // Независимая газета. 1994. 1 марта.*

истек срок моратория на переделы внутренних границ в России, установленного три года назад Верховным Советом. Следовательно, должны были вступить в силу статьи о территориальной реабилитации, заложенные в законе "О реабилитации репрессированных народов". Этот закон в свое время обещал в одночасье исправить многовековые несправедливости, укрепив бывших переселенцев в мысли о возвращении им этнических территорий. Включение в Закон "О реабилитации репрессированных народов" вопроса о территориях было подобно появлению мины замедленного действия. Ряд конфликтов на Северном Кавказе, и прежде всего осетино-ингушский, обязаны своим происхождением именно этому закону. Вместе с тем нынешнее паллиативное решение этой взрывоопасной проблемы – изменение границ только по обоюдному согласию сторон – не дает твердых гарантий стабильности, несет в себе серьезную угрозу новых конфликтов.

Обострению противоречий между Центром РФ и ее субъектами способствует отсутствие многих законов и постановлений, необходимых для дальнейшего решения конфликтов и проблемных ситуаций. Это закон о статусе субъекта Федерации и об изменении этого статуса; законы об организации органов исполнительной власти; о разграничении полномочий между Центром и субъектами Федерации; о федеральных территориях и т. д. Отсутствие целого пакета актуальных законов, правовые тупики во взаимоотношениях между Центром и регионами стали причиной многих конфликтов, включая чеченский. Последний представляет собой лишь крайний случай запущенных экономических, социальных, национальных проблем, которые не возникли бы при условии своевременного принятия законов и безусловного их исполнения.

Таким образом, потенциал серьезных государственно-правовых конфликтов в современной России остается достаточно высоким. Федеральные власти до сих пор не в состоянии должным образом оценить то, что серьезные конфликты будущего создаются гигантскими разрывами в экономическом и социальном положении регионов. Региональная да и национальная политика остаются слабыми пунктами в деятельности федеральных властей. Нерешенность узловых проблем, связанных с правами и обязанностями субъектов Федерации, бюджетным федерализмом, налоговой системой образовали чрезвычайно болезненную сферу взаимоотношений между Центром и регионами, чреватую дестабилизацией и политическими конфликтами. В одних случаях их причинами становятся перекосы, дисбаланс полномочий в пользу законодательных собраний краев и областей, полностью подчиняющих себе исполнительную власть (например, такие попытки в свое время были предприняты зако-

нодательным собранием Алтайского края, Тамбовской области). В других исполнительный орган власти самовольно продлял себе властные полномочия (Государственный совет Дагестана). В подобных случаях противоречие законодательных актов субъектов Федерации основным принципам Конституции РФ чревато падением ее престижа, резким ослаблением роли закона, возникновением угроз конституционному строю государства. Однако такие исходы не предопределены. Своевременная реакция органов, призванных защищать конституционный строй государства (прежде всего Конституционного Суда, президента, правительства), с требованием привести законодательство субъектов Федерации в соответствие с общероссийским, может предотвратить обретение нормативно-юридическим конфликтом политического измерения и перерастания его в государственно-правовой конфликт.

Одним из важнейших условий эффективного разрешения государственно-правовых конфликтов является непротиворечивость самой Конституции, а также высокий уровень ее легитимности. В противном случае Конституция сама может стать серьезным источником конфликтов.

Конфликтотенность нынешней российской Конституции (ее нередко называют *"Конституцией гражданского конфликта"*) обнаруживается в нескольких срезах. Во-первых, она лишена достаточной для закона такого уровня легитимности. Несмотря на то, что в голосовании по проекту Конституции приняло участие свыше 50% избирателей, и чуть больше половины из них поддержали его, для Основного закона страны такая поддержка явно недостаточна. По сути она составляет лишь треть правоспособных граждан России. Отсутствие в обществе необходимого доверия к Основному закону проявляется и в "низах" (управляемых), и в "верхах" (управляющих), где нарушения Конституции стали привычным делом. По данным Министерства юстиции РФ, 1/3 правовых актов, принимающихся органами власти всех уровней, не соответствует Конституции РФ. На деформацию правового сознания в российском обществе обращали внимание и сам президент Б. Ельцин в Послании Федеральному Собранию 1995 г., и многие известные юристы – правоведы¹⁵. Между тем именно Конституция составляет основу общественного согласия, политического консенсуса, распространяющегося на функционирование институтов государственной власти, на способы принятия и реализации политических решений. Легитимация политической власти находится в

прямой зависимости от наличия политического консенсуса: чтобы быть легитимной, власть должна преследовать общие цели, иметь своим ориентиром достижение общественного блага. "Но если одна треть общества останется на непримиримых позициях и будет принципиально отвергать Конституцию, вряд ли такое общество можно охарактеризовать как достигшее состояния консенсуса", – пишет известный немецкий политолог М. Хеттих¹⁶.

Во-вторых, неравновесность полномочий законодательной и исполнительной власти приводит к перманентному политическому конфликту между президентом и парламентом, тем более что деятельность правительства подотчетна президенту. Отсутствие у парламента права на формирование правительства по итогам выборов делает бессмысленным проведение последних, если партии, одержавшие победу на выборах, не играют значимой роли в процессе управления. Чрезмерно широкие функции исполнительной власти в разработке внутри- и внешнеполитического курса резко диссонируют со слабым контролем за нею со стороны парламента. Попытки расширить эти функции парламента путем увязывания вопроса о принятии (непринятии) бюджета с вотумом доверия (недоверия) правительству приводят к новым конфликтам депутатского корпуса с президентом.

Отсутствие нормального механизма взаимодействия властей приводит к полной отстраненности, отчуждению общества от власти. По данным всероссийского опроса, проведенного ИМЭМО РАН в июне 1995 г., 83 % россиян убеждены в том, что людям, правящим страной, безразлична судьба отдельного человека. В общественном сознании доминирует противопоставление власти обществу и личности. Представлявший эти данные Г.Г. Дилигенский обратил внимание на роль личностного фактора, отметив, что "даже деятели, вполне искренне придерживавшиеся демократических убеждений, готовые отстаивать демократические права и свободы, войдя в структуры власти, руководствуются на самом деле принципами авторитарного технократизма"¹⁷.

Накапливающееся общественное недовольство и груз ответственности подталкивали исполнительную власть к определенному политическому маневру. В канун президентских выборов 1996 г. со стороны президентских структур высказывались отдельные предложения о перераспределении части полномочий от президента к правительству и премьер-

¹⁵ См.: Ельцин Б.Н. Нет задачи важнее, чем утверждение в нашей стране авторитета права // Российская газета. – 1995. – 17 февраля; Алексеев С.С. Россия – страна поправленного права // Независимая газета. – 1995. – 10 октября.

¹⁶ Hettich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1980. – S. 58.

¹⁷ См.: Правда России. – 1995. – 22 июня.

министру, о необходимости облегчить процедуру поиска преемника (политического наследника), возвратив в политическую систему институт вице-президента. С другой стороны, оппозиционная элита выдвигала контрпредложения – от проведения референдума, обязывающего государственную власть нести ответственность перед обществом и заботиться о его благосостоянии (Конгресс русских общин) до упразднения поста президента как института, чуждого российской политической традиции (КПРФ). После парламентских выборов 1999 г. и появления нового политического объединения "Единство", патронируемого сначала премьер-министром, а затем и президентом РФ В.Путиным, элитный консенсус по поводу необходимости внесения изменений в Конституцию оказался разрушенным. Партии правой и правоцентристской части политического спектра Государственной Думы поспешили поддержать нового президента в его намерении оставить неизменными конституционные "правила игры". Вместе с тем необходимость коллегиального (но не кулуарного) принципа выработки политических и управленческих решений, четкая система ответственности должностных лиц за вверенные им обязанности все больше проникает в сознание как общества, так и правящей элиты. Последняя начинает осознавать условность узкокорыстных интересов и испытывает потребность в четких и определенных правилах политического взаимодействия.

Тенденции жесткой политической борьбы в институтах власти характерны для всего постсоветского пространства. В одних случаях используются механизмы их урегулирования посредством выборов (страны Балтии, Украина, Грузия); в других президенты – харизматические лидеры авторитарного типа решают все конфликты через голову парламентов, обращаясь напрямую к народу (президент А. Лукашенко в Беларуси). Третий вариант – разрешение конфликтов путем ослабления парламентов и резкого усиления президентов, продлевающих свои полномочия на новый срок посредством референдумов, в обход демократической процедуры выборов (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан). Российский правящий класс, уже испробовавший второй вариант, все больше склоняется к первому, весьма успешно осваивая процедуру выборов как главный механизм делегативной демократии. В условиях высокой конфликтности современного российского общества любой неправовой способ прихода к власти может лишь обострить обозначившиеся узлы противоречий, ужесточить позиции конфликтующих сторон, резко дестабилизировать политическую ситуацию.

Для адекватного реагирования на происходящие в обществе процессы необходимо посмотреть на это общество "изнутри", с точки зрения

его структуры и наиболее значимых элементов. Применительно к политическим конфликтам речь идет о генезисе конфликтных групп, формирующихся в рамках гражданского общества и экстраполирующих свои требования в сферу политики. Наиболее серьезные из этих требований преследуют цель изменить собственные позиции субъектов конфликта во всей системе общественных отношений, повысить их социальный статус и роль в решении важнейших политических проблем, используя институты государственной власти. Если государственно-правовые конфликты представляют собой противоборство мобилизованных политических сил преимущественно в рамках государственных институтов, то статусно-ролевые конфликты вызывают в недрах самого гражданского общества. Если в первом случае борьба за осуществление власти, реализацию собственных проектов общественного устройства и стратегий взаимоотношений с внешним миром ведется в форме парламентских дебатов, голосований недоверия, противостояния центра и регионов, то во втором случае она может развиваться внеинституционально, посредством массовых манифестаций, акций протеста и – в предельном случае – гражданского неповиновения и даже вооруженной борьбы.

Статусно-ролевые конфликты представляют собой один из самых любопытных феноменов в силу того, что стихийно люди, родившиеся в определенных условиях, не ставят под сомнение существующие общественно-политические реальности. Последние начинают оспариваться лишь в условиях общественных кризисов. Возникающие в такие периоды субъекты статусно-ролевых конфликтов, мобилизованные в виде групп, движений и организаций, наилучшим образом демонстрируют таинственную природу и спонтанные импульсы политики.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Какие области в рамках поля политики всегда являются политическими по своей природе? Почему?
2. Каковы основные разновидности государственно-правовых конфликтов? Какова природа этих конфликтов в парламентском, президентском, президентско-парламентском режимах правления?
3. Что такое политический кризис? Как и почему возникают правительственный, парламентский, конституционный кризисы? В чем их особенности?
4. Какие конституционные кризисы происходили в СССР, а затем в России в 1990-е годы? В чем их причины?

5. Каковы конфликтогенные факторы и потенциальные источники конфликтов в современной России?

6. Почему для разрешения государственно-правовых конфликтов важна непротиворечивость и легитимность Конституции?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993. – 303 с.
2. Глухова А.В. Типология политических конфликтов. – Воронеж, 1997. – 152 с.
3. Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М., 1993. – 162 с.
4. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. – М., 1995. – 317 с.
5. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М., 2000.
6. Разделенная демократия. Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом. – М., 1994. – 416 с.
7. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. – М., 1993. – 568 с.
8. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. – М., 2000. – 600 с.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ СТАТУСНО-РОЛЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Социальная и политическая система общества может быть представлена как сложная структура, сеть статусов, которые занимают или имеют люди, и ролей, которые они выполняют. Социологи, исследующие политические процессы, подчеркивают необходимость изучать неравномерное распределение власти и инстанций принятия решений, трансформацию различных элит с относительным возрастанием власти одних (например, экспертов, советников и журналистов) и уменьшением власти других (к примеру, депутатов). "Социологический анализ должен брать в качестве объекта изучения разногласия и борьбу, которые вытекают из неравномерного распределения власти, а также структурные изменения", – подчеркивает социолог М. де Сен-Мартен¹.

Статусно-ролевая структура политической сферы иерархична. Различные группы, институты власти, социальные страты, индивиды занимают в ней различные ступеньки, ячейки, которые обладают неодинаковыми возможностями влиять на политику и играть ту или иную роль. Любая система, матрица политических статусов (по отношению к власти) и ролей, во-первых, внутренне потенциально конфликтна, во-вторых, динамична. Одни группы, инстанции, страты повышают со временем свой статус в системе властных отношений, политического влияния, политических прав и свобод, а у других он может снижаться (в целом или по отдельным составляющим элементам). Неравномерное распределение не только власти, но и политических прав и свобод, даже форм и уровней участия в политической жизни – внутренний источник конфликтогенности статусно-ролевой структуры власти и политических отношений.

Статусы людей (групп, слоев, индивидов и т. д.) при всем многообразии тем не менее не беспредельны и имеют типологические и исторические ограничения (рамки). Так, статус гражданина (его состояние, положение, права, обязанности) типологически характерен гражданскому, а не феодально-сословному обществу. В древнегреческих полисах этот статус в его конкретно-историческом содержании имели только те, кто был свободен и располагал соответствующей собственностью. В современных обществах сети статусов более многомерны, динамичны, полиструктурны, чем в традиционных.

В политических статусах так или иначе формируются, отражаются, артикулируются социальная с тратификация общества, тип его полити-

¹ Сен-Мартен де М. Реконверсия и трансформация элит // Socio-Logos, 96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований. – М., 1996. – С. 94.

ческой и правовой системы (по критериям демократичности, открытости), социальный менталитет и культура политической жизни. Политический статус – это не только, а иногда даже не столько правовое положение личности или социальной группы в политической системе. Он включает в себя ряд взаимосвязанных, однако не сводимых друг к другу аспектов. Среди них особо выделяются:

- место в иерархии политической власти (властвующая элита, правящие круги, политическая общественность, оппозиция, избиратели и т.д.);
- совокупность и объем политических (и шире гражданских) прав и свобод;
- совокупность и объем статусных обязанностей и пространство и характер статусного поля ответственности;
- реальная возможность тех или иных групп, слоев, личностей участвовать в политической жизни и влиять на нее.

Политические роли представляют собой совокупность тех функций и стандартов деятельности, поведения, которые обусловлены тем или иным статусом. Совокупность статусов и ролей, отражающих специфику политической организации общества, можно определить как его статусно-ролевую структуру. С одной стороны, эта структура упорядочивает политическую жизнь, не позволяет ей превратиться в хаос, ибо она предписывает определенные позиции, правила политического поведения, формулирует и генерирует соответствующие политические экспектации. Предписания ее не носят абсолютного характера, тем более в демократическом гражданском обществе. Допускается и наблюдается некая вариативность. К тому же индивиды и группы могут выполнять статусные роли (например, президента, лидера партии) с большим или меньшим успехом в зависимости от способностей, обстоятельств, многообразных факторов влияния и давления. Однако в целом статусно-ролевая структура системно упорядочивает политическую жизнь, поведение ее многообразных акторов, ставя их в некоторые исторические и типологические (в зависимости от типа общества) рамки.

Но, с другой стороны, любая статусно-ролевая структура потенциально конфликтна и конфликтогенна. Более того, она в принципе не может быть иной. Следует особо подчеркнуть, что она является специфическим и во многом исключительным смысло- и формообразующим, интенциональным фактором политической конфликтогенности. В ней возникают разности потенциалов между статусами различных социальных и политических стратификационных групп, разности потенциалов между статусами и ролями, статусно-ролевыми экспектациями и реализациями.

И эти разности потенциалов генерируют психологическую энергию многих политических конфликтов.

Типичным и "постоянным" случаем такой конфликтогенной разности потенциалов являются статусы "верхов" и "низов", властвующего истеблишмента и массы. Разность потенциалов статусов в иерархии властных отношений не всегда существует как конфликт, но всегда *потенциально конфликтна*. Этот потенциал практически реализуется в двух предельных ситуациях, чаще всего наблюдавшихся в политической истории. Во-первых, в ситуации, когда "верхи" усиливают свое властное давление на "низы", расширяя свои полномочия и урезая права и свободы "низов", а "низы" оказывают сопротивление, полагая, что властвующая элита преступила некий предел допустимого властвования. Во-вторых, разность политического потенциала только тогда трансформируется в реальный конфликт, когда "низы" интенсифицируют и актуализируют свои притязания на власть или, во всяком случае, на вмешательство во властные отношения (например, расширение избирательных прав, права на политическое объединение, на участие в гражданском управлении, на гражданский контроль над государственными органами, на изменение социальной внутренней или внешней политики "верхов" и т.д.). Ситуация в СССР в последней фазе перестроечного ("горбачевского") периода (1989–1991 гг.) в значительной мере динамизировалась конфликтом этого второго типа: "низы", т.е. широкие социальные слои отказывали в доверии тогдашнему государственно-партийному истеблишменту и всей властной системе и заявляли о своих суверенных правах на изменение политики, структуры, а затем и характера власти. Накопившаяся и аккумулярованная разность потенциалов "низов" и "верхов" была столь значительна, что против нее не могли устоять ни, казалось бы, монопольное положение КПСС в политической жизни, ни советская система власти.

Статусно-ролевые конфликты возникают и разворачиваются не только по вертикали ("верхи" – "низы", элиты – массы, власть – народ, государство – общество и т.д.), но и по горизонтали, т.е. между различными социальными, политическими группами, которые находятся на одной и той же или близких ступенях иерархической стратификации. Типичными примерами таких конфликтов являются конфликты между разными (по отношению к властям, правительству) партиями за влияние на массы, борьба фракций в парламентской жизни и т.д. В межфракционных конфликтах выявляются и проявляются противоречивые тенденции в обществе, в умонастроениях и социально-политических позициях масс, политических кругов, да и самих парламентариев, разное видение ситуа-

ции в стране, разные подходы к решению назревших проблем и приоритетам в политике. Межфракционные конфликты в парламенте – важная форма статусно-ролевой состязательности, борьбы за повышение статуса и роли в политической жизни тех партий, электоральных блоков, объединений, которые депутаты презентуют в законодательном и представительном институте власти.

Участниками статусно-ролевых конфликтов могут стать и государственные институты, в частности парламент и президент, парламент и правительство и т.д., борющиеся за статусно-ролевое превосходство в системе властных отношений. Конфликт 1993 г. в России поначалу имел именно статусно-ролевую природу и мог бы быть сравнительно легко преодолен посредством своевременного разграничения функций президента и Съезда народных депутатов (Верховного Совета) в Конституции РСФСР. Но этого сделано не было. В результате зона статусно-ролевого конфликта в верхних структурах российской власти расширялась, а сам он обретал черты государственно-правового, конституционного кризиса. Соппротивление парламента было подавлено с помощью военной силы, система Советов всех уровней разрушена. Новая Конституция законодательно закрепила усиление президентской власти, снижение статуса и изменение роли парламента, особенно нижней палаты.

Статусное повышение какого-либо института власти, как правило, инициирует инстинктивное, чаще всего бессознательное сопротивление в массах. Как писал К.Г. Юнг, всякая чрезмерная концентрация власти становится источником "бессознательных подрывных тенденций"². В тоталитарных обществах эти тенденции подавляются, причем не только военно-полицейским насилием, но и тотальным идеологическим и психологическим прессингом. В демократических обществах в случае перекоса властных статусов в сторону авторитарности, режима личной власти, обычно резко возрастают закулисные политические интриги, конкуренция вокруг этих статусов за обладание ими или за разное влияние на них. В общественном и массовом сознании под влиянием гипертрофии властных институтов формируются невротические комплексы, противоречивые по своей интенциональности: от психологии вождизма, анархических и радикальных умонастроений до конформизма и отчуждения от власти.

Статусно-ролевые конфликты возникают не только тогда, когда статусы субъектов и структур политических отношений "размещены" на разных полюсах шкалы (по схеме "выше – ниже", "больше – меньше пол-

² Цит. по Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. – М.: Ювента, 1996. – С. 67.

номочий"). Конфликтотенна – реально и потенциально – и та структура взаимоотношений, при которой субъекты политической системы имеют статусы, разные по источникам формирования и природе легитимности. Последняя может быть не столько правовой, сколько общественно-политической и даже социально-психологической. Политические, а тем более социальные силы, актуализирующие свои политические притязания, отстаивают в противоборстве с другими свою легитимность, используют ресурсы для достижения своих политических и тактических целей. Общество при этом будет дестабилизироваться не столько конфликтами, генерируемыми социальными "низами", сколько раздорами политических "верхов". Более того, можно искусственно, преднамеренно вызвать глубокий политический конфликт и даже конфликт, перерастающий в социальный, создавая в верхних эшелонах власти структуры, параллельные или альтернативные существующим властным институтам, и имеющие иной источник или иную природу легитимности. Не случайно, по данным многочисленных социологических опросов, проводившихся в России в 90-е годы, в массовом сознании сложилось мнение, что политические конфликты инициируются "сверху", самими структурами власти и ничего общего не имеют с интересами народа. В 1992 г. такую позицию разделяли 31 % опрошенных³.

Корни статусно-ролевых конфликтов заложены не только в том, что разные социальные и политические страты, институты занимают различные места в общественной иерархии и стремятся их отстаивать или менять для улучшения своего положения и ресурсных возможностей. Важно учитывать еще два существенных аспекта при анализе источников конфликтов такого типа. Во-первых, каждая социальная и политическая страта, группа людей и даже институция обладает в реальности не одним, а несколькими статусами, которые могут находиться в состоянии рангового диссонанса. Во-вторых, несоответствие статуса роли само по себе может быть конфликтным.

Ранги статусов (например, по доходам и престижу) могут быть очень близкими, но могут и существенно расходиться (низкие доходы – высокий престиж). Расхождение статусных рангов – потенциальных источников конфликтов, обуславливает стрессовое поведение людей, принадлежащих к соответствующим стратам. Наиболее типичными конфликтами такого рода являются несовпадения: а) материально-экономического и

³ См.: Социально-политические проблемы России в массовом сознании. Аналитические записки по материалам социологического исследования (ноябрь–декабрь 1992 г.). – М.; Воронеж, 1993. – С. 24-25.

политического статусов (высокий доход – ограниченность политических прав, и наоборот, низкий доход – широкие политические права); б) социокультурного и политического статусов; в) предписанного (например, национальность) и достигнутого (профессионально-служебный, политический) статусов.

Расхождение рангов различных статусов порождает не просто недовольство, напряженность, которая так или иначе политически артикулируется. *Люди стремятся выровнять ранги разных статусов, и не по нижнему, а по верхнему уровню.* Люди с более высоким уровнем образования более требовательны в вопросах политических прав и свобод, у них и более широкие политические притязания. Известный американский социолог П. Лазарсфельд еще четверть века назад обратил внимание на политические феномены расхождения статусов у одних и тех же страт. По его мнению, "люди с большим расхождением статусов будут скорее голосовать за радикальные партии, чем те, чья ранжировка на том же среднем уровне есть результат небольшого отклонения (скажем, престиж постоянно выше, а доход несколько ниже среднего)"⁴.

В тех случаях, если стратификационная система придает более важное значение достигаемому статусу, облегчается индивидуальная восходящая мобильность. Если же институты общества придают главное значение предписанному статусу, проявляются тенденции к коллективной, или групповой мобильности. Предписанный статус (особенно такие факторы, как раса, пол или возраст) препятствуют индивидуальной мобильности из-за дискриминации. Поэтому некоторые социальные слои упорно *стремятся к групповой мобильности*, так как она должна компенсировать ситуацию, в которой предписанный статус членов группы бросает тень на их личные достижения. Это находит свое выражение в различных движениях, в том числе борцов за гражданские права, за освобождение женщин и др. Успех этих движений свидетельствует о возможности изменить последствия предписанного статуса (хотя бы в какой-то мере) с помощью коллективных усилий. *Чем меньше возможность для индивидуальной восходящей мобильности, ограниченнее реорганизация социальной структуры, тем больше вероятность того, что борьба заинтересованных групп приведет к разрушению старой и введению новой системы стратификации.* Обычно это достигается в ходе социальных и политических революций, радикальных реформ.

⁴ Американская социология. Перспективы, проблемы, методы: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1972. – С. 136.

Одна из осей конфликтов в западных странах ныне формируется под влиянием массовой иммиграции в западные страны выходцев с охваченного волнениями Юга. Оказавшись не в состоянии остановить иммиграционный наплыв, Запад пытается возвести дамбу между правами граждан и правами тех людей, которые не имеют гражданства. Соединенные Штаты Америки могут оказаться в ситуации, когда нижние 30 или даже 50 процентов их рабочих не будут полноправными гражданами, а значит, будут лишены избирательных прав и надежного доступа к социальной помощи.

Неравноправие этнических, религиозных, расовых групп граждан, а также иммигрантов, получивших права гражданства лишь по истечении определенного срока проживания в стране – это самый распространенный источник конфликтов большинства стран Запада. Ранговые диссонансы экономического и политического статусов при условии политической самоорганизации ущемленных групп способны вызвать политическую нестабильность даже в стабильных демократиях, адресуя демократическим обществам новые для них вызовы.

В современной России ранговый диссонанс статусов усугубляется хаотическими процессами во всех статусно-ролевых структурах и системах. Однако на нынешнем этапе большей конфликтогенностью обладают скорее не ранговые диссонансы, а *резкое снижение материально-экономического статуса значительной массы населения.* Именно бедствующие страты, имеющие низкие доходы и невысокий уровень образования, более склонны к радикальным формам конфликтного поведения, чем более высокие страты.

Другой существенной проблемой социальной и политической организации общества является *соответствие статуса и роли.* В идеале они должны соответствовать друг другу и тем обеспечивать эффективность политической деятельности, устойчивость политической системы, того или иного ее института. Снижение престижа (т.е. одного из аспектов статуса), скажем, должности президента, является фактором, затрудняющим исполнение президентских функций. То же можно сказать и о статусе депутата парламента, тех или иных властных структур. Политический статус судебной власти в современной России ниже статуса законодательной, а тем более исполнительной власти. Низок и ее общественный престиж: по данным фонда "Общественное мнение" (август 1997 г.) суммарное число граждан, негативно относящихся к судебным органам, достигает 62 %. Между тем роль судебной власти в демократическом обществе должна быть исключительно высокой. Без нее всегда есть опасность

гипертрофии остальных ветвей власти, а самое главное – правовое и политическое поле граждан не обеспечивается необходимой защитой от произвола государственных структур, чиновничьего аппарата и криминалитета. Недаром западные наблюдатели политических процессов в странах Латинской Америки и Восточной Европы подчеркивают, что превращение судебной власти в заложницу политической борьбы является главной причиной слабости демократии в этих странах⁵.

Низкий статус судебной власти находится в конфликте с той социальной ролью, которая она должна выполнять. Нельзя сказать, что на нынешнем этапе конфликт статуса и роли судебной власти приобрел политический характер. Но он может ощутимо сказаться в совокупности с другими многообразными конфликтами. Далеко не случайно, что почти каждое разбирательство дел в Конституционном Суде (вплоть до проблем прописки в Москве) приобретает значение факта политической жизни. Давно назревшая и практически не осуществляемая судебная реформа – одна из важных проблем политической жизни России в 90-х годах, до сих пор не ставшая делом государственной политики.

В соотношении статусов и ролей в политической жизни особенно необходима и вместе с тем трудно достигаема мера. Проблема осложняется субъективными факторами, т.е. тем, как политические акторы используют свой статус и как исполняют роли. Корреляция между уровнем статуса и качеством роли не прямая и не однозначная. Повышение статуса автоматически не ведет к адекватному повышению интенсификации ролей. В 1992 г. Верховный Совет РФ по инициативе Б.Н. Ельцина расширил полномочия президента, т.е. повышал его статус несколько больше того, что было предусмотрено Законом о президенте и соответствующей поправкой к Конституции РСФСР. Однако это не привело к повышению эффективности президентской власти и проводимого курса реформ. Более того, в значительной степени это способствовало затяжному конфликту между президентом и Верховным Советом, завершившемуся тяжелыми событиями сентября–октября 1993 г.

Особенностью российской политической практики в последнее время стали острые конфликты, вызванные не просто несоответствием исполняемой роли статусу, но и *недифференцированностью (а чаще всего даже подменой политических ролей)*, характерной для участников политической сцены. Так, исполнительная власть жалуется на то, что ее указы и постановления не исполняются, и обличает то, за что должна отвечать.

⁵ См.: Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 74.

В свою очередь, законодатели не могут удержаться от постоянного вмешательства в действия исполнительных органов, но в критических ситуациях оказываются не в состоянии сформировать свою властную волю в отношении виновников происходящего.

Одним из важнейших и по сути неисчерпаемых источников статусно-ролевых конфликтов является *расхождение статусных ожиданий и социально-политических реальностей*. Каждый статус несет в себе соответствующие общественные и личные ожидания, т.е. создает надежду на определенный жизненный результат в случае реализации статусных ролей. Если бы тот или иной социальный, политический статус не содержал в себе потенциал жизненных достижений, он не притягивал бы к себе людей, не имел бы общественного и личного смысла, а выполнение обусловленных им ролей носило бы принудительный характер. Но неся в себе определенный потенциал ожиданий, никакой статус, будь то в политике или экономике, в общественной или личной жизни сам по себе, автоматически не обеспечивает ожидаемых результатов. Последние зависят от многих факторов: от общественных условий, характера конкурирующих и сотрудничающих сил; от таланта, компетентности, волевых качеств субъектов и множества других, в том числе и случайных, факторов. Социальный, политический потенциал при этом является хотя и исходной, но только одной из составляющих реального результата статусно-ролевой деятельности. Когда статусные ожидания и результаты (общественные и личные) совпадают, это свидетельствует об эффективности статусно-ролевой деятельности, о реализации соответствующих ожиданий. Несовпадение, тем более значительное расхождение ожиданий и результатов – источник не только недовольства (социального и личного), но и фактор неэффективности, оценки качеств самого статуса (его ресурсов, потенциала) и социальных качеств исполнителей его ролевых предписаний, т.е. людей, им обладающих.

Расхождение между статусными ожиданиями и реальностью – один из самых серьезных источников статусно-ролевых конфликтов. Анализируя выступления французских студентов весной 1968 г., П. Бурдьё отмечал, что "наибольший взрыв" наблюдался там, "где разлаженность между происхождением и успехами в учебе была максимальной... Но такое расхождение между ожиданиями и достижениями, являющееся подрывным фактором, есть неотъемлемо инновационный фактор. Не случайно большинство лидеров Мая 1968 года были новаторами в интеллектуальной и прочих сферах жизни"⁶.

⁶ Бурдьё П. Опозиции современной социологии // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 44.

Нереализованность или неполное достижение тем или иным социальным слоем, группой статусных ожиданий является конфликтогенным. Примером тому может служить социальная роль интеллигенции в политических процессах 60–80-х годов в бывших социалистических странах и СССР.

Этот период в бывшем Советском Союзе характеризовался интенсивным ростом интеллигенции, лиц с высшим и средним образованием как в структуре общего, так и занятого населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста специалистов с высшим и средним специальным образованием в общей численности занятого населения в СССР (в %)⁷

Годы	Доля специалистов
1960	10,4
1970	15,8
1980	22,8
1985	25,8

Численность специалистов в народном хозяйстве возрастала более высокими темпами, чем общая численность занятых. Все более значительная часть населения через образование приобретала статус специалистов, интеллигенции. Естественно, приобретение этого статуса формировало и соответствующие ожидания: финансово-экономические, социально-престижные. Однако у значительной, если не у большей части этой категории населения, ожидания не сбывались, или наблюдалось дискомфортное расхождение между ними, а тем более социальными притязаниями и занятостью. Около 4 млн. специалистов имели избыточное образование, т.е. выше того, что требовала должность и, следовательно, не могли реализовать свои когнитивно-профессиональные ожидания. У значительной части работников умственного труда не оправдывались финансовые ожидания. Особенно заметно это стало к исходу 70-х годов (см. табл. 2).

⁷ Рассчитано по: *Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник*. – М.: Финансы и статистика, 1987. – С. 411, 418.

Таблица 2

Соотношение заработной платы рабочих и специалистов в области образования, культуры, науки и научного обслуживания по отношению к зарплате рабочих (в %)⁸

Годы	Рабочие	В сфере образования	В сфере культуры	В сфере науки и научного обслуживания
1960	100	80,4	54,7	123,0
1970	100	82,8	64,9	106,8
1980	100	73,3	60,0	96,8
1985	100	70,8	55,4	95,6

Даже у специалистов, занятых в сферах науки и научного обслуживания зарплата была ниже, чем в среднем у рабочего в промышленности. Расхождения между статусными финансовыми и потребительскими ожиданиями квалифицированных специалистов и реальной заработной платой были значительны и увеличивались. Это само по себе не могло не быть источником психических конфликтов интеллигенции и формирования недовольства социальной политикой государства. Резкое падение покупательной способности зарплаты учителей, врачей, инженеров, ученых, ее длительные задержки в 90-х гг. обусловили конфликтные действия этой части интеллигенции (протестные марши, митинги, забастовки, голодовки). Но еще большим стало расхождение между статусными ожиданиями интеллигенции как носителя интеллектуального потенциала общества и фактической низкой востребованностью ее инновационной энергии, знаний, таланта вследствие крайне низкой восприимчивости социально-экономической и политической системы к технологическим инновациям. Научно-техническая и инженерная интеллигенция с горечью констатировала растущее технологическое отставание СССР от западных стран и Японии при очень высоком интеллектуальном потенциале страны.

Конфликт статусных ожиданий интеллигенции и социально-политической реальности в 70–80-х годах не вылился в мощное социально-

⁸ Рассчитано по: *Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник*. – М.: Финансы и статистика, 1987. – С. 431.

политическое движение, оппозиционное по отношению к власти и особенно к политической системе. Так называемое диссидентство было скорее узким идейным и отчасти политическим течением, охватывающим очень незначительную часть неконформистской интеллигенции, в основном гуманитарной. Тем не менее оно было выражением латентного оппозиционного отношения (не всегда, впрочем, осознанного) интеллигенции к политическому руководству и монопольному политическому положению КПСС и ее политике.

Однако и радикальные реформы 1990-х гг., разрушившие экономические и политические основы так называемого социализма, не только не повысили статуса интеллигенции, но усугубили ее бедственное социальное положение, ухудшили условия труда и жизни.

Таким образом, в России в разных исторических обстоятельствах при разных социальных системах интеллигенция испытывала и испытывает перманентное расхождение, диссонанс статусных ожиданий и свершений. Не случайно одним из устойчивых стереотипов интеллигентского менталитета стала формула: интеллигенция должна находиться в вечной оппозиции к существующей власти и в этом ее историческое предназначение.

С началом радикально-либеральных рыночных реформ, но особенно с началом приватизации в России возникают новые диссонансы между статусными ожиданиями и социально-экономическими, политическими и социокультурными реалиями. Появились новые социальные группы, а старые приобрели некоторые несвойственные им ранее черты. Так, на операциях с валютой, за счет простого паразитирования на посреднических операциях при низкой стоимости рабочей силы и столь же низком курсе рубля возник финансовый компрадорский капитал, тесно связанный с криминальным бизнесом. "Криминальный характер классовообразования возносит "наверх" паразитарные, асоциально-деструктивные группы и люмпенизирует группы, необходимые для воспроизводства общества как целостного организма, в первую очередь потенциальный средний класс", — считает социолог Е. Стариков⁹.

Значительная часть "новых русских" — скороспелой буржуазии, представителей нового предпринимательского слоя, приобретших высокий экономический, а в ряде случаев и политический статус, не имеет устойчивой склонности к накоплению и инвестированию средств в производство, в стабильную деятельность, коль скоро они могут получать баснословные доходы за счет одноразовых спекулятивных сделок.

⁹ Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт "инвентаризации") // Политические исследования. — 1994. — № 4. — С. 88.

Если траектория движения этого слоя развивается по восходящей, то "старый" средний класс, и прежде всего интеллигенция, квалифицированные рабочие, теряет почву под ногами, утрачивает материальные позиции и престиж. Происходят деградация и разрушение самой базы существования интеллигенции — сфер просвещения и здравоохранения, науки и культуры. Между тем средний класс как опора модернизации общества является гарантом не только политической стабильности, но и экономического роста, и формируется путем не индивидуальной, а слоевой вертикальной мобильности, для которой необходимо реальное равенство возможностей. Именно отсутствием такого равенства, по мнению социологов, объясняется зафиксированный во многих исследованиях факт: отношение к реформам зависит от сегодняшнего положения человека. Отрицательное отношение связано с низким социальным статусом, невысокими образованием и квалификацией, низким доходом и т.д., и наоборот. Но дело не просто в бедности, хотя реальный уровень дифференциации доходов в России в середине 90-х уже превзошел критическую черту: доходы 10 % наиболее обеспеченных в 13–15 раз превышали доходы наименее обеспеченных, а разрыв в уровнях зарплаты в этих группах достиг 27 и более раз. Конфликтный потенциал концентрируется не только между бедными и богатыми, но и между теми, у кого есть возможность включиться в новые экономические отношения, и теми, у кого ее нет. Иными словами, отношение к проводимому курсу реформ у групп с относительно низким статусом будет в решающей мере определяться тем, насколько этот статус (бедность, невысокое образование, промышленно отсталый район, генетически плохое здоровье, неперспективная отрасль хозяйства и т.п.) ухудшает социальную перспективу их самих и их детей. Проще говоря, становится не временным, обратимым, но *наследуемым социальным состоянием*. Как заявил участник забастовки на одном из металлургических заводов России, "мы не хотим мириться с тем, что все лучшее для нас уже в прошлом".

Для переходного общества необходимо, чтобы проигравшие слои и группы не только не мирились со своим низким статусом и не считали себя людьми "второго сорта", но, наоборот, не теряли веры в себя и в свой социальный шанс. В отличие от отечественных радикал-либералов, европейские социал-либералы хорошо понимают опасности, грозящие обществу в случае игнорирования власти предрержащими гражданских прав для всех, и отказа от их защиты государством. По словам признанного теоретика социал-либерализма Р. Дарендорфа, "никто не вправе сосредотачивать в своих руках такие инструменты власти (экономические или политические), которые позволили бы ему ущемлять гражданские

кие права ближнего. Каждый должен обладать возможностью обрести по крайней мере минимально достойные условия жизни. Иными словами, существует верхняя и нижняя граница цивилизованного существования. Этими границами очерчивается пространство гарантированных прав для всех"¹⁰.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что такое статусно-ролевые конфликты? Почему и при каких условиях они возникают?
2. Какие типы статусно-ролевых конфликтов Вы можете выделить?
3. Какие статусно-ролевые конфликты последних десятилетий Вы считаете наиболее сильными и значимыми в политической жизни России? Обоснуйте свое мнение.
4. Какими методами и при каких условиях регулируются и разрешаются статусно-ролевые конфликты?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. – М., 1999. – С. 228-238. Нормы права и нормы обыденной морали в свете социологии конфликта.
2. *Зеркин Д.П.* Основы конфликтологии. – Ростов н/Д., 1998. – Лекция 5. Политический конфликт. – С. 170-188.
3. *Сен-Мартен де М.* Реконверсия и трансформация элит // Socio-Logos-96. Альманах российско-французского центра социологических исследований. – М., 1996. – С. 64-114.

¹⁰ *Дарендорф Р.* От социального государства к цивилизованному сообществу // Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 31.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ КОНФЛИКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Под политической культурой чаще всего понимают те элементы и феномены общественного сознания и в более широком плане – духовной культуры той или иной страны, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом. По мнению К.С. Гаджиева, политическая культура составляет в некотором роде этос, или дух, который одушевляет формальные политические институты¹. Она представляет руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая целостность и интегрированность политической сфере, подобно тому как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом.

Следует заметить, что культурная составляющая есть в любом типе конфликтов, но составляющая – это еще не конфликт культур сам по себе. Конфликт возникает тогда, когда происходит столкновение политических культур как совокупностей различных ценностей, норм, правил, обычаев, традиций, способов политической жизни. Иначе говоря, политическая культура представляет собой интенциональную, смыслообразующую совокупность способов политической жизни, сложившуюся и эволюционировавшую на основе исторического опыта субъектов социальных отношений и деятельности. При такой трактовке политической культуры становится понятной особая природа и особая сложность возникающих в этой области конфликтов.

Природа конфликтов политических культур становится более понятной в сравнении с государственно-правовыми или статусно-ролевыми конфликтами. Если абстрагироваться от конкретных причин последних, то они лежат не только в стремлении к власти или в оспаривании способов ее функционирования. Невозможно объяснить конфликты и исключительно стремлением низших слоев и групп к вертикальной мобильности и обретению более высокого социального статуса. Очевидно, что, помимо прочего, конфликты могут возникнуть благодаря наличию независимых ценностей, идей, верований и культурных различий при условии, что одни верования отрицают ценности других.

¹ См.: *Гаджиев К.С.* Политическая наука. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 336.

Особая острота конфликтов ценностей давно замечена социологами и культурологами. По мнению В. С. Комаровского, чем в большей степени конфликт объективируется за пределами индивидуальных интересов и чем больше он связан с основными ценностями конфликтующих групп, общества в целом, тем он острее и тем вероятнее использование насильственных средств для его разрешения². Действительно, в конфликтах интересов, нацеленных на передел благ – в особенности материальных, – решение, достигаемое перераспределением благ, или прирост благ по меньшей мере не исключены. Что же касается ценностных конфликтов, то здесь различные убеждения могут отражать само- и миропонимание различных групп, их идентичность, и найти какое-либо удовлетворяющее стороны решение гораздо труднее. Культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, их сложнее примирить, свести к компромиссу. Достаточно часто системы ценностей выступают в качестве самодостаточных источников мотивации, действующих на основе деления человеческих сообществ на своих и чужих. "Различия между своими и чужими, между нами и ими приобретают определяющее значение и становятся доминирующим фактором индивидуальной и групповой мотивации", – считает А.Г. Здравомыслов³.

Политические ценности по-разному усваиваются различными поколениями, не всегда органично вписываются в реальную политическую динамику и потому неизбежно сопровождаются конфликтами. Некоторые из них могут поставить под сомнение универсальность привычных для общества политических идеалов. Более того, даже институты власти, сформированные на основе единых ценностей, не всегда их отстаивают и укрепляют. Как справедливо отмечает С. Липсет, политические институты демократии могут быть использованы не только как орудия достижения консенсуса, но и как средства нагнетания напряженности и нарастания конфликтов⁴.

В исторической ретроспективе Западная Европа знает четыре критические точки как главные организующие вехи на пути, который пришлось пройти всем государствам и политическим образованиям. Одновременно эти критические точки рассматриваются в качестве основных точек

² См.: Комаровский В.С. Политический конфликт и политические ценности: сравнительный анализ // Политическая теория: тенденции и проблемы: Сб. ст. – М., 1994. Вып. 2. – С. 3.

³ Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 126.

⁴ См.: Липсет С.М. Консенсус и конфликт. Очерки по политической социологии: Реферат. – М.: ИНИОН РАН, 1987. – С. 21.

расколов, кливажей за последние 400 лет. Ими (их также называют революциями) являлись: Реформация, национальная революция (воздействие Великой Французской буржуазной революции), промышленная и "коммунистическая" революции. Под их воздействием происходили сдвиги в структуре властных союзов внутри правящих политических сил и среди элит⁵. Реформация разделила Западную Европу на протестантский Север и католический Юг. *Религиозные конфликты*, сотрясавшие Европу на всем протяжении средних веков, показали не только силу мобилизованных групп, – ересей (как общественно-политических движений, а не просто духовных уклонений от господствовавшей в государстве церкви), но и особую непримиримость противоборствующих сторон. Как подчеркивал Г. Зиммель, дела церковные наиболее показательны, ибо здесь малейшее отличие, если оно догматически фиксировано, сразу заключает в себе логическую непримиримость: если отклонение вообще имеет место, то в категориальном отношении безразлично, велико оно или мало. Так обстояло дело в конфессиональных спорах между лютеранами и реформатами в XVII веке. "Едва только состоялось великое обособление от католицизма, как тут же целое расщеплялось по ничтожнейшим поводам на партии, по заявлениям которых скорее возможна была общность с папистами, чем со сторонниками иного вероисповедания", – писал Г. Зиммель⁶.

Результаты борьбы между государством и церковью, разделившей Европу в период Реформации и контрреформации, определили структуру национальной политической жизни европейских стран три столетия спустя, в эпоху демократизации и массовой мобилизации. В Южной и Центральной Европе контрреформация консолидировала положение церкви, связав ее судьбу с привилегированными элементами старого режима. Результатом этого стало разделение политических сил на "национально-радикально-секулярное" и "католико-традиционалистское" течения.

В Северо-Западной Европе – в Великобритании и Скандинавии – тенденции исторического развития периода Реформации обусловили совершенно иную структуру противоречий и расхождений в XIX в. Здесь господствующие церкви не встали в оппозицию к создателям национальных государств по примеру римско-католической церкви на континенте. А левые движения, оппозиционные к религиозному истеблишменту, вербовали основную часть своих сторонников среди недовольных, пользовавшихся правом голоса, неконформистов, фундаменталистов и поднимавшихся городских слоев.

⁵ См.: Ларсен Ст. У. Моделирование Европы в логике Роккана // Политические исследования. – 1995. – № 1. – С. 47.

⁶ Зиммель Г. Избранное. Т.2.: Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С. 506.

В Южной и Центральной Европе буржуазная оппозиция старому режиму была в основном безразлично, если не враждебно настроена по отношению к церковному учению: культурная интеграция наций завершилась здесь раньше, и церкви самой предстояло найти свое место в новой политической системе. Иначе обстояло дело в Северо-Западной Европе, где широкие левые коалиции против господствующих властей пользовались значительной поддержкой среди протестантов из среды разнообразных сектантских движений как в национальных церквях, так и вне их. "Различия между этими двумя типами левых коалиций, выступивших против унаследованной политической структуры, имеют принципиальное значение для понимания особенностей европейского политического развития в период расширения участия масс в выборах", — пишет С. Липсет⁷.

Промышленная революция подняла роль третьего сословия, прежде всего буржуазии: раскол между абсолютистскими правителями и ею выявил различия между человеком и гражданином, между обществом и государством. Эти различия явились своего рода причиной и следствием кризиса государственной власти, законность которой одни стали ставить под сомнение, другие отрицать вовсе. Появились теории, пытавшиеся разрешить этот теоретический (а затем и практически — революционный) спор. Ж. Боден впервые сформулировал мысль о суверенитете государства над другими институтами нации и тем самым указал на важность и необходимость государства, особенно в век религиозных расколов. Другие — среди них Т. Гоббс, Д. Локк и Ж.-Ж. Руссо — пытались каждый по-своему подойти к решению основной проблемы: удовлетворению потребности в нового рода гражданском согласии, подобном религиозному, существовавшему в средние века. По их мнению, это дало бы возможность устранить противоречие между обществом и государством. Революция 1789 г. во Франции поставила эти проблемы в практическую плоскость, обеспечив на многие десятилетия вперед *кливаж идеологического порядка*, а также деление на "правых" и "левых" как выражение противостоящих политических ориентаций и различных *политических темпери-ментов*, от умеренных и до экстремистских сил.

История французского общества особенно ярко показывает новые линии расколов, повлиявшие на его политическое развитие. Доминирующие позиции в формировании линий расколов занимали не только экономические интересы, но и соображения духовного плана — реформа церкви, концепции власти, гражданские свободы и т.д. По мнению бывшего

генерального секретаря Высшего совета по радиовещанию и телевидению Франции Ж. Монтасье, главными причинами конфликтов в ходе развития французского общества были отношение к правде, свободе, власти и собственности⁸.

Вопрос о политических ориентациях и темпераменте, разделении на правых и левых определяет, особенно в европейской политике, большинство процессов и ситуаций. "При плюрализме правые и левые представляют собой две основные политические контртенденции, причем большинство попыток объяснить их противостояние исходя только из идеологических мотивов, продемонстрировало свою несостоятельность", — считает Т. В. Шмачкова⁹. Речь идет о том, что та или иная политическая ценность может в рамках длительного исторического периода становиться достоянием (и отличительным знаком) как левых, так и правых политических сил. Такова, например, история национальной идеи во Франции: от времен революции 1789 г. до победы голлистов на выборах 1995 г. он попеременно становился главной ценностью то "левых", то "правых".

Вместе с тем существует известный набор ценностей, являющихся левыми — антирасизм, антиклерикализм, антикапитализм, социальное равенство и т.д. В то же время правую идеологию характеризуют авторитаризм, шовинизм, антидемократизм и т.д. Центризм образует комбинацию правых и левых ценностей и идей и исторически конкретен для каждой страны.

Политизация многих спорных и даже болезненных для национального согласия проблем не разрывает сложившуюся к концу XX в. симбиотическую культуру Запада, "западный мир", в котором секулярная культура в более или менее выраженном симбиозе с культурой христианской опирается на мощь национальных государств. "Культурные движения, более или менее свободно рождающиеся в недрах современной политики и бросающие ей более или менее явный вызов, отнюдь не уничтожают ту культурную матрицу, которая лежит в основе самой этой политики, — считает А. Салмин. — В конечном счете дисфункции современной политики возникают не из технико-экономических или социальных в узком, абстрактном смысле слова тупиков и противоречий развития. Зарождаясь в сфере духа, в культуре, они лишь оплотняются в этих противоречиях, обретая их форму и отчасти подчиняясь их логике, но передавая им при

⁸ Коломиец В. Левые политические движения в странах Запада // Свободная мысль. — 1992. — № 4. — С. 107.

⁹ Шмачкова Т.В. Из основ политологии Запада // Политические исследования. — 1991. — № 2. — С. 143.

⁷ Липсет С.М. Консенсус и конфликт. Очерки по политической социологии: Реферат. — М.: ИНИОН РАН, 1987. — С. 26.

этом свою энергию. Соответственно, и преодоление этих дисфункций есть задача не только техническая или социальная, но и духовная, культурная¹⁰. Возрастающую роль и значение культурных факторов отмечают и другие интеллектуалы. По мнению Ю. Хабермаса, чем лучше интегрировано в социальном отношении большинство занятых, тем важнее становятся культурные факторы. "Вот почему в обществах нашего типа к временной дестабилизации ведут именно *культурно-революционные тенденции*", – пишет он¹¹.

С победой в октябре 1917 г. революции в России конфликт идеологий обретает международный масштаб. Его сторонами были вначале коммунизм, нацизм и либеральная демократия, а после разгрома германского нацизма – коммунизм и либеральная демократия. Во время "холодной войны" этот конфликт воплотился в борьбе двух сверхдержав, самоидентификация которых формулировалась в идеологических категориях. С окончанием "холодной войны" в центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями, выступающими как самостоятельные субъекты истории. Попытка американского политолога Ф. Фукуямы провозгласить "закат истории" вызвала критику не только в той части мира, которая провозглашалась сферой победоносного шествия либерализма, но и среди западных интеллектуалов. Прогноз одного из них – С. Хантингтона – относительно *цивилизационных конфликтов будущего* заслуживает самого пристального внимания.

Цивилизационная концепция С. Хантингтона любопытна в том отношении, что рассматривает культурные общности, характеризующиеся наличием как общих объективных, так и субъективных черт. Это, с одной стороны, язык, история, религия, обычаи, институты, а с другой – субъективная самоидентификация людей. Последняя может изменяться, в результате чего меняются состав и границы той или иной цивилизации. Цивилизации несхожи по своей истории, культуре, традициям, ценностным структурам и приоритетам, но самое главное – по своей религии. "Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они

¹⁰ Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. Опыт Франции в сравнительной ретроспективе. – М.: Наука, 1992. – С. 312-313.

¹¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО "КАМІ", "ACADEMIA", 1995. – С. 85.

не исчезнут в обозримом будущем", – считает С. Хантингтон¹². По его мнению, эти различия более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Они не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не всегда сводится к насилию. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями. Усиливающееся взаимодействие между представителями разных цивилизаций во все более тесном мире укрепляет их цивилизационное самосознание, но это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории разногласия и враждебность (как подлинные, так и воспринимаемые таковыми).

Появлению *цивилизационных солидарностей* способствуют процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире, размывающие традиционную идентификацию людей с местом жительства. Одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме.

Рост цивилизационного сознания диктуется раздвоением роли Запада. Последний находится на вершине своего могущества, но это как раз и вызывает среди незападных цивилизаций возврат к собственным корням. Различия в культуре и религии порождают разногласия по широкому кругу политических вопросов, будь то права человека или эмиграция, коммерция или экология. Географическая близость стимулирует взаимные территориальные претензии. Попытки Запада распространить свои ценности – демократию и либерализм – как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы, наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. То, что Запад трактует как универсализм, воспринимается другими как империализм. Кроме того, неизбежной практической ценой универсальных принципов становится двойной стандарт, лицемерие в подходах Запада к решению тех или иных мировых проблем. Отсюда столкновение цивилизаций, прежде всего исламской и западной, можно рассматривать как преимущественно иррациональную, но безусловно историческую реакцию исламской культуры и общества на древнего соперника – иудейско-христианское наследие, секулярное настоящее и мировую экспансию обоих этих явлений со стороны Запада.

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 35.

Опасность конфликтов, вызванных цивилизационными разломами, угрожает в первую очередь странам, по чьей территории они проходят. Об этом говорят примеры Югославии, Советского Союза, а также нынешней России и США.

Перспективы межцивилизационных конфликтов актуализируют проблему их субъекта, т.е. главного носителя цивилизационных идей и ценностей. По мнению исследователей, такой социальной группой является *средний класс*. Везде, где фундаментализм находится на подъеме, это явление в значительной степени связано со средним классом, с резкой радикализацией молодежи и интеллектуалов. По словам одного индийского журналиста, самое тревожное новое явление – это растущее число старших гражданских служащих, интеллигентов, журналистов, заговоривших языком воинствующего индуистского фундаментализма и утверждающих, что религиозные меньшинства, в особенности мусульмане, довели их терпение до последнего предела¹³. Вряд ли случайно, что на парламентских выборах в мае 1996 г. правившая партия ИНК(И) впервые с 1947 г., принесшего стране независимость, потерпела сокрушительное поражение от националистов. Тогда им не удалось заручиться поддержкой парламентского большинства, однако в марте 1998 г. Бхаратия Джаната парти вновь победила на парламентских выборах и сегодня является правящей партией в Индии. Аналогичные процессы наблюдаются в Турции, где весной 1996 г. внушительную победу на парламентских выборах одержала исламистская Партия благоденствия. Вирус радикального национализма проник даже в благополучную Австрию, где весной 2000 г. представители ультраправой Австрийской партии свободы вошли в состав правительства. Во Франции лидер ультраправого националистического движения Ле Пен на президентских выборах в мае 2002 г., выйдя во второй тур, собрал 17 % голосов избирателей.

Смутные умонастроения, ориентации, преобладающие в обществе, спешат аккумулировать, рационализировать, теоретически и идеологически оформить политические и интеллектуальные элиты. В прошлом элиты незападных стран обычно состояли из людей, получивших образование в престижных европейских университетах и усвоивших западные ценности и стиль жизни. Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Сегодня во многих незападных странах идет интенсивный процесс *девестернизации элит* и их возврат к собственным культурным корням. Одновременно с

этим западные, главным образом американские, обычаи, стиль и культура приобретают популярность среди широких слоев населения. Российские авторы также обращают внимание на то, что под воздействием извне, главным образом с Запада, в России меняется система норм и ценностей, формируется по-новому притязательное, потребительское общество¹⁴.

Таким образом, религия, идеология и цивилизация (культура) являются ключевыми, доминирующими идентификационными основаниями в возникновении тех кливажей, которые приводили к наиболее серьезным в истории конфликтам политических культур. Как уже говорилось, они не сняты с повестки дня и поныне и даже имеют некоторую тенденцию к усилению, хотя единодушия в оценке перспектив мобилизующей силы той или иной ценностной системы нет. По мнению С. Хантингтона, религия в современном мире – это центральная, возможно *самая* центральная сила, мотивирующая людские поступки и мобилизующая людей. Но есть и другая точка зрения. Ю. Хабермас полагает, что в современных относительно открытых массовых культурах Запада глобальный взгляд на мир в виде какой-то политической идеологии, глобальной ориентации невозможен. Фундаменталистские течения, по его мнению, являются кратковременными реакционными образованиями. Но в то же время коммуникационные структуры общественности, находящиеся во власти СМИ и поглощенные ими, настолько ориентированы на пассивное, развлекательное и приватизированное использование информации, что когерентные, т.е. целостные образцы толкования просто не могут больше сформироваться. "*Фрагментаризованное* повседневное сознание располагающих досугом потребителей препятствует образованию идеологии классического типа, но ведь оно само стало господствующей формой идеологии", – считает Ю. Хабермас¹⁵. По мнению немецкого политолога У. Матца, говорить о конце века идеологий еще рано. "Можно, пожалуй, сказать, что классические идеологии в их старой форме приходят в упадок, что они утрачивают ясные очертания, а значит, уходит и резкое их взаимопротивопоставление, что они больше уже не носят характера всеохватывающих общественных "теорий", а потому и не сохраняют традиционной привязки к поддающимся однозначному социально-структурному определению группам. Но в своей сущности идеологии не исчезли, они лишь изменили, так сказать, свое агрегатное состояние: произошла определенная

¹⁴ См.: Панарин А.С. Введение в политологию. – М.: Новая школа, 1994. – С. 97.

¹⁵ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО "КАМ", "ACADEMIA", 1995. – С. 91.

¹³ См.: Дискуссия вокруг цивилизационной модели: Хантингтон отвечает оппонентам // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 56.

дисперсия идеологического, которая оказывает свое воздействие на политическое сознание, несмотря на весь прагматизм"¹⁶.

На глобальный конфликт культур обращает внимание японский политолог К. Мушакодзи, указывая, что фундаменталистские движения зачастую противостоят влиянию европоцентристской универсальной культуры. Их критика современной западной культуры требует аргументированных ответов, если всерьез искать способы решения глобальных проблем¹⁷.

Однако защита этнических традиций не всегда облекается в фундаменталистские формы. Более позитивна роль, которую играют многочисленные социальные движения, пытающиеся вдохнуть жизнь в демократические традиции, имевшие место в прошлом, сопротивляющиеся авторитарным тенденциям традиционной культуры. В регионах третьего мира эти движения возглавляют многие интеллектуалы, сочетая в себе глубокий интерес к культурному наследию своих наций и подлинную идентификацию с населением, особенно бедным и угнетенным. Неодинакова и роль религий в различных регионах мира. Часто их сотрудничество с интеллектуалами и общественными движениями бывает решающим для укрепления социальных процессов демократизации и защиты прав человека.

Политические процессы в странах Восточной Европы в конце 80-х – начале 90-х годов, именуемые еще как "бархатные революции", также показали заметную роль религии и церкви в этих процессах. Так, в Польше церковь с ее автономией и расположенностью к поддержке польского национализма, создала идеальную обстановку для "спонтанного" появления "Солидарности". В Восточной Германии в большинстве случаев медиационную роль параллельного гражданского общества выполняла Лютеранская церковь.

Последняя треть XX в. выявила в странах, где рыночные и демократические традиции были недостаточно развиты – а именно такие страны, главным образом, и сталкиваются с необходимостью модернизации – последняя оказывается сопряженной с привнесением в общественную жизнь институтов и норм, являющихся инокультурными, а иногда даже иноцивилизационными. Условием модернизации во многих случаях становится критическая переоценка национального прошлого и настоящего, изменения тех или иных черт социального и политического мышления. Вписать новое содержание в глубинное течение национальной жизни

¹⁶ Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. – 1992. – № 1-2. – С. 142.

¹⁷ См.: Мушакодзи К. Политическая и культурная подоплека конфликтов и глобальное управление // Политические исследования. – 1991. – № 3. – С. 4-26.

ни, внести в нее новые ценности и институты – задача объективно сложная и одновременно тонкая, требующая настойчивости, последовательности, но и большой гибкости, чтобы не дать национальной почве отторгнуть новое. При этом приходится все время держать под контролем и "гасить" неизбежно и постоянно возникающие в обществе противоречия и конфликты.

Если правящие элиты в странах Восточной Европы и некоторых регионах бывшего СССР призвали себе на помощь свое докоммунистическое прошлое, сделав существовавшие до войны независимые национальные государства символом, который связывает прошлое с настоящим, то в России это невозможно. Невыгодность положения России, ее правящей элиты усугубляется тем, что здесь нельзя возложить вину за преступления сталинской эпохи, период застоя, да и за царистское прошлое на каких-то внешних врагов. Нельзя и добиться идентификации с дореволюционной Россией, поскольку ее образ, несмотря на все усилия "патриотов", не вызывает особого воодушевления. И хотя, по мнению некоторых авторов, роль прошлого в определении будущего не столь уж велика, а вопрос о том, куда мы направляемся, гораздо важнее вопроса *откуда* мы пришли, в России сложилась уникальная ситуация: ее прошлое разлетелось в прах.

Это обстоятельство сыграло ключевую роль в формировании современной духовно-идеологической ситуации, которую большинство авторов определяют как *социокультурный кризис*¹⁸, *ценностный конфликт, составляющий истинное содержание политического кризиса*¹⁹, как *духовно-идеологический кризис, охвативший широкие слои массового общественного сознания*²⁰. Существенной чертой этого кризиса является нравственный компонент, особенно значимый в структуре российского культурного генотипа.

Истоки социокультурного кризиса кроются отнюдь не только в ошибках и неудачах общественно-политического развития страны в советский период. В своих основаниях современный российский кризис – "это очередная гиперострая фаза социокультурного кризиса, разворачивающаяся в условиях сложных трансформаций общечеловеческого сообще-

¹⁸ См.: Лапин Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. – 1992. – Т. 1. – С. 5-37.

¹⁹ См.: Гаман О. Ценностный конфликт в России // Политическая теория: тенденции и проблемы: Сб. ст. – М., 1994. – Вып.2. – С. 28-32; Матвеева С.Я. Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России // Социальный конфликт. – 1994. – № 4. – С. 3-19.

²⁰ См.: Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 6-17.

ства в целом и кризиса индустриальной цивилизации в особенности"²¹. Россия, по мнению автора, металась и мечется между инновационными и инерционными цивилизационными типами. Для нее характерна (даже в "спокойные" периоды) обостренная противоречивость исторической эволюции. Это было следствием конфликта двух систем социокультурных генотипов, двух ценностных структур бытия: инновационной и инерционной. Отсюда цивилизационная особенность России – промежуточность, маргинальность ее социокультурных генотипов, где не просто сочетаются, но конфликтующе "уживаются" инновационные и инерционные социокультурные комплексы. Лейтмотив ее исторического процесса – дисгармония этих двух систем ценностей, к которым она стремится адаптироваться, т. е. не просто приспособиться, но именно адаптироваться, овладеть и той, и другой. Поэтому и тип исторического движения России – хроающий, пульсирующий; она периодически сталкивается с одними и теми же проблемами: выживания, расколов, государственной интеграции – дезинтеграции, мощных рывков вперед и стремительных откатов назад, взаимоотчуждения "верхов" и "низов", власти и народа.

Этот алгоритм исторического развития особенно отчетливо проявляется в периоды модернизаций, реформирования в специфических условиях России. В отличие от Запада, реформы здесь создают волны дезорганизации, превышающие возможности общества их выдержать. Резко ухудшает ситуацию раскол, означающий, что различные системы ценностей в российском обществе находятся в состоянии самоотталкивания: при активизации одной системы возбуждается и противоположная, что усиливает конфликт между соответствующими группами вплоть до катастрофической дезорганизации общества²². Поэтому в центр замысла любой реформы должна быть поставлена проблема преодоления раскола, ценностное обоснование реформы. "Раскол не является причиной контрреформ, он лишь мощный дополнительный источник энергии для них", – считает А. Ахиезер²³.

Главной причиной срыва модернизации оказывается не сопротивление традиционной среды инновациям, а *отсутствие нового институционального уровня*, в рамках которого могло бы осуществляться продук-

²¹ Рахманин В.С. Социокультурный кризис в России // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия 1. – 1993. – № 1. – С. 145.

²² См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М.: ФОО СССР, 1991. – Т. 2. – 377 с.; Россия: критика исторического опыта ("круглый стол" ученых) // Общественные науки и современность. – 1992. – № 5. – С. 134-144; № 6. – С. 71-78.

²³ Ахиезер А.С. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 18.

тивное взаимодействие разнородных экономических и ценностных систем. Отсутствие такого синтеза чревато реакцией отторжения, срывами модернизации, известными по провалу "белой революции" в Иране. С.Я. Матвеева обращает внимание на то, что модернизация в России имеет глубокую специфику, связанную с тем, что общество "раскололось", поляризовалось, а ценностное разнообразие "обратилось не только в конфликт ценностей, но и в конфликтное столкновение цивилизационных типов". Эти процессы глубоко раскололи и личность, так что едва ли не главной проблемой России является сегодня "расколотый" человек.

Следствием этих явлений и процессов становится так называемый *инверсионный тип мышления и действия*. Для него характерно переворачивание аксиологических символов и ориентиров: левое – на правое, и наоборот, прогрессивное – на реакционное, многократная смена верований и позиций. Инверсионный тип мышления и действия подменяет цель средством и превращает средство для решения той или иной задачи в самостоятельную цель. Так в современной России рассматриваются рынок, демократия, тип общественной системы ("капитализм" – "социализм") и т.д. Такой тип мышления и поведения исходит из дихотомической сущности явлений и процессов, перманентно заменяя "плохое" на "хорошее" и всякий раз провоцируя смуту, кризисные процессы, разрушение старого без созидания нового. Это серьезно затрудняет процессы *рационализации мышления*, прагматизм в принятии решений и их реализации, а иррациональные действия оказываются преобладающими и крайне деструктивными.

Эти исходные предпосылки социокультурного генотипа России необходимо иметь в виду, анализируя те линии расколов – кливажи – которые сегодня разделяют российское общество, представляя его не просто как противостояние различных ценностных систем, но как противоборство различных политико-культурных общностей. Нередко эти общности (или ориентации) заявляют о себе со всею определенностью, что особенно хорошо заметно в электоральном процессе, в ходе избирательных кампаний.

Одним из важнейших конфликтов России стал цивилизационный раскол по принципу "западничество – самобытничество". Вопрос о том, является ли Россия частью Запада или Востока, или она возглавляет свою особую православно-славянскую цивилизацию, на протяжении отечественной истории ставился неоднократно. Славянофильство и западничество – два идейных течения в духовной жизни России, сформировавшиеся в XIX в., но уходящие своими корнями в более глубокие пласты истории. Их конфликт неоднократно определял расстановку политичес-

ких сил, массовую политическую мобилизацию в поддержку того или иного цивилизационного типа. После победы большевиков в 1917 г. проблема заметно усложнилась: взяв на вооружение западную идеологию, коммунисты приспособили ее к российским условиям и затем от имени этой идеологии бросили вызов Западу. Но если коммунистическое господство сняло с повестки дня исторический спор между западниками и славянофилами, то после дискредитации коммунизма Россия вновь столкнулась с этой проблемой.

Важной характеристикой духовной ситуации становится новый раунд спора "западников" и "самобытников": по данным социологических опросов, раскол населения на две примерно равные группы обнаруживается, в частности, в ответах на вопрос о том, *на какие ценности и стандарты жизни* следует сегодня ориентироваться России. 47 % опрошенных предпочитают традиционно русские ценности, а 44 % – их сочетание с западными. Аналогичный раскол прослеживается и в ответах на вопрос о *привлекательности различных видов* деятельности, направленной на извлечение прибыли, в частности коммерческих операций с товарами, недвижимостью, ценными бумагами или валютой. В цифрах этот раскол выглядит следующим образом: 40 % симпатизируют тем или иным видам приносящей прибыль деятельности, а 42 % равнодушны ко всем им²⁴. И хотя курс на вестернизацию, преобладавший в первые годы реформ, впоследствии был смягчен, реанимированная им дихотомия "западничество" – "самобытничество" не просто сохраняется как самостоятельная линия раскола, но и воспроизводится вновь в формах неорганичного цивилизационного синтеза. Это относится прежде всего к политической институционализации: "западный" принцип плюрализма партий сочетается в России с "восточным" принципом их структурирования как противостоящих кланов, выстраиваемых не "снизу", а "сверху" – под конкретного лидера, подбирающего свою "клиентуру".

Демифологизация нынешнего спора "западников" и "самобытников" открывает существование еще более драматичного выбора – между двумя возможными формами деградации, которые российские политологи А. Кара-Мурза, А. Панарин и И. Пантин формулируют как "риск *"загнивания культуры на корню"* и риск *"пустить культуру по ветру"*"²⁵.

²⁴ См.: Клямкин И.М., Лапкин В.В. Дифференциация ориентаций в российском обществе: факторы влияния // Политические исследования. – 1994. – № 6. – С. 97.

²⁵ Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 12.

Перспективы политического развития России обязывают исследователя к анализу еще одной линии разлома современного российского социума – *по идейно-политическим ориентациям*. Этот срез политической жизни особенно важен, поскольку сознание российских граждан, при всех пережитых ими разочарованиях в политике, остается политизированным и идеологизированным. Язык целей, причем в самой отвлеченной, абстрактной формулировке, им по-прежнему ближе, чем язык средств. И хотя в последние годы под влиянием жизненного опыта значительная часть общества стала более прагматичной в своих самых отвлеченных идеологических установках, опросы показывают, что рациональные интересы значат для голосующих все еще намного меньше, чем мировоззренческие ценности²⁶. Последние, особенно в период избирательных кампаний, становятся все более накаленными. Если данные социологических исследований весной 1994 г. показывали, что дифференциация приверженности различным идейно-политическим течениям касалась относительно небольшого массива граждан, то выборы в Государственную Думу в декабре 1995 г. серьезно скорректировали эту картину. Численность "коммунистического" электората, включая аграриев и "Трудовую Россию", суммарно составила почти треть от всех, принявших участие в голосовании (32,2 %). Почти 20 % голосов получили "почвенники" и некоммунистические националисты, включая ЛДПР, КРО, "Державу"; около 14 % – демократы в той или иной их модификации. Это приблизительно 44 млн. человек, для которых политическое поведение в той или иной мере определялось идеологическими и мировоззренческими пристрастиями. Еще приблизительно 17 млн. человек (около 26 % электората) ориентировались на некий центр, хотя эта ориентация была далеко не безусловна: здесь оказались и сторонники демократических ценностей, и представители реформистской номенклатуры, и те, кто действительно ориентирован на центристские ценности (подобно электорату Партии самоуправления трудящихся, "Женщины России" и т.д.).

Декабрьские выборы 1999 г. в Государственную Думу показали, что конфигурация политических сил и предпочтений в российском обществе стала более сложной, однако основные идеологические массивы сохранились. Приверженцы левой, коммунистической (во всех ее разновидностях) идеологии по-прежнему составляют около 30 % электорально активных российских граждан; либерально-демократический лагерь в лице

²⁶ См.: Клямкин И.М. Советское и западное: возможен ли синтез? // Политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 75-95.

"Яблока" и Союза правых сил – приблизительно 14 %. Но доминирующие идеологические позиции заняли политические партии и объединения, использующие риторику государственничества, державности и некоммунистического патриотизма, каковым, по сути, является национализм. Избирательное объединение "Единство" ангажирует себя как правоконсервативная политическая сила и ориентируется на президента В. Путина.

Идеологические разломы проходят через все категории достатка, все уровни жизни. И коммунисты, и националисты, и демократы есть как в среде самых богатых, так и в среде самых бедных граждан нынешней России. Это дополнительно усложняет всю систему политических конфигураций, от дальнейших превращений которой зависит будущее страны.

Примечательной особенностью идеологического раскола в российском обществе является его *персонификация*. Корни этого явления кроются не только в особенностях российской политической культуры, но и в специфике слабо структурированного переходного общества, где избирателю приходится выбирать между партийными программами, которые очень часто дублируют (и не могут не дублировать) друг друга. Только будучи персонифицированными, оттенки партийных различий могут быть уловлены массовым сознанием. Но персонификация не просто дифференцирует различия в ориентациях полярных групп, но и усиливает их. Так, по данным социологических исследований, разрыв между поклонниками Е. Гайдара и Г. Зюганова глубже, чем между приверженцами демократов и коммунистов²⁷. По-видимому, личность лидера еще долго будет играть в глазах избирателей заметную большую роль, чем идейно-политическое течение, которое он олицетворяет, или название партии, которую он представляет.

Вместе с тем постепенно просматриваются симптомы менее идеологизированных и более прагматичных общественных настроений в условиях нового, "послеельцинского" этапа общественного развития России. Очевидно, размежевание политических предпочтений в нем будет не столь однозначным, как сегодняшнее, но гораздо более сложным. Постсоветский человек все еще остается во многом homo ideologicus, и говорить о рационализации его сознания пока рано. Однако российские "рационалисты", пока еще немногочисленные, уже сегодня выделяются на фоне других групп своим стремлением примирить интересы конкурирующих хозяйств, укладов и отраслей, равно как и желанием согласовать идею

²⁷ См.: Клямкин И.М., Лапкин В.В. Дифференциация ориентаций в российском обществе: факторы влияния // Политические исследования. – 1994. – № 6. – С.111.

экономической эффективности с идеей немилитаризованного порядка (т.е. жесткой финансовой дисциплины при одновременном неиспользовании армии в политике).

Расклад политических сил и идеологических ориентаций в России некоторые авторы и сегодня пытаются анализировать преимущественно в рамках идеологического кливажа "демократы – коммунисты". На самом же деле давно назрела потребность в более глубоком постижении сущности основных контрагентов идеологического конфликта и стоящих за ними слоев и групп. Уже в 1995 г., по мнению Б.Г. Капустина, речь могла идти о конфликте между левым (в лице КПРФ) и правым (в лице тогдашней "партии власти" – НДР), *консерватизмом*, включая их электорат. Левый консерватизм как интегральное политико-идеологическое качество КПРФ не антисистемен по отношению к государственно-олигархическому капитализму, но *функционально необходим* для того, чтобы этот строй был осуществим на практике. "В этом смысле левый консерватизм КПРФ связан с правым консерватизмом нынешней "партии власти" отношениями взаимодополнительности, а конфликт между данными видами консерватизма "работает" на вызревание и отлаживание этого строя. Вместе с тем этот конфликт серьезный и "всамделишный". В центре его вопрос: какие элементы государственно-олигархического капитализма получают приоритет, какие грани предстанут более выпукло? Это зависит от того, получают ли идеологическое и политическое выражение общественные группы, не "вписывающиеся" в тот вариант данного строя, который непосредственно отвечает интересам нынешних обладателей собственности и власти, т.е. в вариант правого консерватизма"²⁸. По мнению автора, такое вписывание вовсе не обязательно предполагает революционное опрокидывание правоконсервативного варианта, но непременно предусматривает его "расширение", что только и делает его практически осуществимым. За это и идет реальная борьба, идеологическое оформление которой лишь маскирует сущность происходящего.

Справедливость таких оценок подтвердили президентские избирательные кампании 1996 г. и 2000 г., когда риторика двух основных кандидатов была обращена прежде всего к электорату противника. Альтернатива Г. Зюганову в лице Б. Ельцина формулировалась преимущественно в дискурсе антикоммунизма, хотя звучали и "левые" ценности – спра-

²⁸ См.: Капустин Б. Левый консерватизм КПРФ (и его роль в современной политике) // Независимая газета. 1996. 5 марта.

ведливость, сильная социальная политика и т.п. Риторика В. Путина была выдержана преимущественно в умеренно-консервативной тональности, с акцентом на патриотизм, державность, социальную солидарность, борьбу с бедностью. Объектом этой риторики был "коммунистический" электорат, "униженные и оскорбленные" (по словам Зюганова), *определенная культурная общность*, которая не является ни классом, ни сословием, ни конфессией, ни даже группой давления. "Это и есть консервативная культурная ориентация, с особой силой (но... в ограниченном социальном пространстве) проявляющаяся в определенных исторических ситуациях, характеризующихся прежде всего высокой динамичностью", – пишет Б. Капустин²⁹. Поддержка компартии и есть ситуативная реакция данной культурной общности на динамику событий, происходивших в России и мире после 1991 г. Однако справедливо и обратное утверждение: сама эта культурная общность образована данной ситуативной реакцией.

Отмеченные тенденции позволяют сделать вывод о том, что идеологическое размежевание в современном российском обществе проходит по линии *социальной интенциональности реформ*, т.е. их смысла, социального характера, методов, а главное – содержания и социально-цивилизационных последствий. Зависимость политических ориентаций от экономических не столь велика, как можно было бы ожидать в условиях кризиса, политические представления обладают высокой степенью автономии и развиваются во многом по своей собственной логике. Все более заметное влияние на них начинают оказывать другие факторы, в частности нравственные. По мнению ряда авторов, основному противоречию современного российского общества присущ не столько социально-классовый или политический, сколько *нравственный*, даже *этический характер* – между сохранившимися коллективистские установки "советскими" и усвоившими индивидуалистические ценности "новыми русскими".

"Новые русские" вырабатывают или заимствуют мораль, призванную оправдать свое социальное происхождение по отношению к другим классам, слоям, социальным группам российского общества. Никогда еще моральный нигилизм не достигал такого вызывающего масштаба. Лексикон, с помощью которого охарактеризованы те, кто не принадлежит к их кругу, несет на себе неизгладимый отпечаток социального снобизма. Это раскалывает общество, способствует возникновению в нем атмос-

феры враждебности, духа конфронтации, особенно в условиях, когда имущественное и социальное расслоение и так уже приобрело крайне болезненный характер. Как никогда прежде, сегодня тесно переплелись социально-политические и духовно-нравственные, религиозные в своих основаниях проблемы.

Социальный снобизм – одна из опаснейших патологий общественного сознания. Пораженная болезнью часть общества перестает правильно воспринимать окружающую действительность, строит свою политику и деятельность на ложных, ошибочных посылах. В современной России это одна из главных причин того, что в обществе ширится раскол, а отношения между различными общественными слоями приобретают все более конфронтационный характер, угрожая массовой деморализацией.

Культурный раскол в обществе подтверждают и результаты выборов последних лет в плане электоральной географии. Из них явствует, сколь далеко разнятся политические предпочтения жителей городов-мегаполисов – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга – и всей остальной России. Города-столицы – средоточие административно-политической, финансовой, военной элиты, теряющей популярность и поддержку в массах, все больше воспринимаются как *инокультурные центры*, не выполняющие столь необходимую обществу интегративную функцию.

Таким образом, конфликты политических культур как совокупностей различных ценностей, норм, способов политической жизни отличаются большим многообразием, чем иные типы политических конфликтов. Они имеют особую природу, сложную для урегулирования на основе взаимных уступок и компромиссов. Вместе с тем различия культур, в том числе и политических, нельзя считать изначально конфликтогенными. Формирование на базе культурных различий мобилизованных групп – субъектов политических конфликтов – происходит под воздействием множества различных факторов, особенно политических, и ни в коей мере не является предопределенным. Здесь, как ни в одном другом типе политического конфликта, решающая роль остается за социальным управлением, призванным упреждать назревающие противоречия и регулировать само протекание конфликта в цивилизованных, правовых рамках.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. При каких условиях возникают конфликты культур?
2. В чем проявляются конфликты культур в политической сфере?

²⁹ См.: Капустин Б. Левый консерватизм КПРФ (и его роль в современной политике) // Независимая газета. – 1996. – 5 марта.

3. Какие политические культуры конфликтуют в современной России?

4. Прав ли С. Хантингтон, утверждая, что XXI век будет веком столкновений цивилизаций?

5. Какими методами можно предупреждать, регулировать и разрешать конфликты культур вообще и политических в особенности?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахиезер А.С. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 44-51.

2. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М., 2000. – Глава 4. Причины конфликтов. – Глава 6. Конфликт ценностей. – С. 85-88.

3. Зеркин Д.П. Основы конфликтологии. – Ростов н/Д., 1998. – Лекция 6. Правовой конфликт. – С. 242-276.

4. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI в. (Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных конфликтов) // Политические исследования. – 2001. – № 6. – С. 131-139.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33-48.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Предложенные выше основные типы политических конфликтов – государственно-правовые, статусно-ролевые, конфликты политических культур – не исчерпывают всех возможных способов их систематизации. Исходя главным образом из природы того или иного конфликта, такой типологический подход ориентируется прежде всего на причины и условия возникновения конфликтных групп. Формы же протекания конфликта остаются вне внимания исследователя. Поэтому было бы уместным, на наш взгляд, уделить определенное внимание функциональным аспектам политических конфликтов как основанию для их классификации. Это позволяет не только обогатить уже известные их характеристики, но и учитывать их при выборе и применении соответствующих технологий регулирования и разрешения конфликтов.

Функциональный аспект политических конфликтов предполагает учет нескольких моментов, связанных с особенностями их протекания. Во-первых, это степень и характер нормативной регуляции конфликтов, позволяющие выделять институционализированные и неинституционализированные (внеинституциональные) конфликты. Во-вторых, функциональная роль последних в политической и общественной жизни – конструктивная или деструктивная. В-третьих, формы, в которых разворачиваются политические конфликты – насильственные или ненасильственные (мирные). В-четвертых, стратегии поведения конфликтующих сторон – субъектов политического конфликта – рациональные или иррациональные. Наконец, степень публичности конфликтов – латентные (скрытые) или явные (открытые).

Первый аспект исходит из существования двух основных моделей общественного устройства – открытой и закрытой, что позволяет выделять системные и внесистемные, или институционализированные и неинституциональные политические конфликты. Критерий их различения, по мнению В.П. Пугачева и А.И. Соловьева, кроется в "способности или неспособности людей (институтов) подчиняться действующим правилам политической игры"¹. Этот критерий в гораздо большей степени проистекает не из способности, а из готовности людей и институтов следовать неким формально-правовым, прежде всего конституционным правилам игры. Кроме того, речь должна идти и о неписаных политических нормах, включая политико-этические: готовность к минимальному сотруд-

¹ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 273.

ничеству, чувство компромисса, признание сложившегося соотношения сил и т.п.

Известно, что демократические общества на Западе по самой своей природе, социально-экономическому и политико-правовому устройству предрасположены к конфликтности как расхождению в предпочтениях, интересах и ценностных ориентациях людей. Зрелая демократия по определению представляет собой в первую очередь вербализованный конфликт, поскольку восприятие оппонента в споре как "другого", но не "чужого", предполагает переубеждение посредством логических аргументов ("вербальных снарядов"), а не физического уничтожения в паравербальном конфликте. Здесь существуют политико-правовые институты, призванные содействовать мирному разрешению конфликта и взаимному поиску зон согласия. Следовательно, можно сказать, что в таких общественных системах конфликты запрограммированы, а институты выступают в роли хорошо спланированных крепостей, обрекающих политическую борьбу на протекание в определенных рамках.

Иначе – в недемократических, закрытых общественных системах. В таких обществах не может быть институциональных механизмов регулирования или разрешения политических конфликтов, поскольку сам изначальный смысл политики здесь сведен к государственному управлению, полностью лишенному публичности. Известная фраза У. Черчилля о "борьбе бульдогов под ковром" не лишена смысла. Она отражает ведущуюся в высших партийно-государственных сферах борьбу за влияние на единоличного лидера партии – государства. Но эта борьба развивается по неписаным и неизвестным обществу законам, хотя определенные "правила игры" для конкурирующих между собой политических группировок существуют. Согласование позиций происходит посредством политического торга между лидерами, стремящимися объединить своих сторонников в организацию, способную к слаженным действиям.

Нередко, в пору ослабления закрытых обществ и их частичного реформирования "сверху", борьба политических лидеров всех уровней становится более открытой, поскольку каждый из них пытается добиться поддержки определенных групп населения путем открытого выдвижения отличающихся друг от друга идеологий. Например, выступления отдельных членов Политбюро ЦК КПСС в 60-х годах имели отчетливую цель ознакомить рядовых коммунистов с существующими в лице А.Н. Косыгина и Л.И. Брежнева различиями в подходе к положению дел в Советском Союзе, к вопросам внешней политики, включая введение войск в Чехословакию в 1968 г. Однако официальный образ такого общества призван демонстрировать монолитное единство правящей элиты, чтобы затуше-

вать вопрос о конкуренции лидеров в ее рядах. Этот образ необходим для сокрытия информации, которая, став известной, дала бы обществу возможность принять чью-либо сторону в конфликтах, раскалывающих правящее меньшинство, и положила бы начало созданию коалиций, нарушающих границы того социального водораздела, который помогает меньшинству сохранять свою сплоченность. Так, в начале 80-х гг., когда ухудшение функционирования экономики обострило конкуренцию внутри правящего меньшинства, усиление споров и разногласий внутри партии – государства нашло свое отражение в политике гласности, т.е. в решении предоставить обществу больше информации. По мере того как общество становилось все более информированным, начали возникать коалиции, нарушавшие существовавший идейно-политический водораздел. Группа М. Горбачева стремилась заручиться поддержкой демократических движений, консерваторы пытались обрести социальную базу в лице движений, подобных Объединенному фронту трудящихся. Прямым следствием нарушения официального образа единства явилась утрата правящим меньшинством способности сохранять сплоченность в организационном плане.

Классификация политических конфликтов на институционализированные и внеинституциональные предопределяет их разное функциональное предназначение для общества. Институционализированные конфликты представляют собой, по образному выражению С. Липсета, "животворящий сок демократии", в том, однако, случае, если они не отравлены и как таковые не уничтожают демократию. Отсюда их цивилизаторская, стимулирующая к развитию общественная роль. Внеинституциональные конфликты чаще всего играют иную, деструктивную роль в обществе, хотя в конечном итоге и они могут оказать на общественное развитие стимулирующее воздействие. Например, крупнейшие классовые конфликты прошлого – буржуазные и пролетарские революции – при всех их издержках выводили общество в модернизационный режим развития. Радикальные цели, которые эти революции провозглашали – полное разрушение существовавшей общественной системы и создание принципиально нового общества – никогда не реализовывались в полном объеме. Кроме того, теория классовой борьбы никогда не сводилась только к разрушению: ее экономическая часть ориентировала на "преодоление" буржуазного общества на основе его собственных противоречий. Поэтому считать политические и социальные революции однозначно деструктивными было бы исторически и теоретически неверно. Необходимо некоторый критерий конструктивности/деструктивности конфликтов, неодинаковый для различных обществ.

По мнению П. Е. Канделя, позитивные функции любого социального конфликта реализуются в рамках отношений и институтов, характерных для демократического, плюралистического общества. В закрытом, монистическом обществе таких институтов и отношений нет. Поэтому социальный макроконфликт, или революция осуществляет в такой системе функции, сходные с теми, которые в плюралистической системе реализуются всею совокупностью институционализированных легитимных конфликтов, начиная от забастовок и кончая парламентскими и правительственными кризисами. Следовательно, выступая в качестве комплексного паллиатива институтов и отношений, свойственных плюралистической системе, макроконфликт в монистической системе сам является ее "неинституционализированным институтом", закономерным и имманентным такой системе. "При всей его катастрофичности, а в конце концов и самоубийственности для данной системы, он остается единственным доступным ей способом саморегуляции и переналадки, наиболее мощным, если не уникальным, источником ее развития, разумеется, лишь экстенсивного"².

Необходимость и даже "благодетельность" макроконфликта в такой системе объясняется посредством сравнения с ситуацией "от противного", т.е. с продолжением тупикового курса без предвещающего ему конец конфликта. Последствия такого развития событий гораздо опаснее для общества, нежели конфликт, "какими бы издержками он ни сопровождался и сколько бы он ни "стоил"³. Существуют, разумеется, и менее дорогостоящие и не столь разрушительные формы разрешения противоречий, сбалансирования интересов, преодоления социального застоя, но в монистической системе, по мнению П.Е. Канделя, они принципиально недостижимы.

Приведенная точка зрения не единична. Как полагает Н.А. Косолапов, объективно, на социальной шкале отсчета и в историческом масштабе времени конфликт является одним из способов регулирования всех видов отношений и движущей силой построения более широких и крупных социальных образований, более высокоразвитых социальных, политических, правовых и иных структур⁴. Весьма абстрактный в содержательном отношении характер этого тезиса допускает такую трактовку, как, скажем, возникновение в результате двух конфликтов мирового

² Кандель П.Е. Социальный конфликт в монистической системе (Опыт теоретического анализа) // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 6. – С. 83.

³ Там же.

⁴ См.: Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 37.

масштаба – первой и второй мировых войн – более интегрированного сообщества наций, объединений государств и т.д. Однако нельзя с полной уверенностью сказать, чья роль здесь оказалась более весомой – конфликта или технологических, экономических, коммуникационных факторов. Кроме того, конфликты в истории выступали движущей силой не только построения, но и разрушения "крупных социальных образований" – империй, союзов и т.п. Иначе говоря, их роль никогда не была однозначно позитивной ни в конкретном контексте, ни в историческом масштабе.

На наш взгляд, оценки отечественных ученых, особенно высказанные до начала мощных дезинтеграционных процессов на территории бывшего СССР, страдают известным идеализмом в отношении функциональной роли конфликтов, соответствуют гегелевскому тезису о "разумности всего действительного". Характерно, что там, где страшные разрушительные последствия распада многонациональных государств проявились значительно раньше, оценки функциональной роли конфликтов оказались более жесткими и определенными. Для сравнения можно привести мнение югославского ученого З. Видоевича о том, что в новом "переходном периоде" от "реального социализма" к периферийному капитализму освобождается в первую очередь негативная энергия общественных конфликтов и проявляется их деструктивный характер⁵. "Нет никакой исторической необходимости в том, чтобы общественные конфликты с преобладающими деструктивными чертами стали факторами строительства лучшего общества, – пишет З. Видоевич. – Если деструктивные черты общественных конфликтов стали их определяющим свойством, то они могут поставить под вопрос саму возможность совместной государственной и наиболее широкой общественной деятельности"⁶. Автор предлагает выделять модернистскую и антимодернистскую функции общественных конфликтов в зависимости от их вида. Под модернизацией в данном случае понимается процесс общественных преобразований, в результате которого менее развитые общества приобретают характерные черты более развитых. Модернизация характеризуется рядом показателей, включая темпы прироста, например, промышленного производства, урбанизации, национального дохода в целом и в расчете на душу населения, показатели уровня образования и грамотности и т.п. Лишь некоторые общественные конфликты ведут, по мнению югославского ученого, к реализации проекта модернизации, в то время как большинство из них противостоит и препятствует модернизации.

⁵ Видоевич З. Общественные конфликты в контексте нового "переходного периода" // Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы. – М., 1994. – С. 54.

⁶ Там же.

С этой точки зрения любопытна оценка З. Видоевичем классовых конфликтов, включая социальные революции. По его мнению, они также потенциально способны выполнять модернистскую функцию, если не превращаются в долговременную и общественно разрушительную классовую ненависть и войну, но опосредованы демократическим регулированием на основе знаний. В последнем случае классовые конфликты способствуют не только прогрессу в развитии производительности труда, но и изменению положения производителей, развитию широкой и основанной на консенсусе демократии, развитию социального государства, формированию системы, основанной не только на социальном, но и политическом плюрализме. В отличие от классовых религиозные и национально-этнические конфликты гораздо чаще играют антимодернистскую, исторически ретроградную роль.

Столь же неоднозначна роль и функции конфликтов между политическими элитами – правящей и оппозиционной, а также конфликты внутри элит, или политические конфликты в узком смысле слова. Они потенциально могут выполнять как модернистскую, так и антимодернистскую функцию в зависимости от участвующих в них сил, от программ, на основании которых они действуют, от результатов, к которым приводят. В конечном счете критерием определения той или иной функции конфликта можно считать следующий: возникают ли условия для диктатуры и тоталитаризма, возвращается ли общество в состояние материальной и политической нищеты и варварства или происходит расширение возможностей свободы и демократии, повышение качества жизни большинства людей.

Конфликты всегда приводят к определенным общественным изменениям, хотя не все изменения являются неизбежным следствием конфликтов. Кроме того, обусловленные конфликтами изменения могут быть и *инволюционными*. Отсюда представляется ошибочной та точка зрения, согласно которой конфликты по своей внутренней "сущности" приводят в большинстве случаев к прогрессивным изменениям, а их инволюционные последствия трактуются лишь как определенный вид "отступления" или "случайности". Исторический опыт показывает, что никакой скрытой "сущности" конфликта, предрасположенной к позитивным изменениям, не существует. Изменения зависят от природы конфликтов, их участников, способов разрешения, обстоятельств, в которых они происходят. Иначе говоря, можно считать, что *конфликты являются движущей силой как прогрессивных, так и регрессивных общественных изменений.*

По мнению большинства исследователей, конфликты, развертывавшиеся в 90-е годы в ряде стран Восточной Европы, СНГ, в России носят

преимущественно *деструктивный характер*, не обеспечивая достижение тех целей, которые необходимы в процессе общественной трансформации и модернизации. "Саморазрушающаяся конфликтность" этих обществ имеет некоторые общие причины. По мнению П. Канделя, нарастание конфликтности в этот период является результатом совпадения, наложения и переплетения двух тенденций. С одной стороны, это результат достигшего максимальной остроты и глубины кризиса монистической системы, тяготеющего к социальному макроконфликту. С другой – это проявления зарождавшейся плюралистической системы, для которой конфликты органичны, нормальны, закономерны и внутрисистемны. "Задача состоит в том, чтобы развести эти две тенденции, ибо само их совмещение многократно умножает силу конфликтов, – пишет П. Кандель. – В историческом зазоре между полуразрушенной монистической системой и едва начавшей строиться плюралистической это придает конфликтам преимущественно деструктивную направленность, в то время как позитивный их эффект пока используется лишь в малой мере"⁷. Позиция автора отражает весьма распространенную в конце 80-х гг. в отечественной науке точку зрения, что с распадом и исчезновением остатков старой системы сразу же проявится конструктивный потенциал конфликтов. Подобно облегченным представлениям об "автоматическом самовосстановлении" гражданского общества после распада тоталитарного государства, оптимистические оценки позитивной роли конфликтов упрощали реальные процессы, недооценивали те факторы, которые самым непосредственным образом определяли формы и характер возникших здесь конфликтов. Не случайно многие конфликтогенные и даже кризисогенные процессы на территории России и бывших республик Советского Союза некоторые авторы до сих пор относят исключительно на счет "социалистического прошлого".

Однако более адекватной происходящему представляется другая методологическая установка, согласно которой в странах Восточной Европы и России сегодня нужно говорить о *новом кризисе*, который в некоторых аспектах глубже кризиса предыдущей системы. Как считает тот же З. Видоевич, неолиберальная парадигма трансформации большинства "постреальносоциалистических" обществ в глобальном итоге (по крайней мере, до сих пор) потерпела неудачу. "Реальносоциалистический догматизм и принудительный мессианиззм, как идеологические первопричины самообмана и внутреннего разложения системы, заменены неолибе-

⁷ Кандель П.Е. Социальный конфликт в монистической системе (Опыт теоретического анализа) // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 6. – С. 86.

ральным догматизмом – новым принудительным "осчастливливанием" и надменностью силы, ведущим большинство этих обществ к регрессу, а согласно некоторым авторам, и к социальному опустошению"⁸. По мнению автора, регресс этих обществ с возможностью тяжелых внутренних потрясений происходит на фоне двух поражений: *того* "реально-социалистического" и *этого* "неолиберального". Глобальным результатом общественных преобразований в этих странах стало, на его взгляд, жестокое первоначальное капиталистическое накопление и их неокOLONиальное положение. В этом таится угроза восстановления (или возникновения) социализма – прежде всего в авторитарном виде – как одна из структурно обусловленных массовых реакций на существующее положение.

Обобщая, можно заключить, что конструктивные или деструктивные функции конфликтов в нынешних переходных обществах являются производными не только тех социальных систем, в рамках которых они возникают, но и способов преобразования этих систем. Политические элиты, осуществляющие политические и социально-экономические реформы, далеко не всегда находят адекватные национальным условиям формы, способы, темпы их осуществления, что не только не снимает деструктивный конфликтный потенциал, приведший к кризису старой системы, но и многократно умножает его.

Между тем конфликт как форма взаимодействия между социальными группами, предполагающая обмен благами и функциями, корректировку интересов и отношений таким образом, чтобы возникала система обратных связей, может и должен выполнять важную *интегративную функцию* в обществе. Конфликтная система в ее умеренной форме, с регулируемыми и институционализированными конфликтами более устойчива во времени, чем система, основанная на подавлении интересов различных групп. В отличие от последней, она обеспечивает *вариантность форм развития*, способствует вызреванию *альтернативных решений* важнейших проблем. Конфликтность легитимирует существование различных групп интересов, способствуя становлению новых групп, и открывает путь для структурных перестроек и смены ориентаций всего общества в целом. Взаимодействие равноправных конфликтующих субъектов обеспечивает гибкость общественной организации и ее высокую адаптационную способность по отношению к воздействиям внешней среды. В этом плане конфликтное взаимодействие нередко более предпочтительно, чем другие формы контактов социальных субъек-

тов, включая кооперацию, поскольку последняя может нести в себе опасность "институционального склероза".

Институционализация конфликтов дает возможность каждой группе преследовать свои групповые интересы, которые, однако, ограничиваются интересами других групп. Опасность столкновения доминирующих групп с новыми контрагентами вынуждает и тех, и других корректировать и рационализировать свои интересы, сокращает отрыв последних от реальности, поскольку такой отрыв неминуемо приносит потери при взаимодействии с другими группами. Интегративная и обучающая (информирующая) функции конфликтов настолько существенны для модернизации, что она оказывается недостижимой для тех обществ, в которых пытаются подавлять внутренние конфликты.

Деструктивный характер многих современных конфликтов нередко определяется их *формами*. Сегодня это преимущественно насильственные формы, подчиненные быстрому достижению целей вне зависимости от применяемых средств. Критерий "*насильственные / ненасильственные*" особенно важен в политике, поскольку сила, включая военную, входит в число главных политических ресурсов и соблазн ее использования очень велик.

В насильственных социальных и политических конфликтах, тем более вооруженных, существует непрогнозируемое действие логики конкретной ситуации. Ряд случайных факторов и обстоятельств могут превратить бескровное насилие в кровавый конфликт. Эти две формы насилия имеют *качественные отличия*. Кровавое насилие может произойти прежде всего в ситуациях, когда накапливается оружие, усиливаются угрозы и опасения со стороны конфликтующих групп, когда принимаются ошибочные решения, особенно властями или политическими руководителями сторон, которые приводят к массовой гибели и уничтожению народов, конфессиональных объединений, классовых, политических группировок и т. д.

Приметой насильственных конфликтов последнего времени является то, что почти все они носят характер "профессиональных", то есть их инициаторы и исполнители организуются по избирательному принципу политических коалиций, вооруженных групп или даже регулярных армий, которые выступают от имени "народа", "нации". Чаше всего это обычные верхушечные объединения, узурпировавшие право на выражение интересов народа, но далеко не отражающие индивидуальные стратегии тех, кто этот народ составляет. Однако эти "профессионалы конфликтов" способны мобилизовать широкий круг их участников различными средствами, в том числе и через логику коллективного поведения. Нередко мобилиующим фактором выступает сам насильственный характер конфликта.

⁸ Видюевич З. Возвращение социализма? // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 91.

Обилие конфликтов в постсоветском пространстве можно объяснить совокупностью различных факторов. Но насилованный характер многих из них проистекает в основном из двух источников, которых вполне достаточно для порождения трагических потрясений. Первый источник – это непрофессиональное управление по причине прежде всего низкого уровня моральных и гражданских качеств лидеров и слабого контроля за ними со стороны общества и государственных институтов. "Командирский стиль и лжетоварищество... продолжают преобладать в общении высших управленцев. Один министр или местный лидер создает "горячую точку" или чрезвычайную ситуацию, другой министр ее устраняет", – пишет этнополитолог В. Тишков⁹.

Второй источник – это обилие оружия и самонадеянность силы. Высвободившиеся из-под контроля огромные арсеналы физического уничтожения почти мгновенно сформировали на почве подавлявшихся эмоций, завышенных ожиданий и низкой морали новую, "калашниковскую культуру". "Ее суть проста – границы, конституции, права, доходы, образ жизни устанавливаются не через договоренности и компромиссы, а личной волей, через силовую победу над несогласными, будь то оппозиционные парламенты в Москве или Грозном или неустраивающие системы соподчинения и перераспределения власти"¹⁰. Обладание силой и ее неиспользование при управлении и разрешении человеческих коллизий оказалось непосильной задачей для нынешних активистов постсоветского политического пространства.

Однако синдром насилия не является общемировой закономерностью. В ведущих странах Запада – во Франции, ФРГ, США – социологи отмечают нарастание тенденции к вытеснению насильственных форм конфликтов ненасильственными. В связи с тем что издержки насильственных конфликтов слишком высоки, их стремятся свести к конфликтам ненасильственного типа, например лоббизму или судебным тяжбам. В общественном и массовом сознании постепенно укореняется представление о чрезвычайной степени разрушительности современной технологии насилия, что исключает ее применение. Общество сегодня просто не в состоянии выдерживать внутреннюю борьбу в тех масштабах, как это было в прежние времена. Иначе говоря, в нынешних условиях позволить себе гражданские войны или партизанские движения могут только слаборазвитые или развивающиеся страны. Прогресс цивилизации вынуж-

дает как отдельные личности, так и организации воздерживаться от насильственных действий и укрепляет монополию государства на узаконенное насилие.

Вместе с тем существует несколько исключений из общей тенденции к снижению насилия в развитых индустриальных странах. Во-первых, это преступность, процветающая в городах-мегаполисах, особенно в США. "Уровень насильственных преступлений колеблется вместе с размерами следующих друг за другом когорт несоциализированных подростков мужского пола, но число убийств, ограблений и изнасилований резко возросло после 1960 г. в Соединенных Штатах и не проявляет какой-либо определенной тенденции во Франции", – пишут социологи К.-О. Хондрих и Т. Каплоу¹¹. Создавая специфические криминогенные условия в рамках определенных регионов, государство неумышленно противодействует общесоциетальной тенденции к сокращению насилия.

Другим важным исключением из этой тенденции в последние десятилетия является значительное увеличение масштабов применения средств насилия, монополизированных государством, и смертности от этих средств. Сдерживающие факторы, которые ограничивают применение насильственных методов внутри страны, не относятся к использованию силы вне ее. В то время как системы взаимного сдерживания защищали основные индустриальные страны друг от друга на протяжении почти столетия, они не служили препятствием для ведения этими странами военных операций в десятках стран третьего мира, начиная с Кореи и кончая Ираком. Сегодня от этого не застрахован не только развивающийся Юг, но и реформирующийся Восток. По мнению А.С. Панарина, вытеснение Западом импульсов насилия вовне однотипно с вывозом токсичных производств и жестких технологий. "Речь идет о "сбрасывании энтропии" во внешнюю среду, на окраину западной ойкумены. Поэтому культурная дискредитация Востока, "азиатчины" может быть оценена как попытка легитимации того сбрасывания шлаков цивилизации, в котором, по крайней мере до сих пор, так нуждался Запад"¹².

Определенным исключением из тенденции к снижению насилия в конфликтах являются массовые движения в развитых странах – студенческие волнения 60-х, антиядерные демонстрации 70-х, экологические протесты 80-х годов. Нередко они сопровождались риторикой насилия

⁹ Тишков В.А. Амбиции лидеров и надменность силы. Заметки о чеченском кризисе // Свободная мысль. – 1995. – № 1. – С. 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хондрих К.-О., Каплоу Т. Тенденция возникновения и урегулирования конфликтов: сравнительный анализ ситуации в США, Франции и Германии // Социология конфликта. Проблема конфликта в западной социологии. – Н. Новгород, 1994. – С. 31-32.

¹² Панарин А.С. Введение в политологию. – М.: Новая школа, 1994. – С. 220.

(а иногда и не только риторикой, особенно в 60-е годы), но в целом это не нанесло серьезного ущерба ни отдельным лицам, ни государству. Таким образом, тенденция к замене откровенного насилия другими способами решения конфликтов в развитых индустриальных странах во второй половине XX в. стала очевидной. Исчезли кровавые и затяжные забастовки предыдущих десятилетий, возникло сильное нормативное давление, способствующее снижению уровня насилия в семье, школах, на производстве и в политике.

Примером может служить Федеративная Республика Германия. В первой половине XX в. история этой страны была отмечена попытками революционных переворотов, уличными боями между правыми и левыми в период существования Веймарской республики, терроризмом, поддерживавшимся государством во времена нацизма и общим крахом порядка внутри страны в последние дни второй мировой войны. Однако куда менее интенсивны те несколько вспышек общественных беспорядков, сопровождавшихся насилием, которые произошли с тех пор преимущественно против рабочих-иммигрантов.

Данные о конфликтах в Германии, собранные Йельской Программой всемирных данных, показывают, что вспышки насилия происходили достаточно часто в период между 1948 и 1952 гг., когда институциональное регулирование конфликтов было еще слабым. Затем наметился спад, а потом новый подъем, связанный со студенческими антиавторитарными демонстрациями 1968–1972 гг., а также антиядерными и "зелеными" демонстрациями в 1978–1982 гг. Вместе с тем лишь около 4 % последних политических демонстраций сопровождалось насильственными действиями. Во Франции и США подобные же тенденции развиваются практически параллельно, за исключением того, что частые и затяжные забастовки во Франции в 50–60-е годы стали редкими и кратковременными и частота насильственных столкновений в сфере трудовых отношений в американском обществе упала практически до нуля. Ряд важных массовых протестов имел место во Франции по поводу проблем образования и региональных проблем в 80-е годы, но они в основном не сопровождались насилием. В США в летние периоды второй половины 60-х годов имели место десятки крупномасштабных конфликтов на расовой основе, сопровождавшихся множеством насильственных акций, однако с тех пор вспышки на расовой почве носили более ограниченный характер¹³.

¹³ Хондрих К.О., Каплюу Т. Тенденции возникновения и урегулирования конфликтов: сравнительный анализ ситуации в США, Франции и Германии // Социология конфликта. Проблема конфликта в западной социологии. – Н. Новгород, 1994. – С. 34.

Насильственный характер конфликта не сводится к какому-то одному его типу (например, статусно-ролевому на этнической основе). В предельном случае любой конфликт, даже внутрипарламентский, может принять насильственную форму. Однако существует обширный класс конфликтных ситуаций, где легче избежать насилия и найти эффективные компромиссные решения, включая взаимовыгодные кооперативные соглашения. Таковы, например, трудовые конфликты, связанные с различием экономических интересов, экологические конфликты и т.п. Их обычно называют *мнимыми*, имея в виду то обстоятельство, что существует возможность их урегулирования рационально, т.е. разумным путем, к обоюдной выгоде сторон. Естественно, что и в этом случае каждому из субъектов конфликта придется чем-то поступиться, но в итоге такой компромисс окажется желаемым для всех его участников.

Рациональное поведение субъектов конфликта может быть проликовано различными переменными. С одной стороны, это определенный уровень их образованности, предполагающий – помимо прочего – знание принципов анализа конфликтных ситуаций, и желание найти рациональное решение на основе рассудка, а не эмоций. Очень многие конфликты в сегодняшнем мире не находят своего разумного разрешения из-за элементарного незнания возможностей отыскания компромиссов. По мере того как люди начнут лучше понимать суть конфликтов и способы их преодоления, могут быть найдены удовлетворительные компромиссные соглашения.

Но одного знания механизмов развития конфликтов недостаточно. Специалисты в области цивилизационного анализа обращают внимание на то, что на характер протекания конфликтов большое влияние оказывает тип политической культуры. Так, в западной политической культуре получило преимущественное развитие целерациональное, говоря словами М. Вебера, измерение групповой политической активности, сформировался рациональный культурно-исторический тип. Не касаясь причин возникновения такой формы массового сознания, следует подчеркнуть, что западная политическая культура преимущественно партийна и деперсонализирована, для нее характерно скрупулезное соизмерение целей и средств, что проявляется и в электоральных процессах, и в других формах массового политического участия. Склад сознания, доминирующий у большинства западноевропейских народов, отличается функциональным отношением к политике. Например, избирателю важно не столько то, кто представляет его в парламенте и правит от его имени страной, сколько как представляет и каким образом правит. Харизмати-

ческие моменты власти здесь выражены слабее, чем, например, на Востоке. Западные избиратели требуют от политиков объяснения своих программ и демонстрации методов управления. "Избиратель ищет не наиболее знающего и могущего "врача общества", но самое надежное и приятное на вкус "политическое лекарство", причем для лечения болезни, диагноз которой он, как считает, знает", – пишет А.Б. Зубов¹⁴. Те политики, которые обещают ему такое "лекарство", и получают поддержку на выборах.

На Востоке преобладает иной, ценностно-рациональный культурно-политический тип. Ценность – вещь более абстрактная и менее рациональная, чем интересы. Последние представляют собой осознанные потребности, сформулированные в виде целей, которые в большей степени "привязаны" к конкретной жизни, к потребностям отдельных социальных групп. Ценности же – в силу своей абстрактности – допускают идентификацию с дистантной, абстрактной общностью ("передовым классом", "прогрессивным человечеством" и т.п.) и предполагают поступки, "безумные" с позиций здравого смысла или инстинкта самосохранения, но оправданные с позиций определенной ценности, представлений о долге, чести, идеале. Группа, выступающая в таком качестве – как носитель забытого или поруганного общественного идеала – может занимать позицию духовного "гегемона", хотя это вовсе не всегда совпадает с ее реальной численностью, материальными ресурсами и статусом в обществе.

Конфликты, возникающие между группами, исповедующими разные ценности, чаще всего окрашены эмоциями, в них доминируют стереотипы оценок и мышления. Переговоры часто не дают никаких результатов, поскольку стороны не способны даже слышать друг друга, а тем более оценивать чужие аргументы. Такие конфликты называют реальными (а не мнимыми), поскольку их рациональное разрешение серьезно затруднено прежде всего их природой, а также восприятием конфликтной ситуации самими участниками. Определение таких конфликтов как иррациональных представляется нам не совсем удачным, поскольку ценностная доминанта не предполагает целиком и полностью аффективного поведения, не подчиненного осознанной норме, но ориентирует на иные, внеутилитарные приоритеты.

Примером реальных, ценностных конфликтов могут служить этнополитические конфликты, наиболее распространенные в Восточной Европе и на всем постсоветском пространстве. Сложность достижения ком-

промисса здесь объясняется не только тем психологическим фактом, что участники конфликта придают огромное значение вопросам идентичности и потому не склонны идти ни на какие уступки. Не меньшую роль играют *стереотипы восприятия*, когда одна из сторон полагает, что уступки, на которые она пойдет по отношению к другой, будут использованы последней в качестве более удобной отправной точки для выдвижения новых требований и получения новых далекоидущих уступок в будущем. "Ни одна из сторон не может пойти на уступки из страха, что другая сторона нечестным образом воспользуется ими", – пишет немецкий этнополитолог К. Оффе¹⁵. Поскольку ценности плюрализма, терпимости и компромиссов в политической культуре восточноевропейских стран почти полностью отсутствуют, а состояние их экономик пока не позволяет переключиться с вопросов идентичности на вопросы материального распределения, местные элиты выбирают этнократическую непреклонность в качестве оптимальной рациональной стратегии. Это находит отклик у избирателей и делает положение элит более устойчивым, хотя этнический редукционизм нередко оказывается ловушкой в решении всех других проблем.

Протекание любого конфликта, даже самого ожесточенного, в известной степени находится под влиянием различных вариантов его завершения. Большинство участников конфликта понимает, что борьба не может длиться вечно, и обдумывает наиболее приемлемый для себя вариант урегулирования. Но на ход конфликта оказывают влияние различные, в том числе и случайные факторы, что может приводить к его обострению (либо, напротив, к смягчению). В числе таких факторов – необходимость быстрой реакции на неожиданные изменения, например, информацию о других участниках конфликта или собственных альтернативах поведения. Кажущаяся быстрой, решительной и закрытой реакция легко становится от этого иррациональной. Шансы рационального, открытого переговорному процессу конфликтного поведения падают в том случае, если конфликт:

а) рассматривается как "игра с нулевой суммой", когда участники интерпретируют каждое преимущество (победу) противника как собственную потерю (поражение);

б) когда недоверие столь велико, что взаимные шансы в информации не используются;

¹⁴ Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. – М.: Наука, 1990. – С. 209.

¹⁵ Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Политические исследования. – 1996. – № 2. – С. 44.

в) когда конфликтующие стороны полагаются на рискованные для них самих угрозы, оставляющие противникам выбор только между низвержением и массовой обороной. Это может происходить не только в этнических, конфессиональных и других культурных конфликтах, где оспариваются ценности, но и тогда, когда протекание конфликта сильно зависит от случайностей (например, отсутствия согласованной позиции в рядах той или иной конфликтной группы).

Политические конфликты, имеющие этническую природу, нередко еще называют *"тупиковыми"*. По мнению английского социолога Дж. Энгью, *"тупиковость"* нельзя рассматривать как результат ряда объективных обстоятельств, которые предположительно существуют вне и независимо от вовлеченных в конфликт сторон. *"Скорее... "тупиковость" имеет социальную природу; она обусловлена поведением самих сторон, задействованных в конфликте, по мере того, как они объективируют в нем свои интересы, ставки и цели"*¹⁶. Свою лепту в нарастание *"тупиковости"* вносит процесс неадекватной аргументации участвующих в конфликте сторон, противоречие в дискурсах и т.д. Но главными параметрами, в которых проявляются такие конфликты, являются пространственные и темпоральные (временные). В этнических конфликтах встречные территориальные притязания и их кумулятивное нарастание рожают оппозирующие интересы, которые объективно разводят участников по разные стороны баррикад. Так, существует только один *"Иерусалим"* и для палестинцев, и для израильтян, за который они ведут борьбу между собой. Квинтэссенция ближневосточного конфликта состоит в том, что две нации борются за одну и ту же землю, которую каждая из них считает своей. При этом каждая из сторон ссылается на историю, находя там подтверждение своей правоте, и на религию, хотя в действительности речь идет вовсе не о религии: она используется лишь как политический аргумент или инструмент для достижения политических целей. Периодически достигаемые успехи и новые неудачи на пути ближневосточного урегулирования подчеркивают роль и значение психологических факторов, и прежде всего взаимного чувства враждебности как одной из основных причин продолжающегося кризиса в этом регионе¹⁷. Попытки же рацио-

¹⁶ Энгью Д. За пределами рациональности. Пространственные и временные источники этнических конфликтов // Социология конфликта. Проблема конфликта в западной социологии. Н.Новгород, 1994. – Вып. 2. – С. 65.

¹⁷ См.: Шрайберг Ф., Вольфзон М. Ближний Восток, история и структура конфликта // Региональные и локальные конфликты: история и современность. Реферативный сб. – М., 1989. – С. 155-168.

нального решения проблемы – например, по принципу *"Мир в обмен на землю"* – успеха пока не принесли.

Другой параметр таких конфликтов – временной – означает, что *"тупиковость"* прямо пропорциональна их длительности. Чем продолжительнее конфликт, тем ярче выражена его кумулятивная природа: появляются новые притязания материального порядка, новые символическо-сакральные ценности, новая и овеществленная внутригрупповая агрессивность, преобразование конкурирующих интересов в результате принесенных жертв в противоборствующие принципы. Примером может служить конфессиональный конфликт в Северной Ирландии между протестантским большинством и католическим меньшинством, который породил процесс усиленного поиска национальной идентичности посредством резкой сегрегации и взаимоисключающих территориальных притязаний. Продолжительность этого конфликта не только не снижает его потенциал, но и периодически провоцирует новые обострения.

Критерий *"рациональности / иррациональности"* конфликтов в последнее время привлекает к себе пристальное внимание отечественных исследователей. Некоторые из них (например, Н.А. Косолапов), предлагают считать его основным для типологии конфликтов постсоветского пространства, учитывая их цели и задачи, а также внутреннюю политико-психологическую природу¹⁸. По его мнению, конфликт как самоцель всегда произведен от более широкой общей предрасположенности субъекта к конфликтному поведению как особенности, характерной для данного субъекта вообще или на определенных этапах его внутренней эволюции. Поскольку такому субъекту важен не столько определенный конфликт и тот или иной его исход, сколько *сама возможность вести себя конфликтно*, его действия порождают иррациональные или тяготеющие к иррациональным конфликты.

Такое конфликтное поведение может иметь разную мотивацию, предопределяющую разновидности этого класса конфликтов: как способ и средство групповой самоидентификации; как следствие неосознаваемой потребности в компенсации каких-то мощных общественных, психологических комплексов; как следствие избранного типа и содержания социально-исторической роли и т.д. Современная российская конфликтность дает немало подтверждений этим теоретическим посылкам. В частности, абсурдным выглядит полное игнорирование менталитета чеченс-

¹⁸ См.: Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 35-47.

кого народа в военном конфликте на Северном Кавказе. "Это непростительное незнание социально-психологических ориентаций горских народов обернулось сплочением разнородных сил вокруг Дудаева, – пишет Ж. Т. Тощенко. – Именно преступное игнорирование менталитета чеченского народа обеспечило мобилизацию многих сил не только внутри, но и вне Чечни (например, студенчества на Северном Кавказе) на сторону дудаевского режима"¹⁹.

Немаловажную роль в ожесточенности чеченского сопротивления играло то обстоятельство, что чеченцы, как один из крупных и наименее ассимилированных русской культурой народов в составе России, пережили в сравнительно недавней истории драматические события, в том числе и трагедию коллективной депортации. Это породило в них чувство попранного достоинства и потребность – особенно среди активных социальных элементов – в крайних формах самоутверждения. Этого не смогли понять ни государство, ни российская общественность. По словам В.А. Тишкова, в программах либерализации и демократических преобразований не нашлось места "хотя бы для символических действий по терапии этой глубокой коллективной травмы"²⁰.

Наконец, сыграли свою негативную роль личные амбиции лидеров, иррационализм их решений и действий. Вряд ли можно согласиться с мнением Президента Б. Ельцина, что все мирные средства урегулирования к декабрю 1994 г. были исчерпаны. Многие из того, что обязана была сделать государственная власть в таком случае, сделано не было, начиная с 1991 г. Излишняя эмоциональная амбициозность и отсутствие культуры самоограничения у российского и чеченского лидеров стали наиболее трагическим субъективно-личностным (но крайне важным) моментом в эскалации кризиса до его высшей, военной стадии. Можно лишь сожалеть, что никаких положительных уроков извлечено не было, и нынешняя "вторая чеченская война" во многом воспроизводит ошибки первой.

Таким образом, учет функциональных аспектов политических конфликтов позволяет несколько обогатить их общую картину, исходя из стратегий поведения конфликтующих групп. Такие стратегии могут быть насильственными и ненасильственными, рациональными и иррациональными, осуществляться в институализированных и внеинститу-

¹⁹ Тощенко Ж.Т. Чеченский кризис: человеческий потенциал проблемы // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1995. – № 10. – С. 152.

²⁰ Тишков В.А. Чеченский кризис: идейные и социальные факторы // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1995. – № 10. – С. 146.

циональных рамках, носить скрытый (латентный) и открытый характер. Последняя характеристика лучше всего прослеживается в динамике политического конфликта, о чем речь пойдет в следующей главе. В отличие от основных типологических моделей, предложенных выше – государственно-правовых, статусно-ролевых, конфликтов политических культур, ориентированных в первую очередь на исследование механизмов формирования конфликтных групп и их природу, функциональные аспекты акцентируют внимание на поведении сторон-участниц и роли конфликтов как неотъемлемого атрибута общественной жизни. Повседневная политическая практика показывает, что поведенческий компонент в политических конфликтах зачастую доминирует над его содержательно-предметными слагаемыми, и имеет тенденцию к нарастанию. Особенно наглядно это проявляется в политической жизни ряда восточноевропейских стран, России, государств СНГ. Правящие элиты этих стран явно или неосознанно провоцируют конфликтные ситуации, осуществляя неадекватную общественным нуждам политику, запоздало и неумело реагируя на порождаемые ею конфликты. Привычным становится взаимное нежелание искать разумные компромиссы, консенсусные варианты решения спорных проблем. Отсюда не снижающаяся, а возрастающая конфликтность всей системы социальных отношений, политические кризисы, перманентная политическая нестабильность, свойственные политической жизни большинства государств постсоветского пространства.

Сложность типологии политических конфликтов заключается помимо прочего и в том, что психолого-идеологическая атмосфера, которую формируют для своей легитимации противоборствующие силы, застилает реальные истоки, смысл конфликта, подлинные позиции его участников. Для понимания сущности и типа конфликта принципиально важно разделять, с одной стороны, *онтологию конфликта*, его реальную природу, содержание, исторический смысл, а с другой стороны – *идеологическую позицию его субъектов*. Идеологическая идентификация политического конфликта чаще всего не совпадает с его реальным содержанием. Поэтому вряд ли следует типологизировать политические конфликты по идеологическим позициям противоборствующих сил. Более надежна типологизация по объективному содержанию конфликта, но с учетом и идеологических факторов.

Ни одна типологическая концепция не может претендовать на монопольную истину. Предложенные здесь типы конфликтов есть обобщение их многообразных реальностей. Однако любой политической конфликт может совмещать в себе признаки нескольких типов. Это наблюдается и

в современной России. Практическое регулирование, разрешение того или иного конфликта успешно только там и тогда, где и когда усилия сосредотачиваются на доминантных типологических характеристиках – природе, источниках, субъектах конфликта – и на этой основе учитываются вторичные комплексы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что понимается под функциональными аспектами политических конфликтов?
2. Охарактеризуйте институционализированные и внеинституциональные политические конфликты. Каково их функциональное предназначение для общества?
3. Почему большинство конфликтов в 1990-х годах XX века в Восточной Европе, государствах СНГ, в России носили деструктивный характер?
4. Что понимается под формами конфликтов? Почему многие конфликты на постсоветском пространстве носят насильственный характер?
5. Как отличить рациональный ("мнимый") конфликт от иррационального (подлинного)? Какой критерий типологии взят за основу в этом случае?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дарендорф Р. Тропы из утопии: Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.Л. Близнакова. – М., 2002. – С. 359-376.
2. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социополитический анализ. – М., 2000. – 328 с.
3. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М., 2000. – С. 180-201.
4. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1996. – 286 с.
5. Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000. – 208 с.
6. Конфликтология / Под ред. А.С. Кармина. – СПб., 1999. – С.63-93.
7. От нетерпимости к согласию. Проблемы перехода от гражданского и религиозного противостояния к веротерпимости и общественному согласию. – М., 1999. – 320 с.
8. Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 2000. – 240 с.
9. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. – М., 2001. – 552 с.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Субъекты политических отношений и процессов всегда сталкиваются с многомерной проблемой идентификации. Отдавая свой голос в избирательной компании за ту или иную партию, отдавая ей свои предпочтения, гражданин так или иначе психологически и политически идентифицирует себя с ней. Тем более если он вступает в нее, т.е. принимает ее идеологические ценности, программные установки, организационные принципы. Способность социального или политического субъекта воспроизводить себя как некую целостность, определять свою принадлежность к тем или иным стратификационным образованиям (этносам, классам, слоям, партиям и т.п.) в изменяющихся обстоятельствах представляет его социальную или политическую идентичность. Вне идентичности не существует ни один субъект жизнедеятельности, без идентификации, т.е. без фиксирования (эмоционального или рационального) индивидов, группами, объединениями, государствами не разворачиваются никакие процессы в обществе, в международных отношениях, в мировом человеческом сообществе. Социологи П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают: "идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности"¹.

Если социальную идентичность, аспектом или видом которой является идентичность политическая, рассматривать как элемент субъективной реальности, то она представляет собой самообраз социума (на различных его уровнях и в разных формах) в социальной среде и историческом процессе во взаимодействии с другими социумами (нациями, классами, партиями, обществами и т.п.). Идентичность – это прежде всего реальная или мнимая определенность субъекта жизнедеятельности в человеческих отношениях и социальных процессах.

Идентичность многофункциональна. Она фиксирует в сознании и поведении субъекта его устойчивую социальную определенность, ослабление или усиление которой существенно сказывается на психологии и жизнедеятельности ее носителя. Будучи направленной на какой-либо объект: систему социальных отношений или социальную роль, на политические или идеологические системы, – она обладает смыслообразующей функцией и организует мироощущение и жизнедеятельность субъекта по своей шкале ценностей, статусов, приоритетов. Идентичность "задает" установку на конструирование субъективной картины мира. Индивид или

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – С. 279.

группа людей, идентифицирующая себя с какой-либо религиозной конфессией, с политической партией, видит мир в представлениях, понятиях, символах, интересах этой конфессии, политической партии. Супердержава имеет иной образ мировых ситуаций и иную картину общечеловеческого сообщества, нежели слаборазвитые страны. Идентичность является фактором не только самоопределения субъекта, но основой его позиций в многообразных жизненных обстоятельствах и процессах. Идентичность выявляет преэминентность в трансформациях субъекта на разных исторических этапах. Она характеризует способность его воспроизводить себя и определять свое отношение к другим во всех переменных жизни и в многообразных ситуациях.

Отношение к своему прошлому – один из важнейших показателей самодентичности страны в историческом процессе, ее способности воспринимать и принимать свою историю во всех ее особенностях и противоречиях, не отчуждать прошлое от себя настоящей. Бесконечный пересмотр своей собственной истории вместо углубленного сознания ее и освоения исторического опыта – свидетельство социокультурной болезни общества или идентификационной самоопределенности страны, этноса, государства. Но важнее и другой аспект: какое будущее "выбирает" страна, каким оно в идеале видится, к какой системе ценностей и уклада жизни стремятся основные политические силы, какие идеологемы доминируют в их доктринах, в какой мере они закреплены и как закрепляются в массовом сознании.

В политических отношениях и процессах идентичность субъекта всегда противоречива и в кризисные общественные процессы остро конфликтна. Во-первых, каждый субъект политики всегда стоит перед выбором своей позиции, и тем самым он как бы каждый раз себе "выбирает", определяет (каким быть?). Помните монолог Гамлета:

Быть или не быть, вот в чем вопрос.
Достойно ль терпеть удары и шелчки
Обидчицы судьбы иль лучше встретить
С оружием море бед и положить
Конец волненьям?

Выбор далеко не всегда дается легко. Во-вторых, идентичность является объектом – скрытым или явным – противоборства различных социальных и политических сил, если стоит вопрос о судьбах и перспективах страны, государственном устройстве и т.п.

В основе идентификационных конфликтов лежат исходные, онтологические противоречия. Более того, они функционируют, т.е. предопределяют субъективную реальность (оценка объективной обстановки, позиции, направленность и тактику действий) только через противоречия.

Прежде всего, с одной стороны, идентичность предполагает субъекту быть тождественным самому себе в различных ситуациях (и на разных этапах своей истории (или биографии, если речь идет об индивидуе). В противном случае возникает неконтролируемое раздвоение субъекта (как в случае шизофрении) или мазохистское самоотрицание, или неспособность воспринять себя субъектом жизнедеятельности, самоопределиться в многообразии явлений, событий, отношений, процессов.

С другой стороны, субъект в жизненном процессе так или иначе изменяется. Социальные свойства, роли, статусы, ценностные ориентации индивида меняются в зависимости от его возрастных фаз, обстоятельств жизни, личных усилий. То же, но, конечно, сложнее, многомернее происходит и с обществом. На каждом его историческом этапе стране, этносу, обществу необходимо обрести идентичность в соответствии с изменившимися историческими обстоятельствами. Жить, образно говоря, вчерашней историчностью, в чем бы она ни выражалась, значит выпасть из движения времени. Но невозможно (идеологически это нередко делают) оборвать исторические связи с прошлым, с той самой "вчерашней" идентичностью, которая уже не может быть надежной опорой самоопределения в новых условиях. Никакой субъект не равен самому себе в движении времени.

Соотношение способности воспроизводить и вместе с тем видоизменять себя зависит от многих факторов, и его мера, тип выражает идентификационный потенциал субъекта отношений и исторического процесса. В современной общемировой интеграционной динамике сохранение национальной определенности требует очень высокого идентификационного потенциала как для того, чтобы не раствориться в общечеловеческом сообществе, сохранить свое "национальное лицо", так и для того, чтобы модернизироваться, трансформироваться и соответствовать цивилизационному прогрессу.

Вторая группа исходных идентификационных противоречий имеет несколько иной аспект и характер. Если в первом случае речь идет об отношении субъекта к себе, к своей истории и к своему будущему, то во втором – об ориентациях, идентификационных отношениях в окружающем мире. Современная Россия стремится обрести рыночную и демократическую идентичность. Пройден определенный путь: однако, по мнению большинства исследователей, она еще не отвечает современным рыночным и де-

мократическим стандартам. Идентификационная ориентация не отвечает реалиям экономической, социальной и политической жизни.

Третье онтологическое противоречие идентичности заключается в том, что социальный или политический субъект должен самоопределиваться не только по отношению к своему прошлому и актуальной внешней среде, но и к своему будущему, т.е. сформировать перспективную идентичность или идентификационную перспективу. Воспроизводить себя в жизненном виде объективно невозможно. Иначе это приведет к идентификационному кризису и к тупику социального и политического развития. Но самоопределиваться на перспективу не просто. Каждый раз необходимо что-то преодолеть в себе, даже преобразовать, найти новую модель не только существования, но и бытия. Противоречие между прошлой, настоящей и будущей идентичностью – это реальность субъектов жизненного процесса; оно может превратиться в конфликт, если безумно отвергается прошлое или не ведется поиск идентификационной перспективы.

Исходные, онтологические противоречия идентичности сами по себе не генерируют конфликтов. На первый взгляд, этот тезис кажется парадоксальным, алогичным. Однако дело в том, что исходные противоречия могут регулироваться, если субъекты, учитывая специфику противоположных сторон идентичности в конкретно-исторических условиях, находят пути и способы их сочетания, взаимоусиления. Идентификационные конфликты возникают там и тогда, где и когда социальные и особенно политические силы абсолютизируют те или иные критерии, смыслообразующую направленность и модель идентичности.

Конфликтная идентификационная ситуация в социуме может возникнуть вследствие высокой интенсивности смены социально-экономической и политической ситуации, крутых переломов и жизненного уклада, общественных систем, государственного устройства. При этом часть общества осваивает и культивирует новые идентификационные модели (образы и стили жизни, приоритетные ценности и т.п.), а другая часть или не успевает освоить инновации, "не вписывается в поворот" по психологическим мотивам, или занимает иные позиции, ориентируясь на другие цели, роли, статусы. Обострение всех онтологических противоречий вследствие неумения, неспособности социальных и политических субъектов их регулировать может порождать в обществе глубокий идентификационный кризис. Немецкий исследователь С. Холмс так его определяет: "Сущностью кризиса коллективной идентичности является: распад коллективной памяти, утрата веры в будущее, несоответствие представ-

лений культуры о самой себе и ее восприятия другими народами, чувство неполноценности перед другой культурой"².

Многие страны переживали и испытывают муки идентификации в динамике своих собственных и мировых трансформаций, даже утрачивали способность к самовоспроизводству и исчезали как самостоятельные субъекты и элементы общечеловеческого сообщества. XXI век ставит перед всеми народами, странами, государствами отнюдь не простые, не традиционные проблемы определения своего облика, статуса, роли в человеческом сообществе, модели своего общественного обустройства, сохранения своей самобытности в условиях интенсивной глобализации. Уже в XX веке стало ясно: ни один народ не может жить только по "заветам своих отцов"; но ни один народ не может включиться в мировой процесс как самостоятельный субъект, забывая и предавая их.

В истории России идентичность во всех измерениях – историческом, формационном, этнонациональном, социокультурном, цивилизационном, политическом, духовном и др. – была и остается объектом и полем противоборства социальных и особенно политических сил, идейных течений, которые стремились подавить друг друга, навязать свой вариант российского общественного бытия (по жесткому принципу "иного не дано"). Духовный и идеологический раскол как лейтмотив истории России – это прежде всего и в основе своей идентификационный раскол, перманентное противоборство разных видений и толкований России в ее соотнесенности с другими мирами и в соотнесенности ее прошлого, настоящего и будущего. Вопросы "Что есть Россия?", "Какой ей быть и как быть?" были и остаются в центре дискурса о бытии, судьбах, предназначении, облике и статусе России, ее народа и государства.

Идентификационная конфликтогенность как в прошлом, так и ныне осложнена еще и тем, что Россия – это "мир миров" (М. Гефтер). В ней напластовывались различные этнокультурные, регионально-конфессиональные, социокультурные, социопространственные миры. В ней есть свои Восток и Запад, Север и Юг, центр и периферия. В идейно-политическом и социокультурном измерении власть и массы, "верхи" и "низы", интеллигенция и народ, город и деревня – это намного более разные миры, чем на Западе.

Одна из особенностей идентификационных исканий и ориентации в России заключается в доминирующей роли властных кругов и идеологи-

² Holmes S. When Less State Means Less Freedom // Transition Changes in Post – Communist Societies. Vol. 4, № 4. – P. 121.

ческой (религиозной) элиты в определении ее путей, облика, формационной и цивилизационной соотнесенности и референтности. На Западе, начиная с эпохи Ренессанса, усиливалась роль гражданского общества. В России время от времени народ пытался сам переустроить и свое бытие, свою страну, государственность. Однако новые властные круги и идеократы брали процесс под свое управление, не испытывая заметного давления гражданского общества из-за его неразвитости, ограниченности правовых возможностей, политических и культурных ресурсов.

В конце XX века в российском обществе различные социальные слои, политические партии, идейные течения, государственные деятели, публицисты имеют не только несходные, противоречивые представления о желаемом обустройстве страны, но и конфликтные оценки того, что происходит в России и с Россией. Одни идентифицируют происходящее с освобождением от тоталитаризма и демократическими реформами; другие – с разрушением российской государственности и корневых основ российского мироустройства (соборности, коллективизма, державности, трудовой этики). Третьи оценивают все происходящее как дегуманизацию человеческих отношений, фальсификацию демократии. Идентификационные представления ("субъективные реальности") конфликтно сталкиваются между собой и с реальностью. Общественное сознание расколото и расколото прежде всего по идентификационной проблематике: Какой быть России и как в ней жить, какими должны быть реформы, и куда мы идем.

Необходимо искать идентификационный консенсус. Однако он не может быть достигнут, если тем или иным методом верх одержит какая-либо односторонняя идея, подавляя другие. Консенсус возможен только на основе освоения многообразного исторического опыта, современных социально-политических практик и демократической толерантности.

В 90-х годах разнородные не столько социальные, сколько политические силы толкают страну по расходящимся векторам общественного развития и поиска своего места и новой роли в человеческом сообществе. Можно с известной условностью выделить несколько векторов идентификационных поисков:

- радикал-либеральные прозападные ориентации (в нескольких конкурирующих вариантах);
- государственно-патриотическая ориентация (восстановление ослабленной государственности, идеи державности, патриотизма);
- ориентация на самобытность России, ее традиционные ценности (апелляция к православным духовным ценностям, патриотизм национал-консервативного типа, настороженное отношение к ценностям западной демократии, склонность к авторитаризму);

- народно-демократическая идентификация (слабо рефлектируемая установка на власть народа, образ земли, природных ресурсов как общенародного достояния; нравственное оздоровление общества, веротерпимость, национально-этническое равноправие, социальная справедливость, повышение ценности труда, сочетание демократии и порядка);

- неосоциалистическая ориентация (идея обновленного социализма; социальная справедливость и равенство, советская форма государственного обустройства в сочетании с общественным самоуправлением, доминирование общественной собственности на базовые структуры во взаимодействии с частной и кооперативной, бесплатность образования, медицинского обслуживания и лечения и т.п.).

Эти идентификационные ориентации, векторы и модели кое в чем перекрещиваются, даже сближаются. Но они конфликтногенны. Радикал-либеральные реформы, доминирующие в первой половине 90-х годов, оказались деструктивными. Они не приблизили Россию к развитым западным странам, не сформировали полноценного рынка, вытолкнули ресурсно богатую страну почти на периферию мировой экономики. К исходу XX века стала усиливаться государственно-патриотическая ориентация в сочетании с идеями гражданского достоинства, социального государства, несущего ответственность за материальное и духовное благосостояние народа. Однако нельзя сказать, будто Россия идентификационно определилась в поисках новых форм своего общественного бытия, духовных ценностей, статусно-ролевых устоев в человеческом сообществе. Она все еще в некоей неопределенности и затянувшемся кризисе идентичности. Главное, пожалуй, в трудностях и неопределенностях демократической идентификации. Неукротимая потребность в демократии не обрела устойчивых форм и удовлетворения. Срабатывались одна за другой различные формы, которые возникли в результате длительной и упорной борьбы, но оказались миражами демократии. В XX веке оказалась несостоятельной модель конституционной монархии. Советская демократия, с которой, что бы о ней не говорили, широкие массы идентифицировали свои демократические ожидания, не выдержала испытаний временем и, отягощенная грузом тоталитаризма и административного бюрократизма, рухнула. Симптоматично, что практически силовое разрушение ее структур в последнем квартале 1993 года не встретило сопротивления базовых социальных слоев. Радикально-либеральные реформы ориентировали на антисоциалистический вектор поиска демократической идентичности. Нельзя сказать, будто не было позитивных результатов. Но в целом оказалось в итоге больше манипулятивных миражей, чем демократических устоев.

В последние годы выясняются два малозамечаемых идентификационных расхождения. Политическая элита, гуманитарная интеллигенция (в основном занятая в СМИ) идентифицируют демократию со свободой слова, правом на политические объединения, с процедурами альтернативных выборов. Это – важные измерения демократии, без которых ее нет. Но это не исчерпывает демократию. В широких социальных слоях, занятых в сфере производства, образования, здравоохранения, доминанта идентификации демократии сдвинута на другие измерения, не перечеркивающие первые. Акцент делается на экономической, социальной и нравственной ценности труда, гарантиях его оплаты и социальной справедливости, на праве людей труда участвовать в управлении производством, а общества, народа – контролировать власть. Демократия в сознании масс связана с социальным порядком. А если порядка нет, то массы отворачиваются от такой демократии. Демократические страны отличаются высокой оплатой труда. Демократия на Западе развивалась не только через расширение гражданских и политических прав, но и через демократизацию и гуманизацию трудовых отношений. Но именно эта сторона демократии у нас деградировала в 90-х годах даже по сравнению с временами советской демократии, и это – один из источников и причин социальной конфликтности. Другое идентификационное расхождение между властвующими кругами и широкими социальными слоями, которое отчетливо стало выявляться в последние годы, более сложное. Властвующие круги, как и почти вся политическая элита, к проблеме выборов путей общественного развития подходят прежде всего с политической точки зрения. Политическая интенция – важнейший идентификационный вектор и для масс. Но для человека, для которого политика не сфера профессиональной деятельности, характерен и нравственно-этический аспект идентификационных ориентаций на демократию. Да и сама политика измеряется этическими эталонами. Безнравственность, цинизм в политике – идентификационные признаки отнюдь не демократии, которая, наряду с принципом верховенства закона, включает в себя и нравственный гуманистический смысл.

Россия, испытывая неискоренимую потребность в демократии, идентифицируя ее с разнообразными политическими институтами, формами, персонами, политическими партиями и идеями, часто проходила мимо демократии. Минувшие 10 лет не исключение.

Вступая в XXI век, Россия выбирает себя, свой путь общественного развития, свою форму бытия. Выбор своей идентичности и постоянная неудовлетворенность – своеобразный архетип ее исторического бытия и

менталитета. Она все еще не столько обустроивает и совершенствует себя, сколько ищет себя, свою идентичность в сложной динамике современного мирового развития. Идентификационный раскол проходит через все структуры общества и государства по магистральным осям: формационным и цивилизационным, геополитическим и этносоциальным, политическим и нравственным, экономическим и социокультурным. В духовной сфере он представляет собой не только противоборство идейных течений, теоретических концепций, но и столкновение разных типов социального и политического менталитета: традиционного, модернистского и постмодернистского, авторитарного и демократического, элитарного и гражданского, эгоцентрического и социцентрического и др.

Регулирование и разрешение идентификационных конфликтов, выход России к новым основаниям и горизонтам бытия предполагает поиск общих, взаимоприемлемых идентификационных ценностей, критериев и векторов. Социальный, политический консенсус пока не достигнут. Хотя и появились обнадеживающие тенденции, но они слабо выражены. Пока преобладают корпоративно-политические, клановые и социально-групповые амбиции. Отечественное обществоведение, включая политические науки, не создало теоретической и методологической базы осознания и регулирования идентификационных конфликтов и достижения динамического идентификационного консенсуса.

Общенациональная идея, о которой так много говорят в последние годы, тогда может иметь мобилизирующую объединяющую силу, когда она, опираясь на опыт отечественной и мировой истории, будет всеобъемлюще пронизана демократической и гуманистической интенцией достоинства человека, общества, государства.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что такое идентификационный конфликт?
2. Каковы исходные основания и причины идентификационных конфликтов?
3. Может ли политическая сфера функционировать без идентификационных конфликтов?
4. Идентификационные конфликты в современной России. В чем они проявляются и почему разворачиваются?
5. Назовите основные противоборствующие идеологии политической идентичности России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брудный И.М. Политика идентичности и посткоммунистический выбор России // Политические исследования. – 2002. – № 1. – С. 87-104.
2. Гельбрас Б.Г. Национальная идентификация в России и Китае // Политические исследования. – 1997. – № 1.
3. Пантин И.К. Россия и мир: историческое самоузнавание. – М., 2000. – 156 с.
4. Рахманин В.С. Россия: конфликты идентификации // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия 1. – 1999. – № 1. – С. 32-52.
5. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологические исследования. – 1994. – № 1. – С. 35-52.

РАЗДЕЛ III

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Системный подход к анализу политических конфликтов как к противоборству организованных и мобилизованных групп предполагает учет большой совокупности факторов, влияющих на возникновение и развитие этого процесса. Характер факторов различен, что вполне естественно применительно к такому сложному феномену, как политический конфликт. В силу этого сами факторы нуждаются в определенной классификации, поскольку разные их группы обладают неодинаковым действием.

Если понимать под факторами совокупность различных возможностей взаимодействующих сторон, оказывающих непосредственное влияние на ход и исход конфликта, то их можно представить как:

- факторы, определяющие причины и природу конфликта (факторы-детерминанты);
- факторы, влияющие на формирование конфликтных групп и их мобилизацию (факторы-условия);
- факторы, воздействующие на собственно динамику конфликта, т.е. на темпы развертывания, интенсивность и характер протекания.

В реальных политических конфликтах различные группы факторов взаимодействуют между собой, усиливая или ослабляя совокупный стимулирующий (или блокирующий) эффект. Однако в каждом конкретном конфликте в определенный исторический период преобладает воздействие каких-то конкретных факторов, в большей степени определяющих его ход и исход, чем все остальные. Учет этого обстоятельства очень важен для того, чтобы найти адекватные средства и технологии мирного урегулирования конфликта.

Первая группа факторов – с условным названием факторы-детерминанты – представляет собой совокупность причин, которые чаще всего порождают политические конфликты. Другую группу факторов можно обозначить как факторы-условия, где, на наш взгляд, речь должна идти уже о собственно политических условиях, делающих возможной саму артикуляцию конфликта как политического взаимодействия. Третью группу факторов составляют так называемые ресурсные факторы, включая главные ресурсы политики – силу (в том числе и военную), материальные средства, информационное обеспечение и т.п. В качестве особо-

го элемента ресурсных выступают геополитические и хронополитические факторы, как в широком, общетеоретическом, так и в конкретном, пространственном и временном аспектах. Хотя мы специально не рассматриваем роль внешних, экзогенных по отношению к конкретному государственному сообществу факторов, полностью проигнорировать проблему гео- и хронополитики и ее связь с эндогенными факторами вряд ли оправданно. Наконец, немаловажную роль в динамике политических конфликтов играют социально-психологические и личностные факторы. Значение последних в переходных политических процессах закономерно возрастает.

Взаимовлияние факторов необходимо исследовать не только в контексте причин и условий, но и внутренней динамики самого конфликта. Очевидно, что факторы-детерминанты играют особую роль на ранней, латентной стадии конфликта, хотя их влияние сохраняется на всем протяжении его формирования и развертывания. С другой стороны, ресурсные или психологические факторы гораздо ошутимее обнаруживают себя тогда, когда конфликт уже проявлен и идет активное противостояние взаимодействующих субъектов. Для преодоления расстояния между латентными и открытыми конфликтами необходимо наличие дополнительных социальных, экономических, социокультурных, идеологических и прочих факторов. Иными словами, должна возникнуть "критическая масса" необходимых и достаточных условий для возникновения политического конфликта.

В связи с тем что политический конфликт может возникнуть из любой предметной области, факторы-детерминанты оказываются самыми многообразными. Условно их можно подразделить на экономические, собственно политические, этнические, психологические, социокультурные и т. п. Как уже говорилось, односторонний акцент на ту или иную группу факторов – скажем, только экономические, или только психологические – не способствует раскрытию всей сложности политического конфликта: последний поддается "дешифровке" лишь при учете совокупности различных факторов. Вместе с тем фактор экономического неравенства традиционно рассматривался как одна из главных причин социальных волнений и политических потрясений. Известно, что наиболее фундаментальное обоснование он получил в классовой теории К. Маркса, признаваемой большинством современных исследователей вполне адекватной историческому контексту прошлого века. Неравенство в распределении средств производства и материальных ресурсов и вытекающее отсюда неравенство жизненных шансов могут и сегодня рассматриваться в качестве латентной причины конфликта. Однако мо-

мент проявления конфликта, перехода его из латентной в открытую стадию в рамках такой теории предсказать крайне сложно. Вместе с тем учет других факторов – психологических, этнополитических и т.д. способствует решению данной проблемы, включая разработку прогнозных оценок, сценариев развития событий и т.п.

Взаимосвязь факторов-детерминант хорошо прослеживается в ходе современной трансформации социальных и политических конфликтов в странах Восточной Европы и в государствах СНГ. Выяснилось, что хотя большинство общества живет все хуже и хуже, конфликты не становятся от этого более острыми и массовыми. Когда процесс падения производства и снижения жизненного уровня большинства населения протекает длительное время, оно привыкает к этому (особенно если оказывается за гранью прожиточного минимума). Для массы людей главная цель сводится к тому, чтобы прежде всего выжить. Границы терпения людей расширяются, хотя на первый взгляд они должны сужаться. Разумеется, это не является каким-то универсальным состоянием. Однако на определенном этапе общественной деградации это состояние характеризует поведение довольно значительных групп населения. В этот период почти не возникают конфликты при столкновении больших социальных групп в процессе производства и перераспределения общественных благ. Страх выживания так велик, что располагаемое время отдельных людей и семей затрачивается на борьбу за существование в гораздо большей степени, чем этого требует "нормальный" рабочий день. Этот страх выступает блокирующим фактором по отношению к необходимому общественным изменениям. Большинство людей возвращается в состояние выполнения натуральной повинности, продажи своих знаний и своей рабочей силы практически за бесценок. Это может происходить достаточно длительное время. "Шок от социального падения имеет эффект исключительно пролонгированного действия", – подчеркивает З. Видоевич¹.

Однако, как показывает исторический опыт, эта тишина является опасной и потенциально остроконфликтной. Такое состояние может, во-первых, подготовить почву для возникновения "диких" конфликтов, кровавых социальных бунтов и расправ, настоящую катастрофу отдельных обществ. Социальная тишина, с другой стороны, означает своеобразное вступление в коллективную смерть общества, поскольку любое общество, в течение длительного времени осуществляющее свое воспроизводство на основе подобного вида социального мира и тишины, явля-

¹ Видоевич З. Общественные конфликты в контексте нового "переходного периода" // Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы. – М., 1994. – С. 58.

ется уже мертвым обществом. "Из способности людей приспосабливаться к нищете не следует создавать некий новый мир и некую ценность, — замечает З. Видоевич. — Это приспособление является вынужденным и обусловлено социальным шоком. Поэтому оно не может продолжаться слишком долго"². По мнению Р. Дарендорфа, именно такая стабильность является наиболее ярким примером патологического состояния социальной жизни.

После социального шока, естественно, неизбежно наступает социальное самовосстановление и появляется готовность противостоять сложившимся неблагоприятным условиям. Однако эта готовность может иметь разные проявления и приводить к существенно различным историческим результатам. В таких условиях возможно возникновение внеинституциональных конфликтов: гражданских войн, восстаний, вооруженных выступлений и акций как со стороны бесправных и наиболее угнетенных общественных групп, так и со стороны наиболее реакционных политических партий и движений. Потенциально такие крайние, вооруженные формы может принять любой конфликт, от чисто политического до этноконфессионального.

Взаимосвязь факторов отчетливо просматривается в этнополитических конфликтах. В конфликты могут вступать группы, имеющие разные качественные характеристики. Такие качественные критерии могут быть как абсолютными (одна группа богаче другой), так и относительными (одна группа ощущает свое превосходство над другой или полагает, что другая группа ее эксплуатирует, что может стать причиной негодования или обиды со стороны тех, кто считает, что с ним несправедливо обходятся). "Даже наиболее серьезные абсолютные различия между этническими группами вовсе не обязательно должны трансформироваться в ощущение относительных различий. Решающую роль здесь играет восприятие существующего положения вещей", — пишет К. Оффе³. Как показывает пример североамериканских обществ (США, Канады), строго этническое разделение труда, когда каждая этническая группа имеет собственное, типичное для нее "дело", сферу занятости или установленный сектор деятельности и соответствующий им экономический статус, не всегда приводит к конфликтности межэтнических отношений, особенно если в такого рода разделении труда участвует много этнических групп.

² Видоевич З. Общественные конфликты в контексте нового "переходного периода" // Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы. — М., 1994. — С. 58.

³ Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Политические исследования. — 1996. — №2. — С. 31.

В свою очередь, остро ощущаемые этнические различия, чувство превосходства или приниженности отнюдь не всегда должны обуславливаться наличием каких-то заметных абсолютных различий, во всяком случае различий в экономическом и правовом статусе между группами, втянутыми в конфликт. Примером может служить конфликт между сербами и хорватами, в котором стороннему наблюдателю трудно понять, по какому поводу он разгорелся и какие блага и статусные позиции должны быть в итоге распределены или перераспределены. Обобщая, можно сказать, что этнические конфликты порождаются двумя группами факторов — распределения и признания. Обе группы факторов влияют на интенсивность конфликтов: убежденность в негативных установках в отношении себя одной из этнических групп провоцирует агрессивные действия последней, номинальная ценность норм равенства и взаимопризнания между согражданами выступает мощной мобилизующей силой в их защиту.

Ряд исследователей обращает внимание на взаимосвязь экономических и культурных факторов, оказывающих заметное влияние на социально-политические процессы в восточноевропейских странах. Речь идет о противоречии, определяемом различиями в доходах, имущественном положении, экономике стран и регионов в целом — различиями, очевидными в современном мире и обрекающими одну нацию (или экономико-хозяйственный регион) на дальнейшую модернизацию и повышение жизненного уровня и лишаящими других надежды на продвижение вперед. По мнению венгерского политолога Л. Лендьела, в восточноевропейских странах словен означает экономическое отличие от серба, как и венгр — от румына. Поэтому нельзя отрицать, что, скажем, антивенгерские настроения словаков или румын в значительной мере обусловлены той убежденностью, что "быть венгром — это значит иметь экономическую перспективу, а быть словаком или румыном — не иметь таковой"⁴. Если между малыми восточноевропейскими нациями вспыхнут вооруженные конфликты, их подлинной причиной станет, по мнению автора, не национальный эгоизм или религиозный фанатизм, но передел материальных ресурсов. Иначе говоря, это будут потребительские войны. И даже если удастся осуществить мирную трансформацию региона, тяжелейшая проблема экономического неравенства будет постоянно осложнять ситуацию.

Серьезным дестабилизирующим фактором в переходные периоды становится резкая ломка сложившегося на протяжении длительного времени порядка вещей, распад системы социальных отношений и культур-

⁴ Цит. по: Верченев Л. Ворота открываются? // Свободная мысль. — 1995. — № 9. — С. 74.

ных ценностей. Это порождает конфликты во всех сферах общественной жизни вследствие отсутствия ясного распределения прав, обязанностей и функций, четкой системы ценностей и т.д. Например, в России в 90-е годы такую дестабилизирующую роль сыграла ваучерная приватизация, проведенная форсированными темпами и в отсутствие необходимых законов, с нарушением сложившихся в массовом сознании представлений о правовых и нравственных нормах. Она не только не решила задачу наполнения федерального и местных бюджетов, но и подстегнула борьбу социальных групп за перераспределение стремительно тающих ресурсов. Активизировавшиеся в России в 1993 году процессы регионализации и последовавшие за ними конфликты территориальных бюрократий с центром также в значительной степени являются детищем приватизации⁵. Поскольку принятие решения о приватизации принадлежавшей государству собственности неизбежно происходит на политическом уровне, весьма вероятно распределение имущественных прав – или возвращение их на дискриминационной основе – в соответствии с этнической кодификацией (например, ограничения для русских на полный гражданский статус в Эстонии и Латвии, исключение их из числа собственников земли, лишение права голоса).

В полиэтнических обществах любой внутренний конфликт потенциально может обрести этническую окраску. Именно поэтому грань между социальными, политическими и этническими конфликтами на территории бывшего СССР и в новой России достаточно зыбкая, трудно определяемая, а сами конфликты множественны по своей природе, и одна форма нередко включает в себя другую или подвергается трансформации и причудливому камуфляжу.

Другая группа факторов динамики – это факторы-условия политических конфликтов. Они объясняют не столько причины возникновения последних, сколько процесс формирования их субъектов – мобилизованных конфликтных групп. Естественно, что первым таким фактором-условием является право на свободу коалиций – общественных объединений, движений, политических партий, включая гарантии такой свободы.

Общество демократического типа характеризуется тем, что социальные группы обладают собственными политическими организациями. Налицо свобода объединений и коммуникаций, большинство политических групп имеют своих лидеров и идеологов. Конфликтующие стороны

и их интересы признаются институционально. Парламентские органы обеспечивают систему регулярного примирения между партиями. Имеются общие для всех правила игры, основанные на конституционных нормах и на совокупности утвержденных процедур, регламентов, способствующих выработке и принятию решений. Определенные лица – чаще всего главы государств – могут действовать как посредники в том случае, если предыдущие механизмы не обеспечивают согласия. Кроме того, имеется правовая система арбитража по отношению к тем спорам, которые угрожают парламентским механизмам переговоров.

При таких условиях можно ожидать, что политический конфликт не будет носить насильственного характера и структурные изменения всегда будут постепенными. Для подчиненного класса и его парламентских представителей всегда сохраняются шансы сформировать правительство или проникнуть в ряды правящей элиты. Возможен и такой вариант, когда его притязания могут быть восприняты и без изменений в правительственном персонале. Каковы бы ни были происходящие изменения, они не должны затрагивать правил игры, относительно которых имеется договоренность сторон. Эти правила обеспечивают всем сторонам законные ожидания того, что и они в будущем могут получить власть.

В странах с авторитарными или тоталитарными режимами нет условий для существования таких организаций или они существенно ограничены. Поэтому здесь существует тенденция к насильственному конфликту. В тоталитарном государстве очень четко обозначена граница между теми, кто управляет, и теми, кем управляют. Подчиненный класс составляет широкую квазигруппу тех, чьи интересы, весьма разнообразные и отделенные друг от друга, соединяются в едином требовании – изменения статус-кво во властных отношениях, но эта группа не способна к самоорганизации, так как отсутствует свобода объединений. Любой конфликт поэтому остается латентным. Однако распад принудительной системы сдержек и контроля вместе с недавно завоеванными политическими средствами в виде большей свободы выражения мнений и доступа к информации являются теми факторами, которые неизбежно ведут к социальным и политическим конфликтам, включая этнические вспышки. Не случайно диктатуры любого типа очень чувствительны (негативно) к публичным собраниям. Даже спортивные и прочие увеселительные зрелища могут быть опасны для режима, хотя в основе собрания и нет протеста против него. Например, политический взрыв в Бухаресте, свергнувший диктатора Н. Чаушеску, произошел в значительной степени в силу его собственной оплошности: он сам собрал людей, ошибочно полагая, что они его поддержат. Однако скопление массы людей разрушает индиви-

⁵ См.: Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: Методологические, теоретические, технологические проблемы. (По результатам исследовательских проектов). – М.: РАН, Центр конфликтологии, Институт социологии, 1996. – С. 183-191.

дуальную изоляцию и чувство опасности. Сначала небольшая группа стала выкрикивать слова протеста, а потом за нею последовала и вся остальная масса собравшегося народа – произошел социальный взрыв⁶. Другой пример – Польша: поляки обнаружили силу оппозиции во время визита в страну в июне 1989 г. папы Иоанна Павла II, когда на улицы вышло 2 млн. человек.

Если свобода коалиций представляет собой необходимое политическое условие конфликта, то необходимым социальным условием является возможность коммуникации, т.е. степень мобильности в рамках данного общества или его государственных структур. На уровне макроконфликта, например, политической или социальной революции, отсутствие вертикальной мобильности для больших социальных групп приводит к радикализации их политических требований. Вместо обретения собственной социальной ниши в "недружественном" им обществе они стремятся изменить сами принципы классификации этого общества, его статусную структуру, включая государственный строй, стратификационную систему и т.д. Однако возможность социальной коммуникации важна и для любого другого типа политических конфликтов, например государственно-правовых. Когда в стенах парламента идут интенсивные дискуссии и активные консультации между различными фракциями и парламентскими группами, то их результатом могут стать различные конфигурации политических конфликтов. Коммуникация смягчает ожесточенность противоборства: если разделение на фракции имеет пересекающийся характер, то коалиции, формирующиеся вокруг какой-то одной проблемы, распадаются по мере того, как появляется другая проблема. Таким образом, интенсивность конфликта падает пропорционально тому, как различные конфликтные группы оказываются диссоциированными. И наоборот, издержки могут преобладать над преимуществами в тех случаях, когда классовые, этнические, религиозные и идеологические размежевания совпадают, разделяя общество на непримиримые группы.

Ужесточению противоборства способствует подавление инакомыслия внутри противоборствующих сторон, т.е. отсутствие внутригрупповой коммуникации. Отмечаются всякие альтернативы разрешения конфликтов и кризисов, идет концентрация конфликтующих групп, что неизбежно приводит к их столкновению. Отсутствие внутриорганизационной демократии выступает конфликтогенным фактором, способствует превращению квазигруппы в конфликтную группу. Вот почему нормаль-

ной средой политики в открытом, демократическом обществе является дискуссия, свободная коммуникация позиций, мнений, точек зрения и т.д. Помимо прочего, это способствует оттеснению наиболее радикальных группировок – как справа, так и слева – на обочину политической жизни, ослаблению их разрушительного потенциала.

Среди факторов-условий политического конфликта выделяются два обстоятельства: степень индивидуальной (семейной) социальной мобильности и наличие эффективных механизмов урегулирования социальных и политических конфликтов. "Говоря о континууме интенсивности социальных конфликтов между группами интересов, которые простираются от демократической дискуссии до гражданской войны, имеет смысл предположение, что наличие либо отсутствие социальной мобильности и регулирующих механизмов существенно влияет на позиции определенных конфликтов, расположенных в этом континууме", – пишет Р. Дарендорф⁷. Но определение точного удельного веса указанных факторов является, по его мнению, задачей специального эмпирического исследования. Вместе с тем автор пытается использовать свой теоретический подход для анализа конфликтов в тоталитарном государстве, где всякая попытка последнего подавить оппозицию и есть подавление политического конфликта. С точки зрения Дарендорфа, в тоталитарной системе также имеются оба упомянутых условия – мобильность и регулирование, но в своеобразных формах. "Можно аргументированно доказать, что регулярные чистки в коммунистических государствах, т.е. замена носителей господства, выполняют функцию гаранта стабильности (в смысле ограничения социальных конфликтов). Другим действенным регулирующим механизмом является систематическое содействие дискуссиям с целью принятия решений о "платформе" политики внутри и вне партии-государства. Но большинству тоталитарных государств имманентно присуща тенденция держать закрытым руководящий слой и скрывать дискуссии, отказываться от мобильности и механизмов регулирования конфликта. Поэтому социальные группы грозят тем, что увеличивается их потенциальная интенсивность и революционный характер"⁸.

В числе факторов-условий необходимо назвать и технические условия, а именно формирование политической организации (включая персонал, устав, помещение), а также политическую мобилизацию. Организация нуждается в материальных средствах, основателях и вождях, в иде-

⁷ Darendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikte in der industriellen Gesellschaft. – Stuttgart. Enke, 1957. – S. 117.

⁸ Ebenda. S. 120

⁶ См.: Печак В. Как произошел распад коммунизма // Иностранная психология. – 1993. – Т.1. – № 1. – С. 53-60.

ологии. К числу показателей политической мобилизации обычно относят наличие заметных (по результатам парламентских и местных избирательных кампаний и выборов) партий и движений; существование нелегитимных вооруженных формирований; наличие или отсутствие актов насилия, террора и т.п.

Реализация тех или иных форм политических конфликтов решающим образом зависит от наличия соответствующих ресурсов – социальных, экономических, политических. Последние означают орудия политического влияния, любые средства, с помощью которых человек может повлиять на положение другого. Политические ресурсы включают деньги, время, знания, информацию, связи, общественное положение, право голоса и т.п. Но традиционно ключевую роль в динамике политических конфликтов, особенно на макроуровне, играл фактор силы. Вместе с тем эта роль неоднозначна в качественном отношении. С одной стороны, наличие силы может провоцировать конфликт, подстегивать темпы его развертывания и протекания. С другой стороны, та же сила может содействовать более успешному поиску путей примирения конфликтующих сторон. Уже один из древнейших исторических примеров политического конфликта – первая и вторая сецессии плебеев в Древнем Риме (V в. до н.э.) – представляли собой очевидную и весьма успешную демонстрацию силы в борьбе за статусные позиции. Уход плебеев в полном боевом снаряжении на Священную гору – господствовавшую над Римом высоту, вынудил старинную римскую аристократию к необходимым политическим уступкам в области гражданских прав плебеев, повышению их политического статуса. Благодаря мирному, "цивилизованному" разрешению этого политического конфликта Римская республика пережила, по словам английского историка Д. Актона, 150 лет невиданного, "беспрецедентного процветания и славы", а затем из первоначального конфликта, который был некогда улажен компромиссом, хотя и не решен теоретически, "разгорелась новая борьба, оказавшаяся безрезультатной"⁹.

Опыт всей мировой истории свидетельствует о том, что слабость провоцирует агрессию. Политика, в особенности мировая, не только не терпит пустот, но и представляет собой, образно говоря, "игру больших чисел", где результат зависит от объема располагаемого политического (включая военный) капитала. Однако политический капитал может быть как военным, силовым, так и символическим, особенно в век информационных технологий, когда общественное мнение можно производить ин-

дустриальным способом. Концентрация разных видов капитала в руках одной сверхдержавы, группы государств или одной политической силы в рамках отдельного государства чревата напряженностью и угрозой политических конфликтов. Сегодня эта проблема очень остро встала перед Россией как суверенным государством. Ее нынешняя слабость может быть использована определенными силами для создания однополярного мира с гегемонией одного государства или группы государств и навязывания своей воли всем остальным. И естественно, для России сохранение баланса стратегических и иных сил – вопрос жизни и смерти.

Фактор военной силы играет первостепенную роль во всех многочисленных "горячих точках" на территории бывшего СССР. Один из самых кровавых конфликтов – чеченский – никогда не приобрел бы таких форм и масштабов, если бы его участники не располагали таким количеством оружия и не были уверены в собственном превосходстве. Усиление ожесточенности и насильственности в действиях сторон возрастало по мере увеличения неадекватности используемых средств: бомбежек со стороны федеральных войск, террористических актов – со стороны боевиков.

Вместе с тем фактор силы отнюдь не сводится только к своему военному аспекту. Он может обрести форму морального движения неповиновения, классическим примером которого является Индия времен М. Ганди. Огромные массы невооруженных людей под духовным предводительством М. Ганди просто демонстрировали нравственную силу и неповиновение английским оккупационным властям, и сила такого морального сопротивления оказалась более действенным фактором к поискам политического компромисса, чем непосредственно вооруженная сила. Однако неповиновение (особенно общегражданское) эффективно далеко не всегда. Оно может обрести силу лишь в пределах гражданского общества, т.е. при наличии прочных структур гражданских прав и обязательного подчинения закону. В случае же распада правовых и нравственных норм, повсеместного несоблюдения законов возникновение организованного движения неповиновения крайне затруднено, а обездоленные слои не способны на какие-либо иные формы своего протеста, кроме "оголтелого мятежа".

Существенной частью ресурсов являются геополитические факторы. Применительно к политическим конфликтам речь здесь должна идти не только о внешнеполитических влияниях и воздействиях, определяемых территориальной близостью партнеров (или соперников), и создании поля сопряжения между интересами сопредельных стран. Такие влияния, а также соответствующие стратегии, принято называть экзогенными факторами. С точки зрения внутренних, эндогенных факторов, гео-

⁹ Актон Д. История свободы в античности // Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 113.

политика определяет природу суперэтнического единства той или иной страны или региона, соотношение сильных (экономических, военно-политических) и тонких, социокультурных взаимодействий, вместе образующих единство геополитического поля. По мнению А.С. Панарина, геополитические сдвиги, чреватые серьезной дестабилизацией, могут происходить значительно раньше военно-политических, определяемых сильными взаимодействиями. В частности, распад СССР еще задолго до своего юридического оформления был подготовлен скрытыми социокультурными сдвигами, нарушавшими единство геополитического поля, каким был Советский Союз. Часть его регионов обнаружила стремление двинуться навстречу Западу, другая испытывала мощное притяжение центров мусульманской цивилизации, третья – тихоокеанского региона¹⁰.

Геополитические факторы выступали причиной внутривосточных кризисов не только в России, при всех уникальных особенностях ее геополитического положения. В 70-х годах и ранее ряд европейских стран, вставших на путь перехода от авторитарных режимов к демократическим, также испытали на себе влияние внешнеполитических факторов, включая геополитические. Для победы антифашистской, демократической революции в Португалии в апреле 1974 г. такую роль сыграла неудачная для страны колониальная война в заморских колониях – Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, ускорившая радикализацию среднего командного звена португальской армии – капитанов и приведшая к апрельской революции. Серьезную роль в созревании внутривосточного кризиса конца 50-х годов во Франции сыграла война в Алжире, продиктованная геополитическими расчетами тогдашнего французского руководства.

Не менее остро заявлены в современном мире хронополитические факторы. Сама по себе хронополитика многоаспектна, включает чередование застойного и катастрофического (прерывного) времени, вызванного потребностями догоняющего развития. Очень существенна институционализация политических процессов, состояние политической культуры элиты, ее качественный состав. Так, чем большее число участников вовлечено в процесс принятия политических решений, тем выше степень их необратимости, а следовательно, тем ниже риск появления общественной группы, требующей пересмотра решений на противоположных началах и грозящей повернуть ход развития вспять. Напротив, авторитарные режимы или ригидные общественные структуры, защищающие монополию одних общественных групп в ущерб другим, то и дело оказываются отброшенными в так называемое циклическое время, когда через

определенные промежутки мнимой стабильности или застоя наступает внезапный взрыв, и победа, казавшаяся полной и окончательной, вдруг сменяется поражением, поворотом, новой политической монополией, и так до нового взрыва.

Другим аспектом хронополитики является сбалансированность во времени различных общественных процессов, особенно в эпоху модернизации. Очень важно понять, может ли общество решить все проблемы одновременно или же старые причины конфликтов объединяются с новыми источниками напряженности. Если время динамичных, и прежде всего политических, процессов оказывается отпущенным на свободу и даже форсируется, а другие процессы, обладающие иной ритмикой, заметно отстают, то появляется угроза, с одной стороны, полной разбалансированности потоков времени и дестабилизации общества, а с другой – наполнение новых форм старым содержанием, относящимся к сферам замедленной временной динамики.

Большинство европейских государств в свое время успешно справились с проблемами, возникавшими в процессе государственного строительства, консолидации государства, политической интеграции менее привилегированных слоев общества и налогового перераспределения благ. Напротив, молодые государства Азии и Африки столкнулись со всеми этими проблемами сразу, на протяжении жизни одного поколения. Страны, в которых национальная идентичность и легитимность общественных институтов упрочены *до того*, как, например, рабочий класс начал требовать расширения своих избирательных прав, в корне отличаются от тех стран, где возможность активного участия в общественной жизни предоставляется прежде, чем будет окончательно утверждена легитимность режима и завершена национальная интеграция. "Одновременность возникновения и развития кризисов, их накопление служит фундаментальным объяснением политической нестабильности во многих странах третьего мира", – пишут французские социологи М. Доган и Д. Пеласси¹¹.

Различия временной динамики различных обществ или социальных групп внутри одного, отдельного общества порождают историческую тенденцию к выравниванию уровней социального и политического развития. Однако нередко наблюдается становление так называемого эсхатологического времени, носителями которого выступают изгои общества. "Эсхатологическое время представляет собой крайний случай отклонения от благополучного линейного времени и таит в себе неисчислимые опасности для общества, – считает А. С. Панарин. – Чем более массовые

¹⁰ См.: Панарин А.С. Введение в политологию. – М.: Новая школа, 1994. – С. 89.

¹¹ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. – М.: Социально-политический журнал, 1994. – С. 155.

слои захватывает чувство эсхатологического времени, тем ниже потенциал конструктивных общественных реформ, тем разнузданнее массовый нигилизм людей, которые полагают, что им нечего терять"¹². По его мнению, попытка эсхатологического прорыва в светлое будущее через разрушение старого мира обернулась в России неслыханной потерей времени, невиданным социальным расточительством. При этом ответственность за такое развитие событий лежит на правящих элитах и привилегированных группах. Отказываясь от своевременных уступок "низам", они рискуют ускорить приход эсхатологического времени, способного похищать линейное время, т.е. медленное и неуклонное развитие.

Явление эсхатологического времени как мощного мобилизационного фактора потенциальных политических конфликтов вряд ли стоит оценивать лишь негативно, как это делает А.С. Панарин. Во-первых, еще В. Парето и Г. Моска подчеркивали, что распространение новых идеологий и идейных течений – факт объективный, свойственный европейским нациям на всем протяжении их истории. Иными словами, желание тех или иных общественных слоев отдаться во власть эсхатологического времени продиктовано не только их материальной ущемленностью либо слабыми статусными позициями, но и многими психологическими факторами, включая экзистенциальные, интенциональные, проистекающие из самой социальной природы человека.

Во-вторых, попытки правящих элит "повернуться спиной" к будущему, откровенно высмеять экзистенциальные, смыслообразующие потребности своих граждан также не приводят к желанной стабилизации и достижению согласия в обществе. Отказ от эсхатологического времени провоцирует массовую апатию, чреватую внезапными взрывами недовольства. По мнению венгерских политологов, большинство жителей Восточной Европы, лишившись вместе с "парадигмой узника" и социальной защищенности, впадает в оцепенение и безразличие и вновь готово винить во всех своих бедах политическую элиту, действительно слишком погруженную во внутривластные игры. "Большинство из нас сегодня уже не знает, откуда мы пришли и куда идем, во имя чего стоит трудиться, на что надеяться. У нас нет понятной и привлекательной модели общественного устройства. Мы оказались с пустыми руками и опустошенными сердцами, потеряли ориентацию и попали в тяжелый кризис," – пишет известный венгерский социолог Э. Ханкиш, "сходивший во власть" в качестве председателя Венгерского телевидения (1990–1993)¹³. Отсутству-

ющий энтузиазм в отношении общезначимой и привлекательной модели будущего общественного устройства легко может стать благоприятной почвой для нарастания в обществе авторитарных тенденций, а в перспективе и для установления жестких авторитарных режимов, использующих общественную апатию для неблагоприятных решений и действий.

Частным аспектом хронополитических факторов можно считать временные или темпоральные, связанные с темпами, продолжительностью конфликта и влиянием последних на его предмет, масштабы, а также на силу и интенсивность. Замечено, что чем дольше продолжается конфликт, тем сложнее его остановить или осуществить дэскалацию. Это особенно заметно в этнополитических конфликтах, где по мере разворачивания появляются и новые материальные притязания. Отдельные группировки и индивиды обогащаются и повышают свой престиж за счет рутинизации такого конфликта. Кроме того, этнополитические конфликты постоянно сопровождаются событиями, которые приобретают символическое значение, например, ритуалы протестных маршей через (или вблизи) территории проживания противостоящей этнической группы, как это ежегодно происходит в Северной Ирландии. Их цель – вызвать ответное действие с противоположной стороны. Рутинизация таких конфликтов приводит к стремлению дискредитировать противника при помощи "языка войны": навешивания расистских ярлыков, использования военной терминологии и т.п. Наконец, жертвы и лишения, приносимые в конфликтах, приводят к тому, что конфликт все чаще рассматривается в свете принципов, а не интересов, что создает дополнительные препятствия для его урегулирования. Переговоры можно вести по поводу интересов, по поводу же принципов вести их крайне сложно, если вообще возможно.

Темпоральные факторы имеют еще один очень важный аспект, известный в политической науке как "эффект падающего домино". Суть его в том, что крупномасштабный политический конфликт, особенно революция, может вызвать сходные процессы в соседних странах. Психологическим механизмом такого воздействия является эффект заражения, наблюдавшийся в истории неоднократно. В отдельные периоды политические кризисы и революции распространяются подобно эпидемиям. Достаточно обратиться к периоду Реформации в конце средневековья или событиям революций 1848 г., охватившим всю Европу; к пробуждению национальных чувств во второй половине XIX столетия; к национально-освободительному движению, возникшему одновременно в 40 странах в 50-е годы; к студенческим волнениям, разразившимся в 12 промышленных странах в 1967–1968 годах и т.д.

¹² Панарин А.С. Введение в политологию. – М.: Новая школа, 1994. – С. 65.

¹³ Цит. по: Верченев Л. Ворота открываются? // Свободная мысль. – 1995. – №9. – С. 69.

В этом же ряду стоит распространение революционных движений в семи восточноевропейских странах в 1989 г. – своего рода цепная реакция структурных конфликтов между правившей политократией и большинством политически бесправного и зависимого народа. По мнению З. Видоевича, они возникли прежде всего на периферии системы "реального социализма", где социальные и политические противоречия были меньше всего подвержены контролю, где требования демократии были большими, а социальные субъекты противостояния этой системе были более сильными и многочисленными по сравнению с ее центром (СССР). "Они протекали в то время, когда военно-политическое господство центра не могло задушить проявления всеобщего недовольства и неприятия системы"¹⁴. По мнению автора, модель политократического социализма уже давно начала распадаться в самом центре, хотя этот распад скрывался, а механизмы торможения действовали как видимость стабилизатора политического порядка и гаранта социальной уверенности граждан. Приостановить этот распад должна была перестройка, но ее лидеры не смогли справиться с инициированными ими самими процессами.

Осмысление этнополитических конфликтов на территории России, других государств СНГ показывает, что они имеют длительный характер и обнаруживают тенденцию к синусоидным колебаниям – от обострения к спаду и затем вновь к обострению. Такой тип динамики, по всей видимости, обусловлен воздействием не столько тех факторов, о которых речь шла выше, сколько иных, и прежде всего личностных.

Исследователи переходных политических процессов обращают внимание на то, что их конфликтогенность в немалой (а часто в решающей) степени зависит от качества и поведения политических, экономических, административных, творческих элит. С точки зрения общественных интересов их поведение негибко, нерационально. Оно делает невозможным эффективную социальную политику, направленную на блокирование социальной напряженности, неизбежной в переходный период. Нерациональность поведения элит выражается не только в нарастающей коррупции, но и в нежелании "делиться" своими возрастающими доходами со средними слоями (интеллигенцией, квалифицированными работниками и т.д.). Отсюда – рост неравенства, постоянная скрытая или открытая политическая нестабильность, чрезвычайные положения и т.п.

Одна из главных причин несоответствия российской политической элиты новым для нее демократическим задачам состоит в том, что на-

стоящего ее обновления не произошло. Правящий класс в целом сохранил свои позиции, устранив лишь верхний эшелон старой политической системы. Незавершенная демократизация породила некий гибрид, соединивший черты демократии и авторитаризма, называемый политологами "делегативной демократией" (Г. О'Доннелл), "плебисцитарной демократией" (Э.Н. Ожиганов). На взгляд последнего, в странах с серьезными социальными и экономическими проблемами, с тяжелым наследием авторитарных режимов такой тип политического режима предстает источником нестабильности¹⁵. Межэлитные сделки, основанные на личных связях и неформальном торге, подрывают власть закона, ослабляют функции политических институтов (например, парламента, политических партий). Сложная система элит подменяет собой гражданское общество, а политический режим – с его полуперсонифицированной, полуинституционализированной системой осуществления власти – зачастую подменяет собой государство.

Западные наблюдатели обратили внимание на чрезмерную роль творческой интеллигенции в рядах новой посткоммунистической элиты в восточноевропейских странах. Ответственные посты президентов, премьер-министров заняли литераторы (В. Гавел в Чехии, З. Гамсахурдия в Грузии, А. Эльчибей в Азербайджане), музыканты (В. Ландсбергис, Л. де Мезьер), артисты, привнесшие в политический процесс субъективизм, морализаторство, политический дилетантизм. Не случайно надежды на упрочение демократических институтов в этом регионе западные интеллектуалы связывают с тем, как скоро представители творческой интеллигенции отойдут от политики и вернутся к своим письменным столам.

Чрезмерное влияние гуманитарной интеллигенции на политические процессы в России связано также со слабостью структур гражданского общества, в частности, таких его институтов, как независимая пресса. В силу финансовых трудностей становление независимой прессы, института независимых интеллектуалов, не повязанных структурами власти, крайне ограничено. Электронные же средства массовой информации, имеющие огромное влияние на формирование политических взглядов и предпочтений граждан, в действительности обслуживают либо "партию власти" и полностью ангажированы ею, либо те или иные финансово-олигархические группировки. Тележурналисты не просто выдают в эфир информацию, но и предлагают ее собственную интерпретацию, часто весьма тенденциозную. Как следствие, их влияние на текущую политику

¹⁴ Видоевич З. Общественные конфликты в контексте нового "переходного периода" // Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы. – М., 1994. – С. 64.

¹⁵ Постсоветское пространство: этнополитические проблемы ("круглый стол") // Социологические исследования. – 1997. – № 2. – С. 78.

оказывается значительно большим, чем, скажем, депутатов, лидеров политических партий, являющихся представителями больших социальных групп. Не случайно на вопрос журналиста А. Белого: "А у Вас не было желания заняться политикой?" – известный тележурналист Н. Сванидзе ответил: "Нет, я и сейчас считаю себя глубоко по уши завязанным в политике. Большого влияния на политический процесс, чем сейчас, у меня в политике не будет"¹⁶.

Анализ каждого из конфликтов, произошедших на постсоветском пространстве в последние годы, свидетельствует, что среди них не было ни одного, происхождение которого можно было бы однозначно квалифицировать как стихийное, спонтанное, что не поддавалось бы предвидению и прогнозированию средствами современной науки задолго до события. Иное дело, что со стороны политической элиты и властных структур в лучшем случае не проявлялось интереса к такому прогнозированию, в худшем же оно преследовалось. Поэтому конфликты часто оказывались результатом либо прямого субъективного выбора, либо не менее субъективного стремления уйти от необходимости делать выбор и принимать решения. Трудно не согласиться с выводом Н.А. Косолапова о том, что конфликты на постсоветском пространстве прямо и непосредственно связаны с происходящим внутри элиты беспрецедентным переделом власти и собственности по всей "вертикали" и "горизонтали" бывшего советского общества. "Психологически не только простому человеку, но и элитам до сих пор трудно примириться с тем, что ранее единое пространство расколото ныне на множество суверенных частей, каждая из которых стремится самоутвердиться политически и практически, следствием чего оказывается масса искусственно создаваемых трудностей как для человека, так и для социальных субъектов и юридических лиц. Эта психология, при всей ее неоформленности, неопределенности – один из наиболее существенных, "фоновых" факторов, весьма значимый, в частности, во всем, что касается конфликтов"¹⁷.

Таким образом, конфликты "обязаны" своим возникновением воздействию множества различных групп факторов, ни одна из которых не является монопольной и не может автономно определять предмет, организацию и манифестирование конфликтных групп, темпы протекания конфликта и т. д. Факторы-детерминанты, определяя социальную осно-

ву и предмет конфликта, проявляются только в сочетании с социально-психологическими факторами, а наличие или отсутствие политических условий для формирования субъектов политического конфликта определяет институционализированные (или внеинституциональные) формы развития последнего. В свою очередь, наложение гео- и хронополитических факторов на имеющиеся в наличии ресурсы оказывает непосредственное влияние на интенсивность и насильственность возникающих конфликтов. По мнению многих исследователей, в ближайшие годы в Европе основными будут две группы факторов – экономические и культурные, предопределяющие, с одной стороны, предмет будущих конфликтов, а с другой – идентификационные основания их участников.

Демократические процессы 90-х годов в этом регионе мира серьезно ослабили остроту проблемы политических факторов-условий, поскольку в большинстве государств возникли самостоятельные организации граждан – политические партии, движения и другие институты гражданского общества, т.е. реализовалось право на создание коалиций и достигнуты определенные гарантии свободы. Однако новые институты не всегда функционируют полноценно, а демократические тенденции нередко уступают дорогу авторитарным, вновь и вновь актуализируя проблему защиты демократии, свободы, прав человека. Противоборство демократической и авторитарной тенденций заметно и в современной России. Но еще более актуальными для нее становятся проблемы сохранения целостности государства и обретения достойного места в мире XXI века. Эти обстоятельства самым непосредственным образом отразятся на конфигурации конфликтов и особенностях их развития и разрешения.

Сочетание тех или иных групп факторов оказывает воздействие не только на формы конфликтов, но и на их последствия. Если классовые, этнические, религиозные и идеологические размежевания совпадают, разделяя общество на непримиримые фракции, то издержки конфликта будут преобладать над преимуществами, определяя в целом его негативную, деструктивную роль. И наоборот, интеграционные преимущества, т.е. конструктивные функции конфликтов, значительно превосходят издержки в тех случаях, когда разделение на фракции имеет пересекающийся характер и коалиции, формирующиеся вокруг какой-то проблемы, распадаются по мере того, как появляется другая проблема. Главная задача политического руководства любой страны состоит, следовательно, в том, чтобы не допустить совмещения многих конфликтных линий, раскалывающих общество на два непримиримых враждующих лагеря и повышающих совокупный разрушительный потенциал такого конфликта.

¹⁶ См.: *Комсомольская правда*. – 1996. – 25 мая.

¹⁷ Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1995. – № 11. – С. 37.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Какие факторы генерируют, возбуждают политические конфликты?
2. При каких условиях политические противоречия превращаются в конфликты?
3. Чем и как динамизируются (эскалируются, обостряются) конфликты?
4. Охарактеризуйте динамику политических конфликтов последнего времени в России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Дмитриев А.В.* Конфликтология. – М., 2000. – Глава 6. Динамика и механизмы конфликта. – С. 100-134.
2. *Зеркин Д.П.* Основы конфликтологии. – Ростов н/Д., 1998. – Лекция 3. Условия и причины возникновения конфликта, его динамика. – С. 84-137.
3. *Анциупов А.Я., Шитлов А.И.* Конфликтология. – М., 1999. – Глава 19. Динамика конфликтов. – С. 251-261.
4. *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. Тексты. – М., 1994. – С. 468-480.
5. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 3. – С. 31-35.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ ЭТАПЫ И УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Любой конфликт, в том числе и политический, представляет собой процесс, имеющий – при всех особенностях конкретно-исторических условий – некоторые универсальные стадии. Каждая из них отличается своей политической и социально-психологической спецификой. Различны темпы прохождения стадий, нередко случаи разрешения конфликта на одной из них. Динамика настроений тоже не прямолинейна; чаще всего она зигзагообразна: бывают спады и даже повороты вспять со сложной инверсией политических установок и партийных ориентаций. В них органически переплетаются стихийное и сознательное, рациональное и иррациональное, на них воздействует как объективное состояние социально-политических противоречий, так и в особенности психополитическое состояние "верхов", их политика.

Динамика политического конфликта или кризиса представляет особый интерес для исследователя, поскольку характеризует естественную, имманентную черту политики, не существующей в статичной, застывшей форме. Однако несмотря на очевидный интерес к "рождению" политического конфликта, эта проблематика еще не нашла своего полного отражения в специальной политологической литературе.

Потребность в разработке динамики политического конфликта, особенно на макроуровне, осознается ведущими отечественными учеными. Так, А.Г. Здравомыслов весь заключительный раздел своей книги "Социология конфликта" посвящает анализу динамики политического конфликта в 80–90-е годы в СССР и в России¹. Автор использовал событийно-конфликтный подход, методологические принципы которого разработаны польским социологом П. Штомпкой. Вместе с тем этот подход, при всей его оригинальности и научной полезности, ограничен тем, что помогает исследователю уяснить всего лишь цепь событий в конкретном историческом противоборстве, включая соотношение сил, стратегию сторон и т. п. Он не отменяет потребности в методологических и общетеоретических наработках, необходимых не только для компаративного анализа и обобщения различных исторических событий, но и для прогнозных оценок в отношении разворачивающихся на наших глазах конфликтов. Здесь особенно уместно суждение о том, что нет ничего практичнее хорошей теории.

¹ См.: *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 317 с.

Политический конфликт – явление сложное, обладающее собственной политической и социально-психологической динамикой. Одни авторы исследуют его в рамках социологического подхода, т.е. через формирование конфликтных групп и динамику соотношения сил. Другие – в рамках поведенческого подхода, т.е. через динамику настроений и массовых ожиданий, через поведение противоборствующих субъектов. Каждый из двух аспектов анализа дает полезные для исследователя результаты, но нельзя забывать и о том, что в реальном конфликте оба эти процесса переплетены и взаимосвязаны.

Методологические основания первого подхода наиболее тщательно разработаны Р. Дарендорфом, чья социология конфликта уделяет первостепенное внимание формированию конфликтных групп. Этот процесс, по мнению автора, состоит из трех этапов. Первый этап образует само исходное состояние социальной структуры с имманентными для нее противоречиями "двух агрегатов социальных позиций", обеих сторон "фронта конфликта"; его каузальный фон². Эти агрегаты представителей социальных позиций не являются еще в точном смысле социальной группой; они являются квазигруппой, т.е. одним только обнаруженным множеством представителей позиций, предполагающим их сходство. Но это сходство еще не осознано самими носителями позиций.

Вместе с тем такие "предполагаемые" (а не реальные) общности имеют исключительное значение. Применительно к структурным конфликтам принадлежность к агрегату в форме квазигруппы постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов. На первом этапе конфликта это скрытые, латентные интересы, принадлежащие не индивидам, но их социальным позициям; они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми со стороны представителей этих позиций. Например, предприниматель может отклоняться от своих латентных интересов и быть заодно с рабочими.

В отличие от первого, латентного этапа второй этап конфликта состоит в непосредственной кристаллизации, т.е. в осознании скрытых интересов и превращении квазигрупп в фактические группировки. Любой социальный конфликт стремится к явному выражению вовне, к манифестированию существующих латентных интересов. При этом формы и уровень организации в разных типах конфликтов – классовом или межгосударственном и т. д. – не могут быть одинаковыми. В политических конфликтах речь идет прежде всего об организации политической партии или союза, тогда как в международных конфликтах организация сторон

² См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142.

представлена уже существующими государствами. Тем не менее на втором этапе любые конфликты (точнее, их субъекты) стремятся к кристаллизации и артикуляции. Однако кристаллизация конфликта происходит только при наличии определенных факторов – экономических, политических, технических, – о которых уже шла речь выше. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, то конфликты остаются латентными, пороговыми, не прекращая своего существования.

Третий этап, согласно Дарендорфу, заключается в существовании уже сложившихся субъектов конфликта, их ясной и четкой идентификации. "По меньшей мере в тенденции конфликты являются столкновением между сторонами или элементами, характеризующимися очевидной идентичностью: между нациями, политическими организациями и т.п., – пишет он. – В случае, если такая идентичность еще отсутствует, конфликты в некоторой степени являются неполными"³. Это не означает, что такие противоречия не представляют интереса для теории конфликта, поскольку противоположность существует. Однако в целом каждый конфликт достигает своей окончательной формы лишь тогда, когда участвующие элементы являются идентичными с точки зрения организации.

Предложенная Р. Дарендорфом схема развертывания конфликтов разделяется и многими отечественными авторами. Так, по мнению В.В. Смирнова, динамика политических конфликтов, при всем различии их типов, включает в себя те же стадии, что и другие конфликты: стадию потенциального конфликта; стадию перехода потенциального конфликта в реальный; стадию конфликтных действий; стадию разрешения конфликта⁴. Эта схема не вызывает возражений, однако она все же слишком абстрактна и лишена собственно политологической специфики.

Другой автор – Е.И. Степанов выделяет латентную стадию; переход от латентного состояния конфликта к открытому; стадию организованного принуждения; стадию насильственного протекания конфликта. Последняя, по его мнению, нередко принимает свою крайнюю форму – кровавую⁵. В качестве критерия конфликтности здесь используется уровень ее напряженности. Если на стадии латентного развития напряженность минимальна, то на стадии насильственного протекания конфликта она максимальна. Понимание, в какой именно стадии находится кон-

³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – №5. – С. 143.

⁴ См.: Юридический конфликт: сферы и механизмы (Юридическая конфликтология). – М., 1994. – Ч.2. – С. 38.

⁵ См.: Степанов Е.И. Методологические ориентиры экспертизы и регулирования социальных конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1994. – №6. – С. 16.

фликт, уже есть способ замера его напряженности, считает автор. Соглашаясь в целом с его выводами, считаем, что выделение последней, насильственной стадии конфликта может быть оправданным лишь применительно к экстремальным формам политических конфликтов типа войны, революции и т.д. Что касается "обыденных" политических конфликтов, то они не обязательно являются кровавыми; более того, само начало кровопролития есть уже доказательство того, что они вышли далеко за рамки политического поля. Иными словами, конфликт заслуживает большего внимания к предшествующим насилию стадиям, где и проявляется его собственно политическая природа.

Убедительную динамику социальных (включая политические) конфликтов предлагают в коллективном труде А. Дмитриев, В. Кудрявцев, С. Кудрявцев⁶. Само явление конфликта они рассматривают как процессирующую структуру, включающую конфликтную ситуацию как объективную почву для реального противоборства между социальными и политическими субъектами; социальную напряженность как эмоциональное состояние в группе или в обществе в целом; собственно конфликт. Последний может выявиться в открытой форме одновременно с обнаружением конфликтной ситуации и сопровождаться ростом социальной напряженности. Иными словами, логическое выделение тех или иных этапов и стадий конфликта, удобное для теоретического анализа, не обязательно совпадает с его реальной динамикой. Стадии могут совмещаться во времени, накладываться друг на друга. Кроме того, общая схема нуждается в уточнении при анализе каждого конкретного типа конфликтов.

Заслугой первого в отечественной науке систематического изложения общей теории конфликтов является попытка четко обозначить переходы от одной стадии конфликта к другой, более высокой. Так, первая, латентная, стадия характеризуется осознанием хотя бы одним из субъектов (или обоими) своих интересов в конфликтной ситуации, а также препятствий для удовлетворения этих интересов. Только в том случае, если позиции обеих сторон четко определились и начались практические действия друг против друга, латентная стадия конфликта перерастает в стадию открытых действий. Здесь наличие конфликта становится очевидным для каждого из участников, включая их попытки ввести в действие арсенал средств для победы над противником. Сами действия становятся практическими, приобретают внешнюю форму, включая использова-

ние СМИ, захват спорного объекта, насилие, угрозы и т. п. Наконец, о конфликте, вышедшем из латентной стадии, будут осведомлены третьи лица, посторонние, способные в той или иной степени повлиять на противоборство сторон. Иными словами, конфликт становится публичным.

Особую роль в механизме развертывания конфликта в его открытой, внешненаблюдаемой стадии играет интенсификация борьбы, ее эскалация. При этом действия одной стороны приводят к ответным действиям другой, но уже многократно усиленным и, в свою очередь, вызывающим новые агрессивные поступки. Использование форм и методов борьбы осуществляется не только с целью манифестации своих собственных позиций, но и для опровержения позиции противоположной стороны. Изменение формы взаимодействия может повлиять и на предмет конфликта, расширив или даже сменив его содержание. "Один из типичных и распространенных случаев, когда происходит заметное усиление и углубление конфликта – это переход в споре, обсуждении, дискуссии от аргументов к претензиям, личным выпадам, даже физическому воздействию"⁷. Такое нередко случается в научных спорах, но еще чаще – в ходе парламентских дебатов, где политические противники стараются не только опровергнуть доводы, но и дискредитировать друг друга. Интенсивность конфликтных действий определенным образом связана с типом и уровнем противоречий в интересах сторон. Более интенсивное деструктивное действие возникает тогда, когда затрагиваются более важные и ценные интересы участников конфликта. Поэтому эскалация конфликта означает углубление противоречий, рост иерархического ранга нарушаемых и защищаемых интересов.

Во всех подобных случаях происходит генерализация конфликта, возникновение множества различных точек столкновения. Конфликт распространяется на более обширные области, меняет свой эпицентр, начинает "питать" сам себя. Может происходить и своеобразное укрупнение противоборствующих субъектов за счет привлечения дополнительных участников, которые, вступая в коалиции с главными действующими лицами, поддерживают bipolarность конфликта. Кроме того, повышается уровень конфликтного взаимодействия: из межличностного он становится межгрупповым или конфликтом организаций. Изменение характера конфликта расширяет набор применяемых в нем средств, как правило, в пользу более эффективных, силовых, которые сами выступают важнейшим фактором и результатом эскалации.

⁶ См.: Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология). - М.: РАН, Центр конфликтологических исследований, 1993. - Ч.1. - 211с.

⁷ Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология). - М.: РАН, Центр конфликтологических исследований, 1993. - Ч.1. - С. 142.

Предложенные здесь подходы и наработки служат полезным инструментарием в анализе различных типов конфликтов, включая и политические. Однако, не отменяя верных общих посылок, нужно видеть специфику динамики именно политического конфликта. Это важно для его правильной идентификации и применения адекватных средств для регулирования или деэскалации – если конфликт уже начался.

1) На наш взгляд, динамику политического конфликта нужно рассматривать сквозь призму формирования субъекта этого конфликта. Как и в других типах конфликтов, этот процесс начинается в сфере общественной психологии, с появления чувства неудовлетворенности существующим положением вещей, с симптомов беспокойства. Они, как правило, включают эмоциональные реакции негативного плана, в том числе враждебность и агрессию, а также нереалистические надежды, проявляющиеся во всякого рода фантазиях, утопиях, воспоминаниях о лучших днях и т.п. Эта скрытая, латентная стадия конфликта охватывает как отдельные общественные слои и группы, так и властные структуры. Представители последних испытывают сомнения и колебания относительно проводимого политического курса, нарастающую неуверенность в нем. Однако конфликт еще не проявлен в движениях и политических организациях, т.е. его субъекты еще не сформировались. Эту стадию конфликта можно считать протополитической.

2) Характерное для нее недовольство, присутствующее в общественной атмосфере, может быть обозначено как первичное, психологическое артикулирование проблемы. На уровне массовых социальных слоев и групп оно ощущается как определенный психологический дискомфорт, вызванный совокупностью причин – экономических, социальных, политических и т. д. В рамках же общественного мнения артикуляция проблемы обнаруживается в ее многочисленных интерпретациях в рамках теоретической неформальной дискуссии, как содержание постоянного дискурса, который, в соответствии с выводами современной социологии, составляет неотъемлемую часть социальной реальности. Здесь еще нет собственно политической борьбы, но уже формируются ее предпосылки и импульсы, предпозиции сторон и "пред-предметность" конфликта. Обследования массового сознания, произведенные в этот период, позволяют выявить установки, ценностные ориентации, "болевые" проблемы и противоречия, т.е. обнаружить индикаторы назревающих (или уже назревших) конфликтов.

3) Следующая стадия политического конфликта предполагает осознание его предметности – несовершенство законодательства, недовольство политикой государства (деятельностью правительства), неудовлетворен-

ность существующим статусом и т.п. Здесь происходит первичное определение политического конфликта. Внимание группы фокусируется на одной – двух проблемах как наиболее беспокоящих. На этой стадии еще отсутствуют консолидированные субъекты, еще не произошло их кристаллизации. Вместе с тем именно здесь осуществляется переход от интерпретации понятий в рамках первичной артикуляции проблем к публичному и официальному называнию соответствующих отношений, порождающих эти проблемы, – к номинации. Как показал П. Бурдьё, в реальной обстановке мнения становятся силами, а соотношение мнений – силовыми конфликтами между группами. В борьбе мнений и рождается собственно политическая борьба, сопровождающаяся кипением страстей, и номинация выступает ее основным механизмом.

Главная сила номинации – в конструировании новой социальной реальности. "Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, т.е. официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или коллективному существованию, но до сих пор оставалось в состоянии индивидуального или серийного опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть – власть образовывать группы, формируя здоровый смысл, явно выраженный консенсус для любой группы", – пишет П. Бурдьё⁸. В результате называния-номинации завоевываются определенные позиции в политическом пространстве и формируются новые отношения.

Производство идей о социальном мире, следовательно, оказывается подчиненным логике завоевания власти, прежде всего власти мобилизации наибольшей численности. Такова символическая эффективность представления и та мобилизующая вера, которую оно вызывает благодаря своему свойству объективации. Простое "идейное течение" становится политическим движением лишь тогда, когда предлагаемые идеи получают признание и широкую поддержку не только среди "посвященных", но и вне круга профессионалов. Официальный представитель присваивает себе не только голос группы непосвященных (а еще чаще – ее молчание), но и саму силу этой группы, производству которой он способствует, наделяя ее голосом, признаваемым в качестве легитимного в политическом поле. В отличие от науки сила идей, выдвигаемых профессиональным политиком, измеряется не ценностью истины, но заключенной в них мобилизующей силой, которую он может продемонстрировать, получая

⁸ Бурдьё П. Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 66-67.

голоса на выборах или собрав группу в пространстве. Но для этого необходимо сначала убедить максимальное большинство людей в том, что существующий порядок является проблематичным. Только в этом случае символический капитал конвертируется в политический, т.е. в кредит доверия и поддержку, которую граждане оказывают своим представителям.

Механизм номинации, приводимый в действие официальными лицами политического поля – лидерами партий, движений, государственными деятелями – порождает ответный процесс со стороны их приверженцев и адептов – политическую идентификацию. Политическая идентичность устанавливается как следствие двух процессов – объединения и различия. Расположить агента в поле политики – это значит определить ансамбль агентов, занимающих сходные политические позиции, и одновременно отделить его от остальных агентов. Поэтому истинный смысл политической идентичности связан со всеми сходствами и различиями, союзами и конфликтами, объединениями и противопоставлениями политической жизни. "Политическая идентичность – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других, важнейшее средство мобилизации агентов поля политики", – считает Ю. Качанов⁹. Механизм политической идентификации особенно отчетливо просматривается в ходе избирательных кампаний, где каждая электоральная мобилизация представляет собой не что иное, как типичную конфликтную группу. Одним из наиболее ярких примеров такого рода можно считать неожиданный для многих успех на парламентских выборах 1993 г. ЛДПР, "партии Жириновского". Выйдя на поле невостребованных идей, он весьма профессионально использовал традиционный популистский прием – мобилизацию широких народных масс с помощью эффективной политизации национальных чувств.

Политическая идентификация является необходимым условием мобилизации, т.е. демонстрации, манифестирования конфликтной группы как политического субъекта. Она сопровождается усилением артикуляции предмета конфликта. Происходит как бы его вторичное опредмечивание, вторичная субъективация. Усиление артикуляции предмета конфликта означает, что в поле внимания участников включается несколько предметных областей, возникает веер требований к власти. Здесь гораздо четче выявлены субъекты конфликта – движения, объединения, политические партии, происходит их внутренняя консолидация. Особенно заметна роль политических лидеров, оказывающих направляющее влияние на все эти процессы.

⁹ Качанов Ю. Опыты о поле политики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. – С. 114.

Мобилизация политического субъекта свидетельствует о серьезности намерений оппонентов существующей власти. Правящая элита, в свою очередь, тоже начинает испытывать растерянность, смятение, пытается овладеть положением за счет частичных уступок. Следует обратить внимание на то, что именно организация оппозиции побуждает властные структуры вступать в контакт с протестующими, пытаться найти решение конфликта в рамках правового поля. Собственно, на этой, третьей стадии, появляется реальная возможность институционализации конфликта, а организация во главе с популярными лидерами, опирающаяся на массовую поддержку сторонников и сочувствие общественности, вправе рассчитывать на признание и равноправный диалог для разрешения возникших противоречий.

Вместе с тем это происходит не всегда. В принципе, на этой стадии существует весьма обширный веер разнообразных возможностей для власти предержащих воспрепятствовать дальнейшему углублению и обострению конфликта. Методы могут быть самыми разнообразными, в зависимости от временного и политического контекста. Например, если в ходе избирательной кампании лидеры оппозиции смогли артикулировать – в виде лозунгов, форс-идей – наиболее болезненные для масс проблемы, то действующий президент или лидер правящей партии может перехватить эти лозунги, а заодно с ними и часть возможного электората противника. Тогда сформировавшаяся против него конфликтная группа будет разрушена. В другом случае – скажем, ответственного голосования в парламенте – воздействие власти на оппозицию и колеблющихся может быть оказано в виде прямого подкупа ее отдельных представителей – министерскими портфелями, должностями в структурах исполнительной власти и т.п.

Известно, что властные структуры не часто следуют разумной и прагматичной стратегии действий для предотвращения радикализации политических конфликтов. Иногда они просто выжидают в надежде, что все "утрается само собой". Еще чаще с их стороны следует давление с намерением запугать участников оппозиционного митинга или демонстрации, разрушить конфликтную группу посредством изоляции, интернирования ее лидеров, разгона. В случае жесткости и оперативности таких действий конфликт действительно может быть "погашен", что, впрочем, не исключает его возобновления в будущем в гораздо более острых формах и с более разрушительными последствиями.

4) Если власти бездействуют, т.е. не пытаются разрешить конфликт в правовых рамках, но и не решаются применить силу, наступает стадия преобладающей политизации. Требования и проблемы участников конф-

ликта, даже если они не выходили раньше прямо и непосредственно на политическую проблематику, резко политизируются. Конфликт перерастает свою первоначальную предметность и из социального, экономического или правового становится именно политическим, направленным против существующей власти и олицетворяемого ею социального порядка. Резко расширяется (в содержательном плане) предмет конфликта: он начинает действовать по "принципу воронки", т.е. втягивать в свою орбиту все сопутствующие спорные проблемы. Быстро возрастает объем массы, принимающей участие в конфликте. Ее давление раскалывает правящий класс, создавая в нем трещины, в которые прорывается массовое недовольство. В свою очередь, часть правящей элиты сама апеллирует к массам, пытаясь получить их поддержку в борьбе с ортодоксами и противниками уступок. На этой стадии возможны серьезные социально-экономические и политические реформы как способ разрешения конфликта, обретающего характер и масштаб общенационального кризиса, затрагивающего и "верхи", и "низы". Вместе с тем весьма реален и революционный взрыв, опрокидывающий существующий социальный порядок. Если возобладает тенденция, ведущая к насильственному низвержению существующей власти и трансформации всех общественных отношений, то это будет означать вступление политического конфликта в стадию его иррационализации. Предметный круг конфликта еще более расширяется, в рядах противоборствующих сил идет перегруппировка с выдвиганием на передний план радикалистских, экстремистских течений. Возможности правового решения исчерпаны (обе стороны нарушают правовые нормы), на передний план все отчетливее выдвигаются силовые, вооруженные средства подавления конфликта. Из сферы политического противоборства он все больше переходит в плоскость конфликта военного, когда вооруженное насилие используется в качестве главного средства разрешения противоречий.

Однако с переходом политических субъектов к вооруженным формам борьбы конфликт перестает подчиняться собственно политическим законам и механизмам разрешения и все больше детерминирован военными силами и средствами. Вместе с тем перерастание политического конфликта в военный вовсе не предопределено и далеко не неизбежно. Политический конфликт может разрешиться отставкой правительства или роспуском парламента, отменой непопулярного решения, голосованием по итогам парламентской дискуссии, предоставлением требуемого статуса той или иной социальной или этнической группе и т.д. Вооруженные формы типичны лишь для наиболее глубоких и масштабных по-

литических конфликтов типа революции, восстания, гражданской войны и т.д. В силу того что они возникают в экстремальных условиях и являются скорее доказательством банкротства политики, нежели выражением ее сущности, мы не считаем необходимым анализировать их в настоящем исследовании. Вместе с тем следует подчеркнуть, что конфликты очень многообразны, не похожи друг на друга, поэтому трудно указать на единые формы их завершения.

Динамику политического конфликта можно условно представить в виде следующих стадий (см. схему 1):

Схема 1

латентная стадия	первичное опредмечивание, артикуляция	вторичное опредмечивание, номинация и идентификация	мобилизация и преобладающая политизация	завершение конфликта
------------------	---------------------------------------	---	---	----------------------

Особое место в политическом анализе занимает проблема уровней конфликтов, поскольку определяющим для политических отношений является их вертикальное измерение, т.е. отношения "господства / подчинения". Кроме того, любой конфликт потенциально может приобрести "политический статус", т.е. поставить под вопрос существующий политический порядок. О том, сколь короток путь от локального до общенационального уровня политики, свидетельствуют многочисленные исторические примеры, включая шахтерские забастовки начала 90-х годов, приведшие к отставке последнего советского правительства и политической дестабилизации, закончившейся распадом СССР. Если государственно-правовые конфликты, т.е. конфликты во властных структурах – парламенте, правительстве – изначально имеют политический характер, то в недрах гражданского общества этот процесс происходит постепенно, хотя и не является изначально заданным.

Понятие "уровень политического конфликта" предполагает учет диапазона социального единства, в рамках которого возникает конфликт. Этот диапазон предопределяет масштаб и степень влияния последнего на общество. Скажем, ролевой конфликт по своему диапазону уступает конфликту групп, а тот, в свою очередь, – конфликту организаций. Социетальный уровень конфликта означает его развертывание в масштабах всего общества, обретение им общенационального характера. Высшим (международным) уровнем являются межгосударственные конфликты (войны).

Таким образом, существует несколько уровней конфликтности: внутри- и межличностная; внутри- и межорганизационная; институциональная; социетальная; глобальная. Полагаем, что безусловный научный интерес представляет динамика политического конфликта не только через конституирование противоборствующих групп, как это было показано выше, но и через уровни конфликтности. Рассмотрим эту проблему в тех рамках, которые соответствуют поставленным в работе задачам.

Многослойная структура уровней конфликтности побудила ряд авторов высказать гипотезу о существовании некоей "критической" зоны, концентрирующей в себе наибольший потенциал и требующей по этой причине особого внимания¹⁰. Суть их аргументов сводится к тому, что вмонтированный в систему политического конфликта разброс субъектов, условий, реакций, быстрая смена режимов связей, нарастающая синхронизация подсистем накладываются на одновременную динамику конфликта на микроуровне, когда взаимодействуют причинно-следственные связи крупных блоков большой системы. При этом многочисленные блоки (государство, партии, профсоюзы, союзы предпринимателей и т.д.) и слабоупорядоченные действия подсистем как бы усредняются до поры до времени, и несут с собой лишь малые возмущения системы. Что касается микроуровня, то здесь происходит более активное и чаще конфликтное взаимодействие немногочисленных агентов при неизменных или мало меняющихся внешних условиях.

Для того чтобы уловить момент перехода конфликтности микроуровня в конфликтность на макроуровне, необходимо отслеживать ситуацию на так называемом срединном уровне (мезоуровне) институтов, организаций, движений, массового сознания. Этот мезоуровень – институциональная часть социетальной системы – отличается той особенностью, что располагается в неблагоприятной с точки зрения стабильности зоне угроз как со стороны общенациональных проблем, так и неудовлетворенных личностных потребностей человека и такой микросоциальной группы, как семья. "Здесь как бы сталкиваются самые противоположные тенденции социального, демографического, экономического, технологического, экологического, политического и геополитического типов и формируется обобщенный вектор движения"¹¹.

Особенность "срединной" сферы общественных институтов, массовых движений и массового сознания состоит в том, что в этой сфере наиболее часто неадекватный резонанс получают воздействия всех "вне-

шних" факторов, к которым относятся как глобальные, так и личностные явления устойчивого характера. Метасистема и микросистема как бы бьют в одну точку и порождают различные реакции "срединных" субъектов: как неоправданно слабые, так и гипертрофированно сильные. В результате становится правилом тот факт, что конфликт на том самом институциональном пространстве, где наиболее велика возможность контроля над ним и принятия необходимых решений, чаще всего задерживается во времени и проявляется взрывным образом как катастрофический срыв или демонстрация спонтанной "свободы воли" системы. Такие процессы могут развиваться после первоначального толчка как бы автономно, приобретая роль самостоятельного фактора.

"Именно в исследуемой нами "мезосфере" социальной конфликтности... располагаются главные переносчики взаимодействия между макро- и микроуровнями, которыми являются политические институты, правовые нормы и административные структуры, а также общественное сознание (менталитет социума), в которое погружено сознание индивидуума", – пишут авторы, справедливо подчеркивая продуктивность изложенной методологии для исследования динамики социальных и политических конфликтов¹².

Существенное внимание этой проблематике уделяет А. Г. Здравомыслов. С его точки зрения, внимание исследователей должно быть обращено на осмысление взаимопереходов от макро- к микроуровню и обратно в развертывании конфликтов и уяснению роли личностного фактора в их развитии. "В этой связи одна из наиболее сложных теоретических задач связана с уяснением механизмов взаимоотношения конфликтов на разных уровнях," – пишет он¹³. Весьма слабая разработанность этой проблемы связана, по мнению автора, с тем, что всякий конфликт носит, как правило, многоуровневый характер, и между его развертыванием на макроуровне и в микромасштабе имеется масса переходных моментов, связанных со специфическими особенностями среды и фазы развертывания конфликта.

На наш взгляд, предложенные здесь концептуальные подходы к уровням конфликтности весьма продуктивны для последующих теоретических разработок применительно к политическому конфликту. Концепция мезоуровня позволяет сомкнуть две плоскости анализа, предложенные А.Г. Здравомысловым, – микро- и макроуровень – и позволяет фиксиро-

¹² Социальные конфликты в современном обществе. – М.: Наука, 1993. – С. 21.

¹³ Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 130.

¹⁰ См.: Социальные конфликты в современном обществе. – М.: Наука, 1993. – С. 19.

¹¹ Там же. – С. 20.

вать как раз тот момент в динамике любого конфликта, когда он может приобрести политические черты, т.е. *политизироваться*. Мезоуровень возвращает нас к непосредственным субъектам конфликта – мобилизованным группам, чье поведение решающим образом влияет на его последующую динамику.

Динамика политического конфликта еще более отчетливо прослеживается на уровне всей политической системы, а не только ее отдельного института, так как здесь происходит пересечение экономических, политических и прочих требований и конфликтов, что может привести к политическому кризису. Конфликты не просто пересекаются и накладываются друг на друга, но и взаимно стимулируют друг друга таким образом, что вопрос о первичности какой-то одной из конфликтных областей лишается смысла. В кризисе оказывается не просто экономика или политика, но вся общественная система в целом. Многие программы выхода из кризиса, в том числе и в России, оказывались неэффективными именно в силу того, что не учитывали и не учитывают этот целостный, системный характер конфликтов, взаимно порождающих друг друга. В рамках поля политики фазой повышенной конфликтности и областью вызревания особого рода конфликта – макроконфликта или политической революции – являются кризисы политических режимов.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Определите основные этапы формирования и развертывания политических конфликтов?
2. Чем обусловлена поэтапная динамика конфликтов?
3. Какие действия можно предпринять на разных этапах генезиса и развертывания конфликта с целью его регулирования?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Дмитриев А.В.* Конфликтология. – М., 2000. – Глава 6. Динамика и механизмы конфликта. 4. Развитие конфликта. – С. 121–134; Глава 11. Разрешение и ослабление конфликта. – С. 221–273.
2. *Степанов Е.И.* Методологические ориентиры экспертизы и регулирования социальных конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 6. – С., 1994. – С. 5–21.
3. *Чумиков А.Н.* Социально-политический конфликт. – М., 1993.

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ КРИЗИСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ КАК ОСОБАЯ ФАЗА КОНФЛИКТНОСТИ

Понятие "политический режим" до недавнего времени не имело самостоятельного звучания в отечественной политологии. Последний чаще всего отождествлялся с политической системой. В известной степени такое отождествление допустимо, многие авторы используют понятия "политический режим / политическая система" как синонимы. По мнению Р. Арона, политические науки изучали в основном политическую систему как таковую: ее органы и функции исследовались отдельно друг от друга¹. Это лишало исследователя возможности принимать во внимание главные переменные величины, определяющие режим ее функционирования. Отсюда последний нуждается в более тщательном рассмотрении прежде всего в методологическом плане: как формализованный (хотя и в разной степени) способ упорядочения политических отношений в системе. Его обычно определяют как систему методов и средств осуществления политической власти, отражающую состояние прав и свобод граждан, отношение государственной власти к правовым основам ее деятельности. Для характеристики политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей – с действительной политикой. Ведь за фасадом "демократических" (по форме) конституций и других законодательных актов может скрываться весьма неприглядная и даже преступная политическая реальность, не имеющая ничего общего с декларируемыми демократическими ценностями. Как пишет известный польский социолог Е. Вятр, "политологи, более склонные к законодательной традиции нашей дисциплины, зачастую концентрируются на том, что записано в конституции. Совершенно очевидно, что конституционная система очень важна. Однако положения конституции не всегда соответствуют реальности. Поэтому политологи нуждаются в термине, который бы совмещал конституцию и реальности политики"². Таким термином как раз и является "политический режим", под которым Е. Вятр понимает систему конституционных (законных) порядков и конкретное воплощение этой системы на практике. В отличие от выявленных системной теорией общих функций политической системы, режим означает специфические пути и средства, какими эти функции

¹ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 92

² Вятр Е. Типология политических режимов // Лекции по политологии. – Таллинн, 1991. – Т.1. – С. 55.

могут быть структурированы и встроены в институты и процедуры, а также возникающие в ходе этого взаимоотношения. Очевидно, что одна и та же политическая система может функционировать – в зависимости от исторических обстоятельств – в различных режимах. Так, структура политических институтов за весь советский период отечественной истории оставалась почти неизменной (за исключением, возможно, последнего, "горбачевского" периода), но методы и средства осуществления политической власти, взаимоотношения последней с народом в 30, 60, 70-е годы были далеко не одинаковыми.

Несмотря на наличие общезначимых характеристик политических режимов, анализ предполагает учет конкретного их типа, поскольку структурные компоненты и принципы взаимодействия далеко не одинаковы в демократических, конституционно-плюралистических и авторитарных (или тоталитарных) режимах. Соответственно разнятся формы и способы разрешения кризисов различных типов режимов.

Анализ функционирования и разложения конституционно-плюралистических режимов, согласно Р. Арону, должен включать в себя пять основных переменных: Конституцию; политические партии; способ функционирования режима, включая такие уровни, как избирательный закон и выборы, способ функционирования парламента, отношения между правительством и парламентом. Четвертая переменная величина – группы давления. Наконец, последняя, пятая – "то те, кому режим отводит первые роли", в том числе "лидеры и их соответствие ситуации"³. Все эти переменные взаимосвязаны, что способствует сохранению устойчивости политического режима. И наоборот, слабость или разрушение взаимосвязей ведут к его кризису.

Известно, что исполнительная власть, рождающаяся в партийных битвах, может приобрести устойчивость двумя возможными способами. Первый – американский – предполагает обладание исполнительной властью президентом, система избрания которого отличается от системы избрания депутатов парламента. Процедура избрания президента, сложность отрешения от должности, а также его авторитет и власть как представителя всего политического сообщества делает исполнительную власть в целом устойчивой.

Другой способ – британский, при котором правительство выражает волю парламентского большинства. Правительство такого типа существует до тех пор, пока существует такое большинство, и обладает свободой действий, поскольку вправе рассчитывать на одобрение парламента.

³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 101.

Вместе с тем устойчивость власти в обеих конституционных системах обеспечивается не сама по себе, но при условии ее гармонирования с партийно-политической инфраструктурой. Известно, что обе ведущие американские партии – республиканская и демократическая – принадлежат к партиям со слабой структурой, т.е. их члены не подвержены строгой партийной дисциплине при голосовании в конгрессе. Но если бы они были дисциплинированными, как это имеет место с консерваторами и лейбористами в Великобритании, то американский президентский режим не смог бы функционировать. Единственным исключением для него могла бы быть ситуация, при которой и парламентское большинство, и президент принадлежат к одной и той же партии. И наоборот: парламентский английский режим действует лишь благодаря партийной дисциплине и тому обстоятельству, что обе главные партии достаточно близки друг другу по своим программным политическим установкам. В условиях, если бы программные цели обеих партий были бы прямо противоположными, чередование партий у власти привело бы к крушению законодательства. Эта же опасность подстерегает и президентский режим, который также не застрахован от двух опасностей: паралича власти или государственного переворота. Это наглядно демонстрируют страны Латинской Америки, где взяли на вооружение американскую модель президентского режима.

Таким образом, устойчивость и эффективность демократических режимов обеспечивается не столько конституционными правилами как таковыми, сколько гармонией этих правил с партийной системой, природой и ролью партий, их программными политическими концепциями. Кроме того, необходимо, чтобы конституционные правила и партийные устремления были согласованы с социальной структурой и предпочтениями граждан. Иными словами, в анализе политических режимов необходимо постоянно иметь в виду эти два ключевых среза: горизонтальный, в рамках самого режима, включая взаимоотношения между институтами, элитами и т.д., и вертикальный, т.е. взаимоотношения политического режима с гражданским обществом. Взяв эту схему в качестве исходной, кризис режима можно условно свести к трем основным политическим полям:

- кризису политических институтов (или институциональному полю);
- кризису легитимности (или разрушению доверия общества к власти);
- кризису социальной базы режима (или процессам в социальной инфраструктуре общества).

Этимологическое значение понятия "кризис" предполагает ситуацию сложного переходного состояния, перелома, поворотного пункта, тре-

бующего решения. Как пишут известные американские социологи, время кризиса – это "исторический момент, момент опасности и неуверенности, в течение которого следуют ответственные решения и трансформации, определяющие будущее развитие системы и – насколько это возможно – ее новый социальный, экономический и политический базис"⁴. Это означает комплексный характер самого феномена кризиса и глубинную противоречивость, вызвавших его к жизни.

В ситуациях политических кризисов речь идет о требованиях (и возможной реализации) значительных изменений в политике, а не просто о частных отдельных изменениях (например, отставке правительства). Вместе с тем любой кризис сигнализирует о невозможности разрешения назревших противоречий и политических конфликтов на прежней политико-правовой основе, поскольку старая система отношений и связей между политическими институтами и субъектами оказалась нефункциональной⁵.

Кризис политического режима представляет собой экстремальное состояние политической системы или ее несущих структур, которое, с одной стороны, характеризуется экстраординарным обострением конфликтов между ведущими субъектами политической жизни, а с другой – утратой (или резким ослаблением) способности регулировать и разрешать конфликты в рамках и на базе существующих политических отношений и политических институтов. Существенными признаками кризиса режима являются:

- возрастающая неспособность "верхов" контролировать политические процессы и регулировать конфликты в рамках и на базе сложившейся политической системы, режима ее функционирования, ранее принятых правил и норм политического поведения субъектов политической жизни;

- делегитимацией в общественном сознании институтов политической власти, резким сокращением и разрушением социальной и политической базы доверия к ним и властвующей элите;

- резким нарастанием недовольства политикой властвующих субъектов (политических "верхов", истеблишмента).

По мнению авторитетного исследователя социальных деформаций В.Н. Кудрявцева, в социодинамике кризиса ключевую роль играет обычно деградация институтов, порождающая разложение других компонен-

тов социальной системы⁶. Причина особой уязвимости институтов (а не отношений) в системе социальных взаимосвязей объясняется тем, что институты не столь гибки, как другие компоненты, в них прямо отражено и закреплено старое. Люди непосредственно сталкиваются с институтами власти и управления, политики и экономики. Потребности меняются, институты перестают их удовлетворять. "Деформации, происходящие с институтом, влияют и на соответствующую деформацию в общественных отношениях"⁷. В политике возникает неустойчивость, появляются демагогия, популизм, вероломство, что, в свою очередь, порождает недоверие к государственной власти, падение ее авторитета. На это обращает внимание известный американский политолог С. Верба, характеризующий кризис как "изменение, требующее новаций со стороны правительства и институционализации, если элиты не хотят всерьез рисковать потерей своего положения и сохранением общественного порядка"⁸.

Кризис политических институтов в демократических режимах начинает проявляться тогда, когда система партий уже не отвечает всем группам интересов или функционирует таким образом, что соперничество партий не приводит к устойчивой реальной власти. Отсюда постоянные меж- и внутрипартийные конфликты, отсутствие устойчивого большинства в парламенте, конфликты между законодательной и исполнительной властью и паралич в принятии значимых политических решений. С точки зрения поведения субъектов таких конфликтов – тех или иных группировок правящей элиты – отчетливо проявляется доминирование частных, узкопартийных, узкогрупповых интересов над интересами общества в целом. Расколы и противоборство между группами, входящими в состав правящего меньшинства, достигают такого накала, что делают гибель режима неизбежной.

Кризис политических институтов приводит к разрушению лежащей в основе демократического режима идеи о гражданском правлении. Некое меньшинство использует государственные институты в своих узкогрупповых целях, демонстрируя "избыточную олигархичность" режима. С другой стороны, угрозу конституционному порядку создает то, что Р. Арон назвал "чрезмерной демагогичностью": всевозможные группы проявляют бескомпромиссность в отстаивании своих требований, а для сохранения общих интересов уже не остается реальной власти.

⁴ Amin S., Arrighi G., Frank A.G., Wallerstein Y. Dynamik der globalen Krise. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986. – S. 76.

⁵ Makropolitische Konfliktforschung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Hef 4. – S. 559.

⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления). – М.: Институт государства и права, 1992. – 133 с.

⁷ Там же. – С. 79.

⁸ Makropolitische Konfliktforschung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Hef 4. – S. 561.

Кризис государственных институтов особенно реален в том случае, если в обществе достаточно сильны правая и левая радикальные группировки, националисты и левые радикалы, вдохновляемые идеями либо национального, либо социального единства и устранения олигархии, якобы закулисно управляющей в парламенте. Их может роднить общность цели – уничтожить плюралистический режим как "воплощение зла" (с обеих крайних точек зрения). Классический пример – Германия времен Веймарской республики. Против существовавшей в ней парламентской системы боролись и национал-социалисты, и коммунисты, обладавшие достаточной силой и способностью мобилизовывать массы. Становлению правой оппозиции способствовала слабость плюралистического режима, символизировавшего поражение и обладавшего низким авторитетом. В качестве главного мобилизующего средства использовалось озлобление нации по поводу угрозы ее единству. Становлению левой оппозиции способствовал исключительно тяжелый экономический кризис 1929–1933 гг., вызвавший массовые протестные движения. Конституционно-плюралистический режим утрачивал необходимую поддержку народных масс и минимальное благосостояние, без которого невозможно существование современного общества.

Любой конституционно-плюралистический режим базируется на мажоритарном принципе, т.е. на поддержке большинства. Если парламентское большинство состоит из противников режима, он обречен: наличие в парламенте мощных правой и левой оппозиций, не приемлющих режим, препятствует его нормальному функционированию и делает реальной угрозу государственного переворота. Что касается Веймарской республики, то в ней сами демократические партии – политическая опора режима в парламенте – не были готовы установить работающую парламентскую систему. Как пишет немецкая исследовательница У. Хоффман-Ланге, они продолжали заниматься "идеологическими словопрениями и не желали предпринять необходимые шаги по формированию устойчивых и эффективных правительственных органов"⁹. Разложение внутри режима захватило все партии и приняло форму избыточной приверженности групповым и узкопартийным идеям. Все партии Веймарской республики стремились играть главенствующую роль и каждая обладала собственной идеологией, а некоторые – и собственными вооруженными силами.

⁹ Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 53.

Следует сказать также о слабости и внутренней нестабильности правившей в то время левоцентристской коалиции, в которой отчетливо просматривались трения между социал-демократической и другими демократическими партиями. С обострением социально-экономических проблем после 1929 г. эта коалиция распалась.

Слабость режима Веймарской республики исследователи также видят в том, что она осуществила институциональную реорганизацию, не сопровождавшуюся элитной трансформацией. Это означало, что старые элиты остались в силе, ожидая лишь удобного случая для институционального поворота назад. Обладая правом издавать публичные указы без одобрения их парламентом, президент республики имел возможность на конституционных основаниях удерживать у власти правительство, которое уже не пользовалось доверием парламентского большинства. Таким образом, после ухода в отставку последнего пропарламентского правительства в 1930 г. Веймарская республика представляла собой уже не парламентскую демократию, а квазипрезидентскую систему. Она и привела к власти лидера одной из оппозиционных группировок, составивших парламентское большинство, который полуконституционным путем устранил режим. По мнению большинства исследователей, здесь мы имеем идеально-типический пример разложения демократического режима.

Но кризис институтов – это только один компонент кризиса политического режима. Другим является утрата доверия и поддержки со стороны общества, т.е. кризис легитимности. Происходит не только изменение рациональных позиций граждан, но и изменение общественных настроений, или то, что Ш.-Л. Монтескье называл "разложением принципа". Поскольку главным принципом демократического режима является гражданственность, возникает эрозия этого понятия как в элитах, так и в массах. В элитах утрата легитимности может проявляться либо в подмене идеи всеобщего блага межпартийной борьбой, либо в навязчивом стремлении к компромиссам, что в конечном счете делает невозможным любой недвусмысленный выбор и любой решительный курс.

Что касается масс, то в их сознании оказываются поколебленными представления, символы веры, в соответствии с которыми власть предержащие обладают правом принимать решения, которые граждане обязаны выполнять. Иными словами, возникают сомнения в признании власти правителей и обязанности управляемых ей подчиняться.

Кризис легитимности режима является самой серьезной угрозой его существованию. Любое общество или режим тем успешнее могут противостоять различным кризисам, чем большей легитимностью они распо-

лагают. В свою очередь, разрешение кризиса легитимности дает возможность хотя бы на время избежать других кризисов. Так, в ходе Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х гг. политика многих европейских правительств потерпела крах. "Но страны, высоко ранжировавшиеся по шкале легитимности, остались демократическими, в то время как Германия, Австрия и Испания потеряли свою свободу, и Франция едва не последовала их примеру," – пишет С. Липсет¹⁰.

Разрушающее влияние кризиса легитимности на все компоненты политического режима история демонстрировала неоднократно. По словам П.А. Сорокина, когда политический режим начинает рассыпаться, "вирус дезинтеграции" быстро распространяется всюду, заражая все статуи власти, проникая во все щели. "Падение режима – обычно это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима", – писал П. Сорокин¹¹. Отжившие ценности больше не дают представителям власти уверенности в себе, самоуважения и глубокой убежденности в правильности их официальных обязанностей и бюрократического порядка. Распад старого, умирающего режима обычно деморализует их. Сталкиваясь с энтузиастами, приверженцами новых, утверждающихся ценностей, агенты режима начинают сомневаться, теряются и часто не могут выполнять свои официальные обязанности. Таковым было, например, положение царского режима в России в канун Февральской революции 1917 г. По словам Н. А. Бердяева, ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. "Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников"¹².

Кризис легитимности наиболее отчетливо вскрывает конфликт ценностей в дестабилизированном обществе. В противоборство с нормами и ценностями разлагающегося режима вступают все новые и новые слои и группы. Их мобилизация происходит не только на иной, отличной от существующей, ценностной основе, но и на прямо противоположной ей. Так, в числе причин, приведших к кризису Веймарской республики, был конфликт ценностей. Значительная часть немецкой армии, государственных служащих и аристократии не приняла Веймарскую республику не

¹⁰ *Makropolitische Konfliktforschung*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Hef 4. – S. 562.

¹¹ Сорокин П.А. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 60.

¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 109.

потому, что она была неэффективной, но потому, что ее символы и основополагающие ценности отрицали их собственные.

Отчетливым проявлением кризиса легитимности является также нарушение ролевых обязанностей управляющих и управляемых. Со времен Платона и Аристотеля замечено, что демократия начинает разлагаться, когда граждане утрачивают привычку к повиновению и пренебрегают дисциплиной, а правители пытаются снискать похвалу управляемых. Это можно рассматривать как двойное разложение, поражающее как "верхи", так и "низы".

Падению режимов часто предшествует широкий размах коррупции, приобретающей всеобщий характер. Последним оплотом режима является сопротивление коррупции, оказываемое судьями. Если разложение коснулось и их, у обычных граждан уже не остается никакой надежды и полный кризис легитимности можно считать предерженным.

Как уже говорилось, на легитимность существующего политического режима и находящихся у власти элит влияют многие внутренние кризисы. В свою очередь, потеря властвующими элитами легитимности приводит к обострению других кризисов. Это обстоятельство и позволяет считать кризис легитимности наиболее значительным, наряду с кризисом институтов, системы правления, правительственным кризисом и т.д. В то же время он является результатом воздействия многих факторов. Один из них – политическая дискриминация. По мнению Г. Алмонда и С. Вербы, "чувство, что у тебя есть возможность участия в политике, увеличивает легитимность системы и ведет к политической стабильности"¹³. Теоретическое объяснение этого феномена состоит в том, что полноценное политическое участие может привести к уменьшению дискриминации и в других сферах.

Наряду с политическим важную роль может сыграть экономический фактор. Легитимность режима во многом определяется его экономической эффективностью. Так, последовательное падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы явилось результатом их экономической неэффективности. И наоборот, экономические успехи возносят режимы из состояния полного отсутствия легитимности и даже национального краха (послевоенные Германия и Япония) до самых передовых в ряду легитимных плюралистических демократий.

В числе других факторов кризиса легитимности политического режима можно назвать социальные, в частности, отсутствие достаточ-

¹³ *Makropolitische Konfliktforschung*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Hef 4. – S. 590.

ной вертикальной мобильности для тех или иных групп населения в сочетании с серьезными показателями социального неравенства. Особую роль в процессе делегитимации режима играет такая социальная группа, как интеллектуалы: если они ставят под сомнение существующий режим, его легитимность оказывается более слабой. "Интеллектуальный микроб" широко распространяется в народе, вызывая в итоге кризис доверия к власти. Внимание теоретиков, исследующих проблему легитимности, привлекают и другие социальные категории, например рабочий класс в трудах теоретиков марксизма, а также социальные институты – церковь или армия, особенно в латиноамериканских странах.

Природа политической легитимности диффузна, большей частью иррациональна. Наряду с жизнеспособностью политической системы легитимность отражает и жизнеспособность имеющегося в обществе консенсуса в отношении институтов и норм поведения. По мнению С. Липсета, масштабы легитимности существующих демократических политических систем в значительной степени зависят от того, как будут решены основополагающие вопросы, исторически раскалывавшие общество¹⁴.

Вместе с тем привычная для стабильных демократических режимов пара категорий "легитимность / консенсус" оказывается малоприменимой для характеристики слабых и неустойчивых режимов в странах "третьего мира". Применительно к ним, а также к другим странам с переходными типами политических режимов (переходными, как правило, от авторитарных, диктаторских к демократическим), некоторые авторы, например С. Хантингтон, акцентируют другие компоненты "порядок / стабильность"¹⁵. Это связано с тем, что в таких переходных обществах, как правило, отсутствует консенсус и понимаемая "в привязке" к нему легитимность. Их главной задачей является поддержание стабильности и порядка, включая территориальную целостность государства. Легитимность новых режимов будет, очевидно, формироваться по мере выполнения ими своих общественных задач.

Наконец, третье поле анализа кризиса режима – это процессы, происходящие в гражданском обществе, и их влияние на государственные институты, порядок функционирования последних, действия элит и т.п. Разрушение связи режима с социальной инфраструктурой или, в более широком смысле, отказ от выполнения общественно полезных функций, включая обеспечение благосостояния граждан, влечет недовольство, про-

тестные действия со стороны последних. В оппозицию режиму переходят все новые слои и группы, включая тех, что составляли его главную опору, социальную базу. Так, оценивая ситуацию в России в канун октября 1917 г. как "переломный момент революции" (Февральской. – А. Г.), В.И. Ленин обращал внимание на несоответствие между новым, республиканским правительством, пользовавшимся поддержкой мелкобуржуазной демократии, и разраставшимся в стране крестьянским восстанием. Еще более наглядным оказалось противоречие между декларировавшимся характером режима ("демократического") и методами и способами его деятельности: крестьянское восстание подавлялось военными мерами республиканского правительства. "Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения, – писал В. И. Ленин. – Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел"¹⁶. В. И. Ленин указывал на то, что наряду с крестьянством резко радикализировались национальные меньшинства и армия; в острый конфликт с правительством вступили железнодорожники и почтовые служащие, чьи позиции имели гигантское экономическое и общеполитическое значение. Отражением изменившегося соотношения сил в обществе стал и новый политический расклад: на выборах в районные думы в Москве обнаружился глубокий поворот в общенациональном строении в пользу большевиков и левых эсеров.

Формирование конфликтных групп в гражданском обществе может происходить на различных основаниях. Так, к числу непримиримых противников конституционно-плюралистических режимов многие авторы относят традиционалистов, т.е. тех, кто тоскует по старому режиму и не разделяет ценностей демократии. Часто это социальные группы, занимающие высокие статусные позиции, подобно аристократии и военным чинам в Германии в 30-е годы. Конфликт между ними и демократическим режимом носил не столько политический, сколько культурный характер. Другая группа противников режима может сложиться в пролетарской и околопролетарской среде, поскольку чувствует себя обделенной (например, стали жертвами законов, установленных в интересах экономически влиятельных группировок). Борьба этих групп будет носить характер статусных конфликтов, включая требования восстановить утраченную норму. Наконец, противников плюралистического режима достаточно и среди экономически могущественных слоев, опасавшихся

¹⁴ Makropolitische Konfliktforschung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Hef 4. – S. 562.

¹⁵ Ebenda. – S. 588.

¹⁶ Ленин В.И. Кризис назрел // Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 277.

усиления государственного регулирования, планирования и прочих мер, призванных обеспечить более справедливое распределение общественного богатства. Опыт военно-фашистских режимов в Италии, Испании, нацистского режима в Германии показал, что многочисленные слои не только крупной, но и мелкой и средней буржуазии оказали им поддержку. Вместе с тем опыт Латинской Америки обнаружил другую тенденцию: городская буржуазия, поначалу поддерживавшая установление авторитарных военных режимов, быстро обнаружила, что они относятся к ней более враждебно, чем демократический плюралистический режим. Переход мелкой и средней буржуазии на сторону демократии обеспечил бескровный демонтаж авторитарных режимов и установление в ряде стран Латинской Америки (в Аргентине, Чили и т.д.) демократических институтов.

Таким образом, кризис социальной базы режима, стимулируемый рядом факторов – экономическим кризисом, ростом безработицы, усилением социально-экономического неравенства, понижением статуса отдельных социальных групп и т.д. – приводит к интенсивному возрастанию требований к власти, распаду легитимности последней, политическим забастовкам и демонстрациям, актам политического насилия. Внутри правящего политического класса происходит раскол на сторонников и противников жестких мер, что, в свою очередь, оказывает влияние и на позицию протестующих: здесь также возникает дифференциация между радикалами и умеренными. Развязка кризиса зависит от соотношения сил в рядах как правящей, так и оппозиционной элиты. Перевес умеренных над радикалами открывает дорогу постепенным, эволюционным преобразованиям; победа радикалов и ортодоксов влечет силовую развязку кризиса, означающую либо удержание режимом своих позиций, либо его крах.

Вместе с тем кризис режима не всегда означает его немедленный крах. В отсутствие активных субъектов политического действия разложившийся политический режим может еще сохраняться определенное время. В случае вмешательства армии или при ее поддержке происходит государственный переворот. Однако передача власти может осуществляться и на законных (или полузаконных) основаниях, после чего происходит государственный переворот. Так случилось в Германии после призвания А. Гитлера на пост канцлера. Возможен и военный разгром, иностранное вторжение или любое вмешательство из-за рубежа.

(По мнению большинства исследователей, в рамках демократических, конституционно-плюралистических режимов, основанных на таких механизмах, как конституция и выборы, трудно представить себе возник-

новение революции.) "Выступающих против парламентского режима достаточно, но невероятно, чтобы избиратели в своем большинстве страстно боролись против режима, существующего благодаря их выбору", – писал Р. Арон¹⁷. Аналогичную точку зрения высказывает М. Доган: "Демократический режим не разрушается, потому что не существует лучшей альтернативы, кроме как реформировать демократию... демократическим путем. Достоинство демократии в том, что она обеспечивает возможность перемен в соответствии с правилами политической игры"¹⁸. Следует заметить, что у М. Догана речь идет главным образом о демократиях современных, политически стабильных. Р. Арон же касается не только зрелых, устоявшихся политических режимов, но и слабых, нуждающихся в упрочении. При этом он подчеркивает, что если под революцией, направленной на свержение конституционно-плюралистического режима, понимать действия активного меньшинства, заручившегося согласием большинства, то для успеха необходима поддержка армии. Но тогда это равнозначно государственному перевороту. Если же опора будет сделана не на армию, а на существующие институты (например, выборы), то это передача власти законным путем. Все иные случаи, включая иностранное вмешательство, в совокупности представляют собой третий вариант.

На наш взгляд, Р. Ароном обозначена важная методологическая проблема, заслуживающая отдельного самостоятельного исследования. Можно согласиться с тем, что революция, как способ разрешения кризиса режима, в большей степени характерна для авторитарно-тоталитарных режимов, где нет иных способов разрешения назревших общественных противоречий, кроме массового внеинституционального протеста. Вместе с тем тайна революции, на наш взгляд, кроется не в способах прихода к власти (институциональный вариант еще К. Маркс и Ф. Энгельс называли возможной и желательной "мирной революцией"), и не в возможностях использования части армии (ее разложение входит в число признаков кризиса режима). Революция предполагает изменение структуры власти, отношений собственности, а также смену правящего класса. По мнению признанного специалиста в области социологии революций Ш.Н. Айзенштадта, "революция – это ситуация, в которой все смещения и перемены, осуществляемые, как правило, насильственным путем, ведут к радикальной трансформации самих правил политической

¹⁷ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 164.

¹⁸ Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 154.

игры, символов и основ легитимности и сочетаются с новым видением политического и социального порядка"¹⁹. Именно такое сочетание является отличительным признаком революции. Можно утверждать, что революции являются собой наиболее полное и законченное выражение политического конфликта, один из субъектов которого – революционные силы – создают новую социальную и политическую реальность, опираясь на сочувствие и поддержку широких народных масс, непосредственно включающихся в политику.

Но не из всякого кризиса режима возникает революция. Естественно, что она формируется, в первую очередь, в условиях упадка или "распада" старого режима, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но даже если налицо все признаки кризиса режима, они недостаточны, чтобы возник непосредственно-революционный путь его низвержения. И дело не только в наличии либо отсутствии революционного субъекта, но и в специфических исторических условиях, мировоззренческих предпосылках революций.

Определенное сочетание цивилизационных и структурных условий и исторических обстоятельств, порождавших "великие" революции, складывалось в истории человечества сравнительно редко. Специфическими историческими условиями были периоды ранней модернизации, когда автократические модернизирующиеся режимы оказывались перед лицом противоречий, связанных с их собственной легитимностью и политикой, и сталкивались с усилением влияния новых социальных слоев и "современных" идеологий. В качестве необходимых мировоззренческих предпосылок выступали общие утопические идеи реконструкции общества и политической системы, отмеченные верой в прогресс, широкое политическое участие в основных структурах государственной власти.

При наличии иного сочетания структурных и институциональных факторов, процессы изменений протекают иначе, а смена политических режимов происходит другим способом. Поэтому вряд ли оправданно применять к ним критерии, используемые для анализа "великих" революций. Речь должна идти об иных моделях социальной и политической трансформации, и их анализ должен строиться на других основаниях.

Крушение авторитарных режимов в Центральной и Восточной Европе, в СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. поставило эту проблему в практическую плоскость. Демократизация и либерализация политических институтов и экономических систем в этих странах, распад их союз-

нических структур протекали в быстром, *революционном темпе*, особенно осенью 1989 г. и на всем протяжении следующего, когда одно событие подгоняло другие. О революционном характере перемен в этом регионе заявили многие европейские интеллектуалы. Т.Г. Аш, отмечая возросшую взаимосвязь между реформой и революцией как способами социальных преобразований, попытался найти термин, объединяющий черты как первой, так и второй: "Р Е Ф О Л Ю Ц И Я"²⁰. Другой специалист в этой области Х. Фишер ввел в научный оборот новое понятие "*эволюционная революция или революционная эволюция*"²¹. Он обратил внимание на то, что в Латинской Америке и Восточной Европе все начиналось с массовых движений протеста, результатом чего стала серия реформ. Там же, где подобно СССР, все начиналось с реформы "сверху" ("перестройки"), позже понадобилось придать ей революционное содержание благодаря поддержке "снизу".

У. К. Пройс дифференцирует революции на "социальные" (во Франции в конце XVIII в.) и "конституционные" (в США). Перемены в Центральной и Восточной Европе он рассматривает как *конституционные революции*: "Это конституционные революции не только в том распространенном смысле, что вначале они направлены на основополагающее изменение или создание заново институтов. За этим стоит надежда найти цивилизованный путь и для экономического переустройства"²².

Оценка К. Пройса перекликается с дефиницией Ю. Хабермаса, который пишет о "*догоняющей революции*": "Государства Центральной и Восточной Европы попытались в 1989 г. присоединиться в конституционно-политическом отношении к наследию буржуазных революций прошлого, а в общественно-политическом отношении – к превращенным и жизненным формам развитого капитализма"²³. По мнению Р. Дарендорфа, в большинстве случаев неважно, какое название закрепляется за историческим событием, но в данном конкретном случае "академический подход обретает немалое практическое значение"²⁴.

Таким образом, вопрос о том, как определить характер событий в центрально- и восточноевропейском регионе, предстает далеко не праздным. Точное определение понятия необходимо не только для оценки ситуа-

²⁰ Ash T.G. Ein Jahrhundert wird abgewählt. – München – Wien: Piper, 1990. – S. 23.

²¹ Fischer H. Sozialdemokratie und Osteuropa. Die revolutionäre Evolution // Europäische Rundschau. 1990. № 2 Frühjahr, 18 Jahrgang. – S. 9.

²² Preus U.K. Revolution, Fortschritt und Verfassung. Zu einem Verfassungsverständnis. – Berlin: Dietz, 1990. – S. 24.

²³ Habermas J. Die nachholende Revolution. – Frankfurt: Suhrkamp, 1990. – S. 180.

²⁴ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. – 1994. – № 6. – С. 39.

¹⁹ Айзенштадт Ш.Н. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS. Весна 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 193.

ции, но и для ее дальнейшего развития. Отсюда применение системно-аналитических и историко-генетических подходов к теме системных превращений в этих странах, с использованием преимущественно трех понятий: "революция", "трансформация" и "реформа". В историко-генетических исследованиях в качестве взаимозаменяемых чаще используются понятия "революция" и "перелом", в системно-аналитических подходах – "системная трансформация", "смена модели", "тотальная перестройка". Здесь преобладает оценка системного превращения как результата длительного развития, закрепляемого глубокими реформами²⁵.

Наиболее системное видение произошедших в Европе и СССР процессов представил известный немецкий политолог К. фон Байме. О "коллапсе социализма" и переходе власти к контрэлите он пишет лишь применительно к бывшим ГДР и Чехословакии. К. фон Байме предлагает свою схему крушения режимов в центрально- и восточноевропейских странах и СССР: "дисфункционирование социализма" в Болгарии и Румынии; "инновации" в б. СССР; "эрозия социализма" в Польше и Венгрии; "коллапс социализма" в бывших ГДР и ЧССР (схема 1).

Схема 1²⁶

Матрица 4-х аналитических полей для упорядочения моделей перехода к демократии в Восточной Европе

	Прагматическое ничегонеделание (жить без плана и цели)	Идеологически управляемая попытка обновления
Управление "сверху"	дисфункционирование социализма - Болгария, Румыния	инновация социализма – перестройка в СССР
Давление "снизу"	эрозия социализма – Польша, Венгрия	коллапс социализма и перехват власти контрэлитой – ЧССР, ГДР

Дальнейший политический маршрут восточноевропейских стран и России окончательно еще не определен. Большинство авторов солидарно в том, что происходит переход от монополистически осуществлявшейся власти к плюралистической демократии. Примечательна оговорка Е. Вятра: "Первая часть этого утверждения значительно основательнее подтверждена фактами, чем вторая"²⁷. Иначе говоря, победа де-

мократии не гарантирована, демократические институты оказываются перед лицом многих опасностей. По мнению некоторых исследователей, лишь немногие из "пост-реально-социалистических" обществ могут стать демократическими, развитыми в рыночном отношении и преуспевающими²⁸. Конечно, процессы трансформации дивергентны, прогресс в одних областях и регресс в других происходят в каждом отдельном обществе по-разному. Таким образом, использование понятия кризиса политического режима дает возможность выявить не просто особые конфликтогенные поля в рамках политической системы – кризис институтов, распад легитимности, разрушение социальной базы режима, но и принять во внимание структуру основных конфликтов в каждом из этих полей, а также формы и способы разрешения кризисов.

Динамика политического конфликта и кризиса политического режима порождена воздействием общей совокупности факторов, в числе которых – причинные факторы-тенденции, политические факторы-условия, эндо- и экзогенные факторы-детерминанты. На уровне политического режима их воздействие принимает более отчетливый и определяющий характер, нежели в "рядовом" политическом конфликте. Но если из "рядового" конфликта вырастает революция, то это равносильно падению политического режима.

Концепт революции, традиционно использовавшийся в отечественном обществоведении для анализа революционных кризисов, на сегодняшний день имеет более узкую область применения, преимущественно в анализе революций прошлых эпох в компаративных исследованиях. Структурные особенности и мировоззренческие предпосылки, сопутствовавшие "великим" революциям прошлого, в новых исторических условиях не могут возникнуть в прежнем виде, о чем свидетельствуют сложности в определении моделей распада авторитарных режимов в странах Центральной и Восточной Европы в конце 80-х годов. Применение к ним "революционной парадигмы" возможно, но она не дает ответа на все возникающие вопросы. Революционная риторика, выполняя роль легитимирующего фактора контрэлиты в ходе ее борьбы за власть, впоследствии становилась, как в России, "самоосуществляющимся пророчеством", осложняя понимание истинной сути происходящих перемен. Трудности в "открытии" постсоциалистических обществ, в стабилизации политических и общественных систем на новых основаниях побуждают исследователей искать причины нестабильности не только в путях и спосо-

²⁵ Richer G., Gabriel R. Die Politikwissenschaft und der Systemwandel in Osteuropa. – München: Minerva, 1993. – S. 28.

²⁶ Beyme K. von. Auf dem Weg zur Wettbewerbsdemokratie. Der Aufbau politischen Konfliktstrukturen in Osteuropa // Staat und Demokratie in Europa. Opladen, 1992. – S. 153.

²⁷ Вятр Е. Восточная Европа: судьбы демократии // Социологические исследования. – 1992. – № 1. – С. 13.

²⁸ Видюевич З. Возвращение социализма // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 91.

бах отхода от авторитаризма, но и в специфике формирования и функционирования новых режимов, их внутренней противоречивости и конфликтности²⁹. Анализ их динамики позволяет увидеть общий вектор изменений в поставторитарном мире Восточной Европы и в России, а также лучше понять трудности идентификации этих обществ на новой, демократической основе.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что такое кризис политического режима?
2. Динамика каких конфликтов ведет политический режим к кризису?
3. Каково поведение политических субъектов в кризисах режима?
4. Какие политические кризисы пережила Россия в конце XX – в начале XXI века?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М., 1993. – Глава 9-11. – С. 125-182.
2. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса. – М., 1999. – Раздел 1. Общество – власть – реформы. – С. 7-87.
3. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации // Политические исследования. – 2001. – № 1.
4. Шестопал Е. Психологический профиль российской политики 1990-х. – М., 2000. – Глава 10. Психологические аномии российской политической системы. – С. 278-295.
5. Эйзенштадт Ш.Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Политические исследования. – 2002. – № 2. – С. 67-81.
6. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. – Глава 6. Социально-политические кризисы и системные преобразования. – М., 1999. – С. 139-153.

²⁹ См.: Цыганков А.П. Политический режим в поставгустовской России // Кентавр. – 1993. – № 4. – С. 3-21; Он же. Между авторитарной демократией и сползанием в авторитаризм: предварительные итоги политического развития России, 1991–1996 // Социально-политический журнал. – 1997. – № 1. – С. 15-37; Шевцова Л.Ф. Российский политический режим // Независимая газета. – 1996. – 29 октября; Она же. Дилеммы посткоммунистического общества // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 80-91; Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Политические исследования. – 1997. – № 1. – С. 61-82; Салмин А.М. Выборы 1995–1996 и трансформация политического режима в Российской Федерации // Политические исследования. – 1997. – № 1. – С. 119-122; Пастухов В. Парадоксальные заметки о современном политическом режиме // Pro et contra. – М., 1996. – Т.1. – № 1. – С. 6-21.

Раздел IV

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Одной из сложнейших теоретико-методологических проблем политической конфликтологии является проблема понятийно-категориального аппарата, включая понятия и термины, характеризующие пути и способы окончания конфликта, прекращения конфликтного взаимодействия. От точного и правильного содержательного наполнения этих терминов зависит успех практических действий по деэскалации конфликта, его правовому регулированию, ослаблению насильственности и интенсивности, устраниению предмета конфликта.

В отечественной литературе последних лет, посвященной социальным, политическим, юридическим и другим типам конфликтов, употребляются несколько основных понятий, характеризующих их исход: "завершение", "разрешение", "регулирование", "снятие" конфликта. Употребление этих понятий не отличается научной строгостью, и лишь немногие авторы пытаются разграничить, прояснить их содержательный смысл. Так, А. Дмитриев, В. Кудрявцев, С.Кудрявцев пытаются разграничить прежде всего два понятия: "завершение" и "разрешение" конфликта. Последнее, с их точки зрения, шире по объему и требует больших практических усилий конфликтующих сторон, включая возможную помощь посредников. "Если под завершением конфликта понимать всякое его окончание, прекращение по любым причинам, то под разрешением мы будем понимать только то или иное положительное действие (решение) самих участников конфликта либо третьей стороны, прекращающее противоборство мирными или силовыми средствами"¹. Как видим, в качестве критерия авторы предлагают "положительное действие", т.е. прежде всего согласие сторон с тем или иным вариантом прекращения конфликтного взаимодействия. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что силовое вмешательство третьей стороны, о котором они пишут, далеко не обяза-

¹ Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология). – М.: РАН, Центр конфликтологических исследований, 1993. – Ч.1. – С. 164.

тельно должно устроить основных конфликтантов, к тому же восприниматься ими как "положительное действие".

Другая точка зрения состоит в противопоставлении понятий "урегулирование" и "разрешение" как двух концепций завершения конфликта. Как считает Т.С. Сулимова, урегулирование предполагает завершение конфликта путем побуждения или принуждения одной из сторон к принятию предложения, выгодного другой стороне либо посреднику. В таком случае постконфликтные отношения оказываются крайне неустойчивыми, содержат в себе вероятность продолжения конфликта в новой фазе. "Разрешение конфликта предполагает его завершение посредством достижения соглашения через процесс переговоров. В этом случае наблюдается преодоление тех обстоятельств, условий, которые привели к возникновению конфликта. В результате достигается соглашение по установлению новых отношений равновесия между конфликтующими сторонами"². По сути, различие этих двух концепций завершения конфликта сводится к различению посредничества (или арбитража), предлагающего выгодные условия одной из сторон *за счет* другой, или благоприятного для *обеих* сторон исхода переговоров. Однако переговоры и их результаты далеко не обязательно могут устроить обе стороны *в равной мере*, а арбитраж в ряде случаев оказывается даже более предпочтительным. Кроме того, следует принимать во внимание и то обстоятельство, что переговорный тип взаимодействия сам по себе может перерасти в борьбу, что через переговоры по частному поводу могут проступать более глубокие разногласия и более весомые претензии одной из сторон, что не столько разрешает, сколько подпитывает энергию конфликта.

Различение этой пары понятий "разрешение – урегулирование" наиболее четко и последовательно проведено в сфере правовых процедур завершения международных конфликтов. Под *урегулированием* конфликта здесь понимается стратегия, направленная на определенное компромиссное решение спора, которое хотя и не полностью соответствует целям каждой из сторон, но позволяет им достичь некоторых, если не всех, первоначальных целей³. Что же касается *разрешения* конфликта, то оно предполагает стратегию, направленную на устранение основы спора ограничением или трансформацией конфликтной ситуации и принятием решения, приемлемого для всех участников конфликта⁴. При этом весь

² Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Политические исследования. – 1994. – № 2. – С. 114.

³ См.: Юридический конфликт: процедуры разрешения (Юридическая конфликтология). – М., 1995. – Ч. 3. – С. 143.

⁴ См.: Там же. – С. 145–146.

ма существенным представляется уточнение К. Митчелла, согласно которому стратегия разрешения применяется в рамках *латентного конфликта*, до того, как стороны обратятся к дипломатическим средствам манифестируемого конфликтного поведения⁵. Как только началась *манифестация конфликта*, требуется другая стратегия воздействия на конфликтантов – урегулирование.

Таким образом, помимо доброй воли к достижению согласия участниками конфликта, а также содействия посредников, необходимо принимать во внимание этап (или стадию), на которой находится конфликт. Латентный (скрытый) конфликт, согласно К. Митчеллу, предполагает разрешение, поскольку его незрелость позволяет воздействовать на все элементы структуры конфликтного поведения субъектов – на их цели, установки и действия, а также на предмет конфликта. Урегулирование же направлено преимущественно на упорядочивание физических взаимодействий сторон. Полагая, что трактовка К. Митчеллом понятия "разрешение" применительно к латентному конфликту сближает его по смыслу с понятием "предотвращение" конфликта, недопущение перерастания в открытые, а тем более насильственные формы. И хотя эти рассуждения касаются международных конфликтов (специально нами не рассматриваемых), тем не менее их методологическая полезность для анализа конфликтов иного уровня сомнений не вызывает. Вместе с тем некоторые отечественные авторы (например, Ю. Г. Запрудский) используют понятия "разрешение" и "урегулирование" как синонимы⁶.

Термин "разрешение" конфликтов, в особенности политических, категорически не приемлет Р. Дарендорф. По его мнению, это термин, вводящий в заблуждение, его нужно отбросить, поскольку он отражает "социологически ошибочную идеологию, согласно которой полное устранение конфликта возможно и желательно"⁷. Немецкий социолог имеет в виду марксистскую идеологию, которая предполагала ослабление противоречий и конфликтов по мере успехов социалистического строительства и полное исчезновение конфликтов при коммунизме. "Единство народа" и "бесклассовое общество" – это два из многих проявлений подавления конфликта под видом их разрешения", – пишет Р. Дарендорф⁸.

⁵ См.: Юридический конфликт: процедуры разрешения (Юридическая конфликтология). – М., 1995. – Ч. 3. – С. 146.

⁶ См.: Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт: Политологический анализ. – Ростов и/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1992. – 120 с.

⁷ Darendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikte in der industriellen Gesellschaft. – Stuttgart. Enke, 1957. – S. 244.

⁸ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 145.

Выбор оптимального парадигмального методологического подхода в отношении социальных и политических конфликтов осуществляется им в системе трех координат. Первая – подавление конфликта, насилие, принуждение одной из сторон в отношении другой. "То, что противоречие (лежащее в основе конфликта. – А. Г.), может быть подавлено, несомненно, является очень старым предположением руководящих инстанций, – пишет Р. Дарендорф. – Однако подавление является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения с социальными конфликтами. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с этим стремятся к еще более насильственному подавлению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта; во всей истории человечества революции представляют собой горькие доказательства этого тезиса"⁹. И хотя системы, называемые тоталитарными, достаточно осторожно сочетают подавление и регулирование конфликтов, тем не менее вывод очевиден: если каждое противоречие, каждый антагонизм действительно подавляется, то взрыв насильственных конфликтов является лишь вопросом времени. Метод подавления конфликтов не может быть эффективным в течение продолжительного срока, поскольку время работает против него.

Это же относится и ко всем формам так называемой "отмены" конфликтов, т.е. попыток в корне ликвидировать противоречия вообще. Такие попытки всегда обманчивы. По мнению Дарендорфа, *фактические предметы* определенных конфликтов – например чрезвычайное законодательство в межпартийном конфликте, требования зарплаты в столкновении между партнерами по тарифным переговорам – можно "устранить", т.е. регулировать их таким образом, чтобы они не возникли снова как *предметы конфликта*. Но такое регулирование предмета не ликвидирует сам кроющийся за ним конфликт. Социальные конфликты, т.е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя "разрешить" в смысле окончательного устранения. "Тот, кто пытается навсегда разрешить конфликты, скорее поддается опасному соблазну путем применения силы произвести впечатление, что ему удалось такое "разрешение", которое по природе вещей не может быть успешным"¹⁰.

⁹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 145.

¹⁰ Там же.

Как видим, немецкий социолог обращает внимание на деструктивную роль насилия как средства "полного и окончательного" устранения всех общественных противоречий. Кроме того, он совершенно справедливо подчеркивает сам характер социальных и политических отношений как принципиально незавершенных, конфликтных и конфликтогенных. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что никакое окончательное разрешение конфликта невозможно. Это справедливо лишь в рамках расширительной трактовки конфликта как процесса, идентичного по объему и функциям политике как таковой. В случае же, если мы имеем в виду какой-то конкретный политический конфликт, то постановка вопроса об его окончании, завершении, разрешении представляется нам вполне оправданной. При этом необходимо уточнить ряд моментов.

Регулирование конфликтов представляет собой определенный способ воздействия на конфликтующие стороны с тем, чтобы устранить отдельные качества конфликта, но на основе сложившихся отношений, в рамках существующей политики (включая нормы, сложившиеся традиции и т.д.). Однако это не просто смягчение насильственных форм, деструктивизация конфликта. Регулирование предполагает использование созидательного потенциала последнего, обращение на пользу общественному развитию содержащихся в конфликте динамических импульсов.

Разрешение конфликта – это не просто ослабление его насильственного и разрушительного потенциала, но устранение онтологического содержания самого конфликта, его предмета, его почвы. Конфликт является разрешенным, если все участники безусловно признают достигнутые договоренности, а проблемы, породившие политическое противоборство, не возникают в качестве предметов конфликта. Вместе с тем слова "безусловно" и "признают все" должны быть использованы в относительном смысле. Пока существуют различия в религиях, идеологиях, культуре, экономических системах и политике, безусловное разрешение конфликтов, которые возникают из этих различий, как невозможно, так и нежелательно. Разнообразие составляет сущность развивающегося мира, и пока существуют различия, вероятны и конфликты.

Завершение конфликта – понятие более широкое, предполагающее его окончание, достигаемое различными способами:

а) подавлением одного из субъектов конфликта, полным вытеснением его за рамки политического поля (и даже за рамки физического существования, как это неоднократно осуществлялось по отношению к политической оппозиции в разные эпохи);

б) достижением компромисса между субъектами политического конфликта, т.е. их взаимными уступками в целях взаимосохранения, взаимовыживания;

в) преобразованием той политической структуры, в рамках которой возник конфликт, трансформацией политической системы с целью исключения конфликтогенных факторов старой системы. Это не означает, что не возникнут новые конфликты на новой, изменившейся основе, однако старые будут сняты. "Снятие" конфликтов здесь понимается в гегелевском смысле, в рамках диалектической концепции развития. Подчеркивая двойкий смысл немецкого термина "aufheben" ("сохранить", "удержать" и в то же время "устранить", "положить конец"), Гегель подчеркивал, что снятое есть всегда нечто опосредствованное процессом развития. Это возведение некоторого реального основания (предмета, системы, структуры) до момента более развитого целого. Таким образом, снятие характеризует возникновение нового единства, более высокую степень развития. Это такое преобразование, в котором наличные формы или принципы устраняются, отрицаются, но вместе с тем удерживают свое значение как подчиненные моменты новой целостности. Типичными формами такого завершения конфликтов являются *реформы*. В случае, если органичного снятия не происходит, возникают радикальные способы устранения противоречий старой системы – *политические и социальные революции*.

Идеальным завершением конфликта является устранение его предмета и почвы. Подавление одного из субъектов конфликта не достигает ни первой, ни второй цели. Происходит подавление притязаний, которые при благоприятных исторических и политических обстоятельствах могут прорваться на поверхность политической жизни с еще большей разрушительной силой.

За рамками обозначенной здесь концептуальной проблематики остается еще достаточно большой круг проблем, заслуживающих специального анализа и обобщения. Это проблема *завершенных и незавершенных конфликтов, оконченных и неоконченных революций* и т.д. Не осмыслены в теоретическом плане механизмы постоянного возобновления многих и многих конфликтов, особенно в системе власть – массы, государство – общество. Слабое внимание уделяется теоретическим проблемам, связанным с разрешением политических конфликтов уже на ранней, латентной стадии, самому их генезису. Заслуживают внимания те конкретные альтернативные ситуации, которые могут возникнуть в ходе поли-

тического конфликта, например тупик (т.е. status quo, "замораживание конфликта")¹¹.

Завершая концептуальный и понятийно-категориальный анализ путей и способов завершения политических конфликтов, можно согласиться с Р. Далем: конфликты могут быть урегулированы различными путями, и эти пути не являются одинаково привлекательными. Отсюда возникают два вопроса:

- можно ли избежать или хотя бы сократить размах принуждения в человеческом обществе, если конфликты в нем возникают неизбежно?

- каким образом можно разрешить конфликт в рамках демократической системы, не идя на риск ее уничтожения?

Иными словами, возникает необходимость выработать условия, гарантирующие общество от угрозы насилия и крушения демократии в гражданской войне. К анализу таких условий мы и переходим.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Почему важно точно определять пути и способы окончания конфликта?
2. Как различаются понятия "завершение" и "разрешение" конфликта?
3. Поясните смысл понятия "урегулирование конфликта".

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Дмитриев А.В.* Конфликтология. – М., 2000. – С. 221-282.
2. *Бабосов Е.М.* Конфликтология. – Минск, 2000. – С. 281-430.
3. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов: Пер. с англ. – СПб., 2000. – 408 с.
4. *Конфликтология* / Под ред. А.С. Кармина. – СПб., 1999. – 448 с.

¹¹ *Даль Р.* Современный политический анализ // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки: Реферативный сб. – М., 1991. Вып. 2. – С. 89.

ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА КАК УСЛОВИЕ ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Политическая институционализация в широком смысле слова представляет собой процесс формирования в обществе устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих политическую сферу человеческой жизнедеятельности и организующих ее в систему ролей и статусов, образующих политическую систему. Институты – это прежде всего нормы, сопровождающие их санкции и организационные формы, в которых они проявляются. Для оценки эффективности функционирования институтов важен и нравственный аспект: дееспособные, эффективные институты выражают не только букву, но и "дух" законов, т.е. они не просто легальны, но и легитимны. Институты имеют властный характер, но это власть, подконтрольная обществу и действующая в рамках обоснованных законов.

Условием мирного урегулирования конфликта является наличие институциональных механизмов, обеспечивающих консультации, переговоры, исследование возможных альтернатив и поиски взаимоприемлемых решений. И наоборот, перспективы политического тупика или принуждения возрастают, если институциональные механизмы ограничивают возможности соглашения.

Вместе с тем сводить институционализацию лишь к ее юридическому, правовому аспекту значило бы серьезно упростить и обузить смысл этого сложного понятия. Применительно к политическому конфликту она означает не просто наличие некоторых формальных правил и норм, но и:

- закрепление в менталитете образа конфликта как нормального, а не патологического феномена; его легитимацию в общественном сознании;
- признание альтернативности политических позиций, а следовательно, и оппозиции;
- существование общепризнанных правил, норм конфликтного поведения, причем не только в соглашениях конфликтующих субъектов, но и в политико-правовой культуре общества, государства;
- наличие или формирование институтов регулирования политических отношений, включая конфликты;
- существование конституционных подходов к конфликтам.

Помимо прочего, содержательный анализ понятия "институционализация" включает в себя ее возможные уровни: социальный, институциональный, политико-групповой, международный и т. д. Такие теоре-

тико-методологические подходы позволяют более основательно анализировать институционализацию политических конфликтов.

Успешное регулирование политических конфликтов предполагает определенную последовательность институциональных мер. Началом институционализации можно считать *институционально-ментальную предпосылку*, т.е. закрепление в политической ментальности спокойного восприятия конфликтной ситуации и в этом смысле справедливость дела оппонента. Речь идет не о том, чтобы признать справедливость **содержательных интересов** оппонента, но о том, что он **в принципе** может отстаивать собственные, отличные от прочих интересы. Иными словами, в общественном сознании должна присутствовать специфическая *конфликтная парадигма мировосприятия*, исходящая из признания перманентности конфликта и возможности позитивного воздействия на него в любых, даже самых сложных ситуациях. А на уровне обыденного сознания важно терпимое восприятие различий между людьми.

В современной России эта простая истина усваивается с большим трудом. Даже известные социологи, рассматривая стратификационные процессы, пишут: "Уже сам по себе конфликт есть показатель незрелости гражданского общества и его субъектов"¹. Между тем конфликтная парадигма восприятия состоит в признании противоречий и конфликтов оправданными и целесообразными, совершенно неизбежными именно в гражданском обществе. Тому, кто не допускает конфликтов, рассматривает их как патологические отклонения от воображаемого нормального состояния, не удастся совладать с ними. Вместе с тем недостаточно и покорного, "смирненного" признания неизбежности конфликтов. Необходимо осознание и использование их плодотворного, творческого принципа. "Это означает, что любое вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений, и следует отказаться от бесполезных попыток устранения их причин, – пишет Р. Дарендорф. – Причины конфликтов – в отличие от их явных конкретных предметов – устранить нельзя; поэтому при регулировании конфликтов речь всегда может идти только о том, чтобы выделять видимые формы их проявления и использовать их вариативность"².

Таким образом, едва ли не главным условием ментальной институционализации является артикуляция и акцентирование различий и противо-

¹ Голенкова З.Г., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Романенко Л.В. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 20.

² Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 146.

положности сторон. Если в конфликте неоправданно (и ошибочно) подчеркиваются общие интересы, эффективно регулировать его невозможно.

Сказанное, разумеется, не означает, что в конфликтных ситуациях вообще не существует общих интересов: без них был бы невозможен сам конфликт. Однако настаивание на общих интересах при умалении различий гораздо чаще ведет к эскалации конфликта, к росту, а не к ослаблению насилия. Это связано с тем, что сторона, располагающая в конфликте большим силовым потенциалом, может игнорировать или подавлять противоположную сторону под маской "общих интересов". Последнее довольно часто наблюдается в политической жизни современной России. В любом политическом конфликте – будь то дебаты в парламенте или переговоры правительства с бастующими шахтерами – властные структуры и представляющие их ответственные лица подчеркивают не различие интересов, приведшее к конфликту, а то общее, что составляет систему их отношений. "Россия – наш общий дом", "интересы государства выше частных и узкопартийных интересов" – такие декларативные лозунги призваны затушевать суть межпартийного или межгруппового конфликта, а не обозначить различия в подходах для последующего совместного поиска удовлетворяющего всех решения. Подобное псевдомиротворчество, стремящееся "не выносить сор из избы" и всячески избегать внешнего обострения конфликтов, характерно и для трудовых споров, приобретающих вследствие подобной тактики политический характер. Широко артикулированная в бюрократических кругах административного аппарата правительства стратегия социального партнерства игнорирует главное, хорошо известное контрагентам такого партнерства на Западе: профсоюзы и работодатели – не друзья и даже не союзники, но в лучшем случае конкуренты в борьбе за условия найма рабочей силы и ее оплаты. Всякое подчеркивание общих, а тем более общенациональных интересов, за которые выдаются интересы частные или корпоративные, способно лишь предельно обострить и политизировать такой конфликт, дискредитировав заодно и саму идею социального партнерства.

Другим важнейшим компонентом институционализации политического конфликта является *организация групп интересов* – конфликтных групп, с последующей канализацией конфликта из латентной стадии в открытую, т.е. его *манифестирование*.

Исторический опыт показывает, что вне организации групп интересов регулировать развитие политического конфликта невозможно: этому препятствует диффузный характер, рассеянность, несвязанность противостоящих власти группировок и объединений. Наиболее показательный пример – партизанская война, террористические акты, крайне слож-

ные для урегулирования. Другой формой проявления неорганизованного недовольства масс могут стать погромы, стихийные беспорядки, разрушение систем коммуникаций и т. д. Следовательно, очень важно наличие условий для организации конфликтующих сторон и их зрелость в этом отношении.

Организация групп интересов сама по себе есть процесс, состоящий из нескольких стадий: политической идентификации, осознания общности своих интересов, артикуляции позиций, мобилизации политических ресурсов, т.е. сторонников. Проявление конфликта *вовне*, т.е. его манифестирование, предполагает дальнейшие акции: предъявление притязаний, демонстрация готовности к отстаиванию своих интересов, прямая демонстрация своей особой позиции. Чем выше уровень организации групп интересов и, соответственно, субъектов конфликта, чем более *равновелики* эти уровни, тем благоприятнее институциональные условия мирного разрешения или регулирования конфликта. Следовательно, уровень организации противоборствующих сторон – важное институциональное условие мирного завершения конфликта. Если же одна сторона высоко организована, а вторая – аморфна, раздроблена, неотмобилизована по своим политическим ресурсам, то велика вероятность того, что первая подавит вторую или постарается вытеснить ее из политического поля.

Долгий путь развития демократических институтов на Западе показывает, что узаконенная партийная оппозиция в политическом конфликте является, по словам Р. Даля, "недавним и случайным изобретением": лишь в послевоенных конституциях европейских государств появились статьи о месте и роли партий в политическом процессе³. За статус оппозиции с ее правом на свободную критику и разработку альтернативного политического курса западные демократии заплатили страшную цену в виде революций, гражданских войн, государственных переворотов и т.д. С другой стороны, признание права на объединение и самоорганизацию за политическими партиями, движениями или профсоюзами стало решающим фактором стабилизации общественно-политической жизни, упрочения в ней правовых, конституционных основ. По мнению американского социолога М. Лернера, исследовавшего роль и влияние профсоюзов в развитии американского общества, крупнейшим достижением последних в экономике в целом стало то, что *они сделали возможным управление промышленностью с помощью конституционных средств*, т.е. способствовали укреплению американской демократии и конституцион-

³ См.: Конституция Франции // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие. – М., 1996. – С. 91-139; Конституция Германии // Там же. – С. 143-230.

ных основ государства. Организованность профсоюзного движения в экономическом плане позволяет им в случае необходимости выступать и как "чрезвычайно эффективная политическая сила"⁴.

Следует особо подчеркнуть, что становление оппозиции и артикуляция ее конфликта с правящим классом является не только признаком демократии, но и необходимым подготовительным условием перехода к ней. По мнению исследователя переходов к демократии Д. А. Растоу, для генезиса последней требуется такой обязательный компонент, как *наличие устойчивого и серьезного конфликта между властвующими группировками и массовым движением низших слоев*. В случае же, если такой массовый субъект политики не сформируется, и, следовательно, при отсутствии изначального открытого конфликта между основными социальными группами или их элитами, демократия может не закрепиться или даже прерваться военным переворотом, как это случилось в 60-х годах в Турции. Лишь после того, как в обществе приобрел серьезный размах социальный и политический конфликт и впервые в истории страны началось широкое обсуждение всего круга социальных и экономических вопросов, противоборствующие стороны – военные и представители аграрного большинства – смогли прийти к компромиссу и возобновить демократический эксперимент, но уже на более прочном фундаменте⁵.

Опыт устойчивых демократий наглядно показывает, сколь важно создавать такие необходимые условия перевода конфликтов в позитивно-функциональную форму, как *содействие институционализации самих субъектов социальных и политических отношений* – групп интересов, объединений граждан и т. д. В странах, где, как в России, роль государства традиционно велика не только в экономической, но и в социально-политической жизни, переговорный механизм еще долго будет носить преимущественно двусторонний характер и лишь постепенно, по мере устранения вездесущности государства и усвоения им роли арбитра, приобретет трехсторонний (или многосторонний) характер.

По мнению многих исследователей социальной конфликтности в современном российском обществе, слабость нынешней социальной политики реформаторов состоит не только и не столько в слабой поддержке ущемленных, сколько в отсутствии внимания к созданию благоприятных условий для их самоорганизации и самозащиты⁶. Между тем само-

организация и самостоятельность социальных и политических субъектов и есть путь развития гражданского общества, без которого, в свою очередь, нет и политической демократии.

Наконец, третьим компонентом политической институционализации можно считать *создание формальных правил и процедур*, регулирующих взаимоотношения сторон конфликта. Иначе говоря, речь идет о неких "правилах игры", которым должны следовать участники конфликта и которые должны предоставлять равные условия для каждой из сторон и не ставить ни одну из них в неравноправное положение.

Прочная демократия представляет собой такую систему правления, при которой политические силы ставят свои ценности и интересы в зависимость от неопределенного заранее взаимодействия демократических институтов и подчиняются результатам демократического процесса. Демократия устанавливается, если конфликтующие политические силы договариваются об институциональной структуре, которая допускает открытое соперничество и способна обеспечивать продолжительное согласие. Механизмом конституирования политических институтов в демократической системе выступают переговоры.

Значимость институциональной предпосылки регулирования политических конфликтов настолько велика, что некоторые авторы, в частности А.Н.Чумиков, называют ее первой в ряду всех остальных⁷. Звенья единого процесса управления конфликтом, согласно автору, следуют друг за другом в такой последовательности: институционализация, т.е. установление норм и правил разрешения конфликта; структурирование коллективных субъектов-носителей интересов; редукцию конфликта, т.е. последовательное его ослабление путем перевода на другой уровень, а также информационное и энергетическое противоборство⁸. Принимая эту схему в целом, хотелось бы привести одно возражение, связанное с последовательностью стадий, в частности первой и второй. В стабильном демократическом обществе институциональные процедуры и механизмы урегулирования конфликтов действительно предшествуют структурированию конфликтных групп, предоставлены "к услугам" последних. Однако исторически сами по себе "правила игры" именно в противоборстве конфликтных групп и рождались. И в дальнейшем все изменения и

⁴ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня: В 2-х т. – М.: Радуга, 1992. – Т. 1. – С. 410.

⁵ Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 14.

⁶ Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Политические исследования. – 1994. – № 2. – С. 100.

⁷ См.: Чумиков А.Н. Социально-политический конфликт: теоретические и прикладные аспекты. – М.: Институт молодежи, 1993. – 168 с.; Он же. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 52-57.

⁸ См.: Чумиков А.Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 52-53.

модификации, которые они претерпевали, были связаны с политическим противоборством, с динамикой соотношения сил. Иначе говоря, дееспособность самих правил конфликтного взаимодействия, особенно на первых порах, зависит от накала конфликта, степени его зрелости. Позже на укоренение, легитимацию правил начнут работать другие факторы, прежде всего фактор времени, привыкания к принятым решениям, раз уж с ними приходится соотносить свою жизнь. Велика роль *прецедента*, создаваемого конкретной личностью, готовность последней следовать достигнутым договоренностям. Организация институтов предполагает важные персональные решения и всегда будет в значительной степени зависеть от занятых в них людей. "Институты – как крепости: их надо хорошо спроектировать и населить," – писал К. Поппер⁹.

Но справедливо и обратное: явная неудача при разрешении какого-либо политического конфликта может поставить под удар уже сформировавшиеся институты. Вероятность такого исхода особенно велика, если институты еще не упрочились, не закрепились в политической жизни. Поэтому последствия для них могут оказаться роковыми.

Типичные для демократии процедуры – предвыборные выступления кандидатов, парламентские голосования, вотумы доверия и недоверия, избрание кандидатов и т.п. – это, вкратце, набор приемов выражения конфликта и тем самым его разрешения. Однако список проблем, волнующих общество, постоянно пополняется, и новые конфликты будут ставить под угрозу однажды достигнутое согласие. Но суть демократии как раз и состоит в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов и при постоянно меняющейся расстановке сил. При этом свою динамику демократия черпает не только из согласия, но и из несогласия почти половины своих граждан. В этом и проявляется животворящая сила институционализированного, цивилизованного конфликта.

Связь между институционализацией и конфликтом отчетливо прослеживается в переходные, кризисные эпохи. Своевременное учреждение институтов на ранних стадиях конфликтов способно ослабить их остроту и насильственность, снизить деструктивную, разрушительную энергию. Невнимание к нарастающему конфликту, напротив, провоцирует ожесточение его участников, антисистемную направленность их действий. Так, резкая активизация национальных, аграрных движений в России от февраля к октябрю 1917 г. была встречена лишь декларативными заявлениями Временного правительства о предоставлении культурной автоно-

мии национальным меньшинствам, но не сопровождалась конкретными мероприятиями, способными учесть интересы каждого этноса. Отсутствие практических договоренностей между центром и региональными элитами способствовало прогрессирующему параличу центральной власти. Откладывание решений только усугубляло ситуацию, способствовало радикализации настроений и требований национальных движений. Между тем институциональный подход к этому вопросу на ранней стадии конфликта – формирование прав автономий или переход к федеративному устройству, разработка системы пропорционального представительства в выборных органах власти – мог бы минимизировать издержки конфликта.

Однако власть пренебрегла совместными с регионами поисками институционального решения. Провозгласив демократические принципы, она отказалась претворять их в жизнь, как только национальные организации попытались им следовать. Вместе с тем оказались неэффективными и авторитарные методы сохранения единства страны. Подобным же образом сложилась ситуация и в 1991 г., когда отсутствие своевременных и обязательных для *всех* решений, в том числе и институциональных, привело к распаду СССР.

Главной институциональной структурой, в рамках которой осуществляется взаимодействие политических акторов и разрешаются конфликты между ними, являются представительные институты власти – парламенты. Учреждение их особенно важно для стран, вступающих на путь демократии, поскольку в противном случае политическая борьба выльется на улицы и площади. Для характеристики таких институтов, призванных "замкнуть на себя" большую часть напряженности, политической конфликтности в обществе, важны следующие основные характеристики. Во-первых, они должны быть автономными центрами принятия решений, достижения согласия между противоборствующими сторонами. Во-вторых, никакая другая институциональная структура не должна подменять их в этом качестве. В-третьих, эти решения должны быть обязательными, а сами институты – действовать демократически.

Наряду с институтами существуют процедуры, или формы взаимодействия контрагентов конфликта, способствующие разрешению противоречий между ними. Они могут применяться последовательно, друг за другом или самостоятельно, если это помогает достичь результата. Первой и наиболее распространенной формой взаимодействия контрагентов конфликта являются *переговоры*. Они представляют собой вербальное взаимодействие с целью достижения согласованного и устраивающего обе стороны решения, что предполагает диалог, обмен мнениями, совместный поиск согласия, а также добровольное выполнение догово-

⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1: Чары Платона. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. – С. 167.

рившимися сторонами принятых решений. Одним из важнейших условий успешного исхода переговоров является формализация и рационализация позиций сторон, их готовность "держат дистанцию" и не переходить черту эмоционального реагирования и личных выпадов. В целом же поведение участников переговоров во многом зависит от сложившейся ситуации, а также от собственного образовательного и культурного уровня, волевых и интеллектуальных личностных характеристик.

Переговоры становятся более успешными по мере укрепления доверия между участниками. Для этого необходимы определенные *герменевтические способности*, прежде всего согласованное понимание проблемы, предшествующее ее решению. Еще более важны психологические установки на партнера по переговорам: умение воспринимать людей отдельно от проблемы, носителями которой они являются, налаживать нормальные отношения, стремиться к убеждению. Еще Т. Гоббс считал, что недоверие, коренящееся в природе человека, является одной из причин войн: оно заставляет людей нападать друг на друга в целях собственной безопасности. Поэтому недоверие, возникающее к контрагенту на переговорах, является одним из самых сильных психологических препятствий к достижению взаимоустраивающего решения.

Политическая теория и практика накопили огромный опыт в проведении переговоров и выработали рекомендации к процедуре их проведения, критерии оценки различных этапов и общих результатов переговоров¹⁰. При этом в одних случаях преобладает их трактовка как "умной борьбы", т.е. продолжения конфликта в устной, вербальной форме. В другом случае в рамках более современного подхода переговоры трактуются по формуле "победа – победа", которая ближе к сотрудничеству. Этот подход исключает использование силы, отрицает возможность тупиков и прессинга как средства для получения преимуществ. И тем не менее он предполагает ряд условий, без которых эффективность переговоров может оказаться под угрозой¹¹.

Исходя из вышеприведенных характеристик переговоров, вряд ли можно считать таковыми парламентские дебаты, как полагают некоторые авторы¹². Во-первых, участие в них парламентских фракций и депу-

¹⁰ См.: Лебедева М.М. Политические урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 272 с.; Мاستенбрук В. Развитие переговорных умений в исторической перспективе // Социальный конфликт. – 1994. – № 1. – С. 52-78; Он же. Переговоры. – Калуга: Калужский институт социологии, 1993. – 176 с.; Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения. – М.: Наука, 1992. – 158 с.

¹¹ См.: Мастенбрук В. Переговоры. – Калуга: Калужский институт социологии, 1993. – 176 с.

¹² См.: Разделенная демократия. Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом. – М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994. – С. 76.

татских групп, а также отдельных независимых депутатов мешает ясной артикуляции проблемы, даже если она внесена в повестку дня заседания. Дело в том, что многие участники дебатов, нередко неосознанно, пытаются подменить поставленный на обсуждение вопрос или по меньшей мере упростить его. А связано это, во-вторых, с тем, что смысл и предназначение парламентских дебатов не только в том, чтобы в процессе дискуссии найти общие точки соприкосновения, но и в стремлении обозначить свои позиции "вовне", на избирателей, следящих за ходом дискуссии. Нельзя не согласиться с М. Хеттихом в том, что реальные переговоры и подготовка решения, принятием которого завершаются дебаты, а следовательно, и сам конфликт, осуществляется в комитетах и комиссиях парламента¹³. Здесь сравнительно узкий круг профессионально подготовленных в этой области людей (например, бюджетный комитет), отражающих в целом весь политический спектр парламента, готовит и выносит на голосование компромиссный вариант решения (законопроект). Именно на мнение комитета обычно и ориентируются депутаты при голосовании.

Переговоры – это приобретенное умение. Развитие общественных отношений не всегда толкает к необходимости освоения этих умений. Очень часто конфликтующие стороны испытывают склонность к продолжительным тупикам или эскалации конфликта, а не его урегулированию. Иными словами, необходимы не только умения, но и *воля к переговорам* и к достижению соглашения. Непрофессионально проведенные переговоры уже сами по себе могут иметь эскалационный эффект. Поэтому участники переговоров должны прилагать все усилия для того, чтобы предотвратить незапланированную поляризацию.

Однако не всякие, даже умело проведенные переговоры способны предложить выход из конфликтной ситуации. Нередки случаи, когда для урегулирования конфликта требуется приглашение третьей стороны – посредника, медиатора. *Посредничество* в конфликте предполагает добровольное согласие конфликтующих сторон на участие медиатора и добровольное же принятие ими того или иного варианта решения. Результатом участия третьей стороны становится, как правило, снижение иррациональности в поведении конфликтантов, разъяснение решений, помощь в "сохранении лица" при уступке, повышение цены конфликта.

Кто может выступать в роли посредника в политическом конфликте? Как правило, это представители тех социальных групп или классов, которые впрямую в нем не задействованы. Особенно ярко это видно в пере-

¹³ См.: Hattich M. Theorie der politischen Prozesse. – Mainz: v. Hase Kohler, 1972. – S. 119.

ходных процессах, где посредническую роль нередко выполняют новообразованные или промежуточные группы, только что вышедшие на политическую арену. Например, компромисс 1907 г. в Швеции был выработан при решающем участии умеренно консервативного епископата и умеренно либерального фермерства – сил, которые ни до, ни после принятия этого решения не играли сколько-нибудь существенной роли в политике.

Выработка взаимоприемлемого решения предполагает большую работу посредника по сближению позиций сторон, концентрации последних не на личностях, а на интересах друг друга. Это требует не только больших интеллектуальных, организационных усилий, но и определенной конфиденциальности. Поскольку условия соглашения между двумя противоборствующими сторонами должны быть четко оговорены и кто-то должен взять на себя риск относительно их будущих последствий, непропорционально большую роль здесь играет узкий круг политических лидеров, искушенных в ведении переговоров и заключении компромиссов. Нередко им приходится искать договоренности в ситуациях, когда массы, чьи интересы они представляют, еще не готовы к примирению и, по образному выражению Д.А. Растоу, продолжают устало нести знамена прежней борьбы. Конфиденциальность переговоров с участием посредника позволяет избежать эмоционального влияния улицы и найти рациональные решения.

Несмотря на известные достоинства посредничества, являющегося, по словам Р. Дарендорфа, в высшей степени эффективным инструментом регулирования конфликта, часто бывает необходимо сделать следующий шаг – к *арбитражу*. В этом случае само обращение к третьей стороне либо исполнение ее решения является обязательным. Различают несколько видов арбитража – формальный (т.е. обязательный) и неформальный. По существу речь идет о нескольких видах третейского (неофициального) суда, избираемого самими сторонами. Как и судебное разбирательство, арбитраж является состязательным процессом, направленным на решение спорных вопросов, представленных сторонами. Однако в отличие от судебного процесса здесь отсутствуют нормы, регулирующие представления и оценки доказательств и саму процедуру разбирательства; имеется большая гибкость в выборе арбитров, а заседания носят большей частью закрытый характер.

В политических конфликтах роль арбитра нередко исполняет общественное мнение, формируемое средствами массовой информации. Негативное восприятие им насильственной формы конфликта может повлиять на позиции противоборствующих сторон, побуждать их к корректировке своих действий. Немаловажную роль в прекращении воен-

ных действий в Чечне сыграло именно общественное мнение как в России, так и за ее пределами. Но роль общественного мнения как социального института ощущается не только в экстремальных ситуациях, но и при принятии любого значимого политического решения. В процессе общественной дискуссии, инициируемой СМИ, выдвигаются различные предложения, альтернативные проекты, способствующие выбору наиболее приемлемых решений.

Функцию рекомендательного арбитража может выполнять и такой институт прямой демократии, как референдум. Он используется в том случае, если конфликтующие стороны не могут договориться между собой, несмотря на содействие посредников. Результаты референдума призваны продемонстрировать истинное отношение общества к тому или иному спорному вопросу. Но с учетом того, что референдум не дает обязывающего ответа, а лишь выявляет наличие в обществе определенных политических тенденций и соотношение сил, он сам по себе может активизировать конфликт, поскольку начнется борьба за интерпретацию его результатов.

Что касается *обязательного арбитража*, то он, по словам Р. Дарендорфа, находится на границе между регулированием и подавлением конфликта. Этот метод может иногда быть необходим для сохранения (или изменения) формы государственного правления, для обеспечения мира в международной области, но при его использовании "регулирование конфликтов как контроль их форм остается сомнительным"¹⁴.

Формой обязательного арбитража можно считать референдум с правовыми последствиями – например, принятие Конституции, определение статуса территории и т.п. Другой его формой являются выборы. В роли арбитра как в первом, так и во втором случае выступают сами граждане. Цель всяких парламентских выборов состоит в том, чтобы максимально точно сфокусировать спектр политических мнений в обществе на небольшую группу людей – депутатов парламента и обеспечить устойчивую управляемость страной, обретение ею политической стабильности.

Другим важным арбитром в политических конфликтах выступает Конституционный Суд. Не всякий политический конфликт в рамках государственного аппарата попадает в перечень дел, подлежащих рассмотрению в Конституционном Суде, но последнему принадлежит роль потенциального арбитра. Уже сама возможность его использования должна удерживать участников политического процесса от действий, проти-

¹⁴ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 146.

воречащих конституции или вызывающих сомнение в конституционности. Здесь важную роль играет политический престиж Конституционного Суда, а следовательно, и степень убеждения, удерживающегося в общественном мнении и в политических кругах, в том, что принимаемые им решения являются авторитетными по отношению к установленным конституционным рамкам деятельности остальных элементов государственного аппарата.

Правовые формы регулирования политических конфликтов важны, но их не следует переоценивать. Ведь характер любого конфликта – экономического или политического – определяется затронутыми в нем интересами и ценностями. Вместе с тем он является правовым или неправовым с точки зрения правопорядка, контролирующего эти интересы. По мнению известного немецкого юриста Г. Кельзена, правовые споры – это споры, в которых обе стороны основывают свои претензии и отказ в удовлетворении претензий противной стороны на позитивном международном праве (речь идет о международных конфликтах). Но политические споры – "это споры, в которых по крайней мере одна сторона основывает свои претензии или свою защиту от претензий противной стороны не на позитивном международном праве, а на других принципах или не основывает их на каких бы то ни было принципах вообще"¹⁵. И хотя Г. Кельзен пишет о международных конфликтах, отличие политического аспекта от правового подмечено им совершенно точно. В урегулировании политических конфликтов наряду с правовыми присутствуют и оказываются порою более эффективными и собственно политические технологии. В их числе – достижение равновесия сил, заключение компромиссов, нахождение консенсуса интересов. К их анализу мы и переходим.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Что такое политическая институционализация? Назовите ее основные этапы.

2. Почему в переходные, кризисные эпохи желательно учреждение политических институтов уже на ранней стадии конфликта?

¹⁵ Цит. по: Юридический конфликт: сферы и механизмы (Юридическая конфликтология). – М., 1994. – Ч. 2. – С. 160.

3. Что понимается под политической процедурой? Назовите основные процедуры, способствующие урегулированию конфликтов.

4. Что такое переговоры? В чем смысл переговорного умения?

5. Что такое посредничество и какова его роль в урегулировании конфликта?

6. В чем смысл арбитража? Назовите его основные разновидности. Кто может быть арбитром в политическом конфликте?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования)* / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С. 298-336.
2. *Конфликтология* / Под ред. А.С. Кармина. – СПб., 1999. – С. 282-432.
3. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. – СПб., 2000. – 408 с.
4. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М., 1997. – 272 с.
5. *Мастенбрук В.* Переговоры. – Калуга, 1993. – 176 с.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

УЧЕТ СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Существующие процедуры регулирования политических конфликтов – переговоры, посредничество, арбитраж – означают возможность прекращения военно-силового или политического противоборства сторон и сведение конфликта к диалоговым, вербальным формам. В их рамках происходит сближение позиций участников конфликта и выработка взаимоприемлемого решения. Конституирующим механизмом как открытой политической борьбы, так и переговорного процесса выступает соотношение сил противоборствующих сторон.

Как свидетельствует исторический опыт, соотношение сил является основным динамизирующим фактором возникновения, формирования и развертывания политического конфликта. Оно во многом предопределяет поведенческие реакции конфликтующих сторон, в том числе и на завершающей стадии конфликта, а также формы, методы и варианты его окончания. Это касается не только институционализированных (например, правительственно-парламентских), но и внеинституциональных конфликтов (например, революций), определяя формы борьбы и варианты окончания последней.

Варианты соотношения сил в политических процессах достаточно многообразны, но определяющими можно считать две модели: *доминирование одной политической силы над другой и равновесие сил*, ориентирующее конфликтующие стороны на более сложные поведенческие стратегии. Перевес сил в пользу одной из сторон конфликта провоцирует доминирование ее интересов, навязывание своей системы ценностей и т. п. В такой ситуации очень трудно добиться согласия на мирное урегулирование, а в случае достижения последнего – на взаимоприемлемое решение. Велик соблазн силового давления, насильственного завершения конфликта. Перевес сил сохраняет инициативу за сильной стороной, и конкретный способ разрешения конфликта – конструктивный или деструктивный – оказывается всецело зависимым от ее "благоразумия". Немаловажную роль играет при этом личностный фактор, качества лидера (вождя, государственного деятеля), его способность прогнозировать развитие событий, влиять на них определяющим образом.

Иной вариант конфликтного поведения дает равновесие сил: участники конфликта вынуждены считаться с равновеликим политическим (а также силовым) потенциалом противостоящей стороны и не осмелива-

ются необдуманно нарушать сложившийся баланс сил. Правда, такая ситуация нередко создает тупиковое положение, что наглядно проявляется в электоральных процессах, где приблизительное равенство основных противоборствующих сил нередко выносит на поверхность так называемую "третью силу" или становится причиной широко распространяющегося абсентеизма.

В современной литературе точка зрения о предпочтительности равновесия сил в конфликте является преобладающей. По мнению известных российских социологов и правоведов, если конфликтующие стороны приблизительно равны по возможностям принуждения, то они будут вынуждены искать пути к мирному регулированию конфликта¹. Об исключении любой формы политического насилия можно говорить лишь тогда, когда конфликтующие стороны равноправны, равноценны, равноможны; когда каждая из сторон располагает совокупностью средств, позволяющих противостоять силовому давлению другой стороны; когда стороны прекрасно понимают, что они располагают такими материальными и техническими возможностями, которые позволяют им взаимно уничтожить друг друга².

Неравенство в распределении политических ресурсов ведет к созданию неравенства и в потенциале принудительной силы. Поэтому всеобщее одобрение в либеральных демократиях Запада получила мысль о том, что в случае, если политические ресурсы распределены в обществе крайне неравномерно, создание стабильного демократического правительства невозможно. В числе основных условий, благоприятствующих мирному урегулированию конфликтов – равное распределение между сторонами пригодных для использования средств насилия.

Отличную точку зрения высказывает Ю. Запрудский. По его мнению, если усилия по мирному предотвращению конфликта по какой-то причине не приводят к успеху, следует, не предпринимая открытых враждебных действий, наращивать активный потенциал, собирать и концентрировать силы, способные вступить в борьбу в условиях открытого столкновения. Эта своего рода "демонстрация силы" позволяет, по мнению автора, еще до фактического столкновения продемонстрировать противнику возможные последствия его нежелания идти по пути мирного решения проблемы. "При значительном превосходстве одной из сторон такая позиция в пред-

¹ См.: Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология). – М.: РАН, Центр конфликтологических исследований, 1993. – Ч.1. – С. 172.

² См.: Кулинченко В. А. О соотношении насилия и согласия в теории и на практике // Политические конфликты: от насилия к согласию. – М., 1996. – С. 18.

дверии открытого конфликта способна привести к подвижкам в мирном урегулировании вопросов, ведущих к конфликту", – пишет он³.

На наш взгляд, предложенная стратегия поведения одной из сторон конфликта, несмотря на кажущуюся определенность, способна привести к результатам, отличным от тех, которые прогнозирует автор. Во-первых, демонстрация силы и очевидное превосходство одной из сторон вовсе не гарантирует уступки со стороны более слабого противника и даже может подтолкнуть последнего на отчаянные и непродуманные действия. Во-вторых, в еще большей степени следует усомниться в благоразумии доминирующей стороны и ее способности остаться в границах угрозы, а не применения силы. Значительное превосходство в силах, особенно военно-политических, по самой своей логике тяготеет к их использованию, что выводит конфликт за рамки собственно политики. Чеченский конфликт 1994–1996 гг. (и не только он) является ярким доказательством того, что несмотря на очевидное превосходство в силах, доминирующей стороне – России не удалось достичь своих целей военным путем. Одновременно это свидетельствует об ослабевающем воздействии силовых ресурсов в подобных конфликтах и о возрастании прочих, включая собственно политические и информационные.

Исторически стремление к превосходству отличало поведение большинства конфликтантов прошлых веков. Заговоры, интриги и даже убийства были "нормальными" средствами воздействия на оппонента, добродетелью прошлых эпох была сильная тенденция к превосходству над другими, к достижению поставленных целей жестокими и даже кровавыми методами. Переговоры были исключением и основывались на получении кратковременных, моментальных побед. Все это требовало особого рода поведения и эмоционального настроя. Менталитет прошлых эпох истории характеризуют следующим образом: "Осознавая тот факт, что позиция их ненадежна, все эти деспоты и олигархи концентрировались лишь на мгновенных результатах: у них и мысли не возникало о ценности долгосрочной политики либо о необходимости создания, шаг за шагом, отношений, построенных на доверии"⁴. Постоянное фокусирование на силу и власть, скрытое за "приятным" поведением, было определяющим фактором того времени. Можно сказать, что такие поведенческие модели и управление эмоциями являются характерными чертами так называемых придворных обществ, существовавших в течение длительного периода в различных частях света.

³ Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт: Политологический анализ. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – С. 115.

⁴ Цит. по: Мاستенбруж В. Развитие переговорных умений в исторической перспективе // Социальный конфликт. – 1994. – № 1. – С. 57.

Однако в Европе, в отличие от Востока, абсолютизм королевской или императорской власти не был таким безграничным. Для Запада была характерна *соревновательность элит и государств*, которая порождала и делала необходимостью *искусство проведения переговоров*. Вместе с тем надежными источниками силы и власти становились стабильные альянсы, основанные на относительном равенстве их участников. По мере возрастания взаимозависимости между государствами переговоры все больше становились удобным средством для установления стабильных и крепких связей между ними. Таким образом, *благодаря наличию множества центров власти и силы гравитационное поле их взаимодействия все больше тяготело к равновесию, и рука об руку с вековыми попытками достичь доминантной позиции посредством насилия шел процесс обучения переговорам и компромиссу*.

Отражением процессов, развивавшихся в гражданском обществе и в элитных группах, стали теоретические конструкции, а позже и практические политико-правовые механизмы разделения властей не только в функциональном отношении, но и в социально-политическом плане. Важнейшим итогом развития политической мысли Нового времени и особенно XIX в. стало осознание той истины, что власть представляет собой определенное *отношение* различных социальных сил, прежде всего государства и общества, а потому не может рассматриваться как нечто самодовлеющее. В эпоху Просвещения и Великой французской революции идея разделения властей получила завершенное теоретическое оформление в трудах Ш.-Л. Монтескье и проверку на практике, дав импульс различным моделям политического устройства Нового и Новейшего времени – конституционной монархии, президентской и парламентской республикам.

Как писал Ф. Энгельс, первое положение конституционной монархии заключается в равновесии властей⁵. Убеденными сторонниками теории "равновесия властей" в государственном управлении были английские просветители. Лорд Болингброк считал, что только благодаря смеси монархической, аристократической и демократической власти, слитых воедино в одной системе, благодаря равновесию этих трех сил английская конституция "сохраняется столь долго в целостности и сохранности"⁶. Аналогичной точки зрения придерживались и другие авторы, утверждавшие, что конституция сохраняется, а правление успешно осуществляется, если каждая из сторон имеет собственную сферу действий и

⁵ См.: Энгельс Ф. Положение Англии. Английская конституция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 621.

⁶ Цит. по: Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского просвещения (1687–1714). – М.: "Ирис-Пресс", 1995. – С. 125.

при необходимости объединяет собственные усилия. Но стоит только одной из сторон вмешаться в дела двух других, как заведенный порядок тотчас нарушается и конституция "впадает в конвульсии".

Установившаяся в Англии после Славной революции конституционная монархия потому и отвечала в одинаковой мере интересам всех классов-собственников, что предусматривала конституционное равновесие между "привилегией крови" и "привилегией золота", между законодательной властью в лице парламента и исполнительной – в лице короля и правительства.

Но если равновесие сил в Англии было достигнуто в результате масштабного социального конфликта – революции и гражданской войны, то в США достижение такого равновесия встало в практическую плоскость в целях предотвращения подобного развития событий. При создании конституционного строя США проблема распределения власти по горизонтали и вертикали преподносилась как чисто практическая, проистекающая из природы человека. "Будь люди ангелами, ни в каком правлении не было бы нужды, – писал один из ведущих теоретиков американского конституционализма Дж. Мэдисон. – Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством – внешнем или внутреннем – не было бы нужды. Но при создании правления, в котором люди будут вести людьми, главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой"⁷. Причины, порождающие конфликты, заложены, таким образом, в природе человека и, следовательно, неистребимы. Поэтому стремиться нужно к тому, чтобы найти способы контролировать последствия конфликтов.

Отсюда гарантией от постепенной концентрации всей полноты власти одним департаментом (или одним из подразделений правительства) является, во-первых, обеспечение управляющих другими департаментами необходимыми конституционными средствами для успешного противостояния захвату полномочий, а, во-вторых, личные мотивы противостоять вторжениям со стороны других. "В этом, как и в других, случае должны быть предусмотрены меры защиты, способные отвести угрозу посягательств, – писал Дж. Мэдисон. – Честолюбию должно противостоять честолюбие"⁸. Тем самым снималась угроза превращения государства в носителя "тиранического" интереса и во враждебную обществу силу.

⁷ *Федералист*. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. – М.: Издат. группа "Прогресс", "Литера", 1993. – С. 347.

⁸ Там же. – С. 347.

Для Мэдисона и его современников институциональным решением конфликтов по горизонтали и вертикали была федеративная республика, в которой ни одна отдельная позиция, ни один "интерес" не был бы в состоянии подчинить себе абсолютное большинство населения. Однако если общий интерес объединит большинство, права меньшинства могут оказаться под угрозой. Единственным средством против этого в демократической республике является возможность "разбить" общество на такое большое число отдельных групп граждан, которое делает любое объединение ради несправедливых целей маловероятным и даже неосуществимым.

Таким образом, разделение властей следует рассматривать не просто как правовой инструмент, позволяющий избежать концентрации всей полноты власти в руках одной, монополю доминирующей силы. Это и способ снижения насильственности политического конфликта, поскольку рассредоточение его по горизонтали власти препятствует вертикальному расколу между властью и обществом. Последнее чревато не только общественной дестабилизацией и угрозой распада страны, но и массовым гражданским кровопролитием. Создавая политико-правовые рамки соотношению сил, институт разделения властей удерживает их от общественно опасной биполярной конфигурации. Как уже говорилось, именно плюралистическая формула Дж. Мэдисона была нацелена на увеличение потенциального числа организаций посредством умножения властных уровней, вокруг которых они могли бы формироваться, не создавая преград для их бесконечного дробления.

Достижению равновесия сил в ходе политических конфликтов на Западе способствовало не только создание противовесов по горизонтали власти, но и оформление институтов гражданского общества. Благодаря этому политические процессы здесь застрахованы от резких встрясок, радикальных поворотов: на их пути стоит плотная структура гражданского общества, "жизненного мира" (по Ю. Хабермасу). Многочисленные институты, корпорации, объединения и ассоциации представляют собой своего рода *глубоко эшелонированную оборону*, сопротивляющуюся любому наступлению на свои позиции. Не случайно А. Грамши сравнивал политический процесс на Западе с "позиционной войной".

Восточные общества с их тоталитарно-авторитарными системами были лишены нормальных и эффективных механизмов равновесия как по вертикали "власть – общество", так и по горизонтали "власть – власть". Ключевая для западной демократии идея разделения властей здесь не принималась ни властью, юридически всегда сопротивлявшейся разделению на три традиционные ветви, ни общественным сознанием. Отсюда неприятие этого принципа и в политическом аспекте, например, с точки

зрения перспектив создания коалиционных правительств. Сосредоточение всех ресурсов в руках государства делало обреченным любое сопротивление последнему либо провоцировало "бессмысленный и беспощадный бунт". Отсутствие арены публичной политики, и в первую очередь парламентов, исключало поступление объективной информации во властные структуры, приводило к неадекватным реакциям последних на общественные потребности и социальные запросы. Отсутствие диалога с обществом вело к его отчуждению от власти и к исключительно разрушительным формам борьбы с государством. Общество, основанное на приказах, не могло выработать в себе механизм управления эмоциями, характерный для переговоров. События в Восточной Европе в конце 80-х и в России в начале 90-х годов подтвердили этот алгоритм развития закрытых обществ.

В свете сказанного понятна та повышенная конфликтность, которая характерна для переходных от тоталитаризма/авторитаризма к демократии политических процессов. В такие периоды резко нарушается существовавший баланс сил, а политические ресурсы начинают перетекать от властных структур к оппозиции. Первым, как правило, утрачивается *морально-психологический ресурс*: и сама власть, и ее действия не признаются легитимными, не принимаются обществом. Попытки "поделиться" институциональными ресурсами (постами в правительстве, созданием квазипарламентов и т. п.) также не всегда приводят к успеху: оппозиция, усиливая натиск, считает себя вправе рассчитывать не на часть власти, а на всю власть. Слабость финансовых возможностей властных структур, обычно сопровождающая переходные процессы, ограничивает поле политического маневра последних. Что касается силовых ресурсов, то по мере углубления политического кризиса возрастает не только риск их использования, но и сомнения в благонадежности силовых структур.

Следствием этих процессов является утрата правящим классом политической гегемонии и формирование контргегемонии в лице альтернативного субъекта политического процесса, враждебного существующей власти. В революционных процессах прошлых эпох такой субъект выступал от имени подавляемого большинства населения, но представлял собой не столько статистическое, количественное большинство, сколько социально-психологическую и политическую общность людей, заинтересованных в ниспровержении правящего класса и установлении собственного политического господства. В рядах этой общности оказывались и убежденные сторонники слома старой власти (политически активное революционное ядро, способное к самостоятельным и широкомасштабным действиям); и сочувствующие слои, не способные к самостоятельным действиям, но поддерживающие революционеров мораль-

но; и политически неустойчивые "попутчики", втянутые в борьбу за власть "вихрем революции"; и нейтральная часть населения, которая не участвует в борьбе за власть ни на чьей стороне. Перевес сил достигался всею совокупностью факторов, включая политическое, психологическое, силовое давление. Этому способствовала политическая дезинтеграция и морально-психологический крах правящего класса, дезорганизованного внутренними конфликтами, терявшего материальные и политические ресурсы сохранения своей власти.

Общеисторическая тенденция отхода от применения насилия как метода разрешения политических конфликтов выдвигает сегодня на передний план иные политические ресурсы, в частности *институциональные позиции*, удерживаемые каждым из политических субъектов, их действительное влияние в обществе и находящиеся в их распоряжении средства принуждения. Под институциональными ресурсами понимается прежде всего "правительственная структура" политической системы – государственная бюрократия, позиции внутри законодательных органов и в судебной иерархии. Именно этим типом ресурсов в нестабильных (или кризисных) системах можно играть, в том числе меняя по ходу правила игры. Однако многие политологи уделяют большее внимание такому ресурсу, как *влиятельность*: на средства массовой информации, на местное самоуправление, на лидеров общественного мнения в некоторых важных социальных и профессиональных категориях⁹. Подобный ресурс, оставаясь внешним по отношению к сфере собственно государственных институтов, тем не менее способен существенно облегчить проведение в жизнь правительственных решений, поскольку убеждением или сделкой можно добиться гораздо большего, нежели запретами или голым принуждением. Вместе с тем ресурсные средства принуждения также не сняты полностью с повестки дня. Наряду с военной силой и военизированными формированиями они включают в себя возможности по организации уличных демонстраций, митингов, стачек и т. п. Все эти средства, будучи задействованными, вполне способны аннулировать правительственные решения, принятые в ходе "институционального" процесса, или же, напротив, помочь подчинить группы, оспаривающие правительственные решения.

В переходных процессах 90-х годов в восточноевропейских странах обнаруживается любопытное, "неклассическое" упорядочение политического спектра, когда оппозиция, включившись в борьбу за политическое лидерство, в ряде случаев обладала большим весом и влиянием, неже-

⁹ См.: Шмачкова Т.В. Теории коалиций и становление российской многопартийности (Методики рационализации политического процесса) // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 43.

ли обладавшая властью правящая элита. Так, в начале преобразований в ряде стран Восточной Европы демократическая оппозиция еще не занимала позиций в политических институтах, но ее влияние росло. *Не институт легитимировал власть оппозиции, а наоборот – ее власть "материализовалась" в легитимирующий ее институт – например, Круглый стол.*

После нескольких парламентских выборов, прошедших после 1989 г., ситуация изменилась для оппозиции существенным образом, поскольку она их проиграла (например, в Болгарии, Югославии). Однако политический вес и влияние оппозиции, скажем, болгарского Союза демократических сил, оставались непропорционально сильными занимаемым им позициям. Несмотря на падение в 1994 г. демократического правительства и потерю большинства в парламенте, у Союза сохранялось реальное влияние в обществе. Иными словами, будучи отстраненной от власти, оппозиция не потеряла ее. По мнению болгарских политологов, это объясняется двумя важными причинами: во-первых, СДС и сейчас остается автором дискурса перемен, поскольку не имеет конкурентов в деле его продолжения¹⁰. Вторая причина заключается в том, что Союз демократических сил реально использует этот свой *символический капитал*, пытаясь определять динамику и переконфигурацию сил на политической сцене. Авторство в дискурсе новых выборов действительно принесло СДС впечатляющий успех на выборах весной 1997 г., что привело к перестановкам в политическом классе Болгарии.

Таким образом, привычное для политологии, особенно отечественной, измерение соотношения сил только институциональными или политико-силовыми ресурсами сегодня явно недостаточно для полноценного политического анализа и обобщений. Требуется выделять и учитывать более трудно операционализируемый, но не менее существенный *фактор политического влияния* при определении направления и скорости политических процессов, принятии стратегических решений и т.п.

Одним из аспектов влияния является владение информацией конфликтующими группами о силовом потенциале каждой из них. *В переходных политических процессах институциональный дизайн, т.е. определенные типы институтов и их стабильность оказываются производными от соотношения сил и информированности о нем участников конфликта.*

Одним из наиболее распространенных вариантов является *известное и неравновесное соотношение сил*. В таком случае институты "подгоняются" под конкретное лицо, партию или альянс. Такой вариант институ-

ционализации может приводить к частым сменам конституций, партийных систем, поскольку новые институты будут призваны консолидировать новое соотношение сил. Это характерно для нынешней России и ряда других посткоммунистических стран. Особенности развития в них конституционализма объясняются не столько его собственной внутренней логикой, сколько соотношением различных политических сил в тот или иной конкретный момент. Таково утверждение "сверхпрезидентской республики" – не как проявления мудрости творцов Основного закона и даже не традиций страны, а как следствие поражения Верховного Совета в столкновении с исполнительной властью.

Опыт России и других посткоммунистических стран показывает, что фиксируемое в Конституции и законах соотношение политических сил каждый раз конкретно, даже конъюнктурно и преходяще. Между тем политические процессы здесь развиваются с большой скоростью. Поэтому отдельные положения Конституции время от времени оспариваются влиятельными политическими акторами, пытающимися изменить соотношение сил в свою пользу.

Другой вариант – *известное и равновесное соотношение сил*. Такая совокупность обстоятельств значительно сложнее, поскольку конфликтующие политические силы по-разному видят пути организации политической жизни общества. Так, одна часть страны предпочитает унитарное правление, а другая – федеративное устройство. Равновесие сил, известное обеим конфликтующим сторонам, может привести к гражданской войне или распаду государства. Подобная ситуация сложилась к концу 80-х годов в бывшем Советском Союзе, где националистические, федералистские и унитарные силы конфликтовали друг с другом, не находя взаимоприемлемого решения. Однако перспектива гражданской войны не может привлечь никого, поэтому политические силы вынуждены согласиться на любую институциональную структуру в качестве временного решения. Длительная "ничья", т.е. патовая ситуация в соотношении сил, заставляет соперников искать компромиссное решение. "В таких условиях политические деятели приходят к выводу, что какие бы дополнительные выгоды не приносила более благоприятная институциональная структура, она не стоит того риска, которым чреват затянувшийся конфликт", – считает А. Пшеворский¹¹.

Наконец, третий вариант – *неизвестное соотношение сил*. В такой ситуации все выбирают институты, имеющие систему контроля и балан-

¹⁰ См.: Крзетева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 23.

¹¹ Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. Междунар. филос. журн. – 1993. – № 3. – С. 32.

сов и максимизирующие политическое влияние меньшинств. Конституции, написанные в период, когда соотношение сил еще не прояснилось, страхуют тех, кто терпит поражение, и снижают ставки в борьбе соперников. Они способствуют тому, чтобы проигравшие смирились со своим поражением и приняли участие в текущих делах. Таким образом, институты, принятые в этот период, скорее всего окажутся устойчивыми при самом широком спектре исторических условий.

Таким образом, соотношение сил в разрешении политических конфликтов имеет как институционально-правовое, так и политическое, ресурсное измерение. Институциональные формы, включая институт разделения властей, партийно-политическую инфраструктуру, представляющую различные интересы, получившие правовое оформление в конституционных и иных законодательных актах, устанавливают определенные "правила игры" в политическом поле. Их смысл состоит в ограничении попыток монополизации власти, нарушения ее баланса, в обеспечении свободной конкуренции идей, программ и проектов в лице стоящих за ними политических сил. Но политический процесс трудно удержать в правовых рамках, диапазон которых, в свою очередь, также является производным от соотношения сил и взаимоотношений между ними. Поэтому гарантией достижения политической стабильности является нахождение, чаще всего в ходе политических контактов и переговоров, *основного силового баланса*, предполагающего динамичное равновесие между борьбой и сотрудничеством, исключая позицию "или – или". Это динамичное равновесие перемещается либо в сторону борьбы, либо в сторону сотрудничества, в зависимости от ситуации. По мнению В. Мاستенбрук, даже при малейших изменениях в сбалансированности сил абсолютно очевидно возрастала напряженность между представителями сторон на переговорах. "И тогда в движение приходили эмоции. И очень важно, в этом смысле, развить в себе "радар" на такого рода явления"¹².

Переговоры как постоянную практику политических консультаций и согласований между взаимодействующими политическими субъектами можно рассматривать как "мягкую конфронтацию", как нечто среднее между согласием (т.е. сотрудничеством) и конфликтом (т.е. борьбой). Сотрудничество проистекает из взаимозависимости, конфликт – из необходимости защищать собственные интересы. Однако их можно рассматривать и как дополняющие друг друга элементы. Комбинация согласия и конфликта придает отношениям политических акторов отте-

нок продуктивного напряжения и созидательной энергетики. Переговоры в таком случае предстают как динамическое равновесие между борьбой и сотрудничеством. Однако последнее возможно лишь в случае нахождения не только баланса сил, но и *баланса интересов*, что достигается посредством взаимных уступок и компромиссов, консенсусного принятия решений.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Почему необходимо учитывать соотношение сил в развитии и урегулировании конфликтов?
2. Какие основные варианты соотношения сил вам известны? В чем их суть?
3. Почему равновесие сил является наиболее желательным принципом организации власти и урегулирования конфликтов?
4. Какими ресурсами может быть представлена сила в политическом конфликте?
5. Какие варианты соотношения сил возникают в переходных политических процессах?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Дмитриев А.В.* Конфликтология. – М., 2000. – С. 100-135.
2. *Козер Л.* Функции социального конфликта. – М., 2000. – С. 147-167.
3. *Мастенбрук В.* Переговоры. – Калуга, 1993. – 176 с.
4. *Федералист.* Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. – М., 1993. – 568 с.
5. *Пшечворский А.* Переходы к демократии // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – № 3. – С. 3-56.

¹² *Мастенбрук В.* Переговоры. – Калуга: Калуж. ин-т социологии, 1993. – С. 38.

ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ КОМПРОМИСС И КОНСЕНСУС КАК МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Создание благоприятного для разрешения политического конфликта соотношения сил приводит в действие процедуру переговоров. Однако положительный результат возможен только в случае, если субъекты конфликта проявят к тому политическую волю, способность вести переговоры, склонность к компромиссам. Переговоры прежде всего предполагают:

- взаимное уяснение позиций сторон;
- выявление зоны и уровня конфронтационных притязаний;
- нахождение неконфронтационного поля (его ценностей, зоны взаимных уступок);
- выявление условий компромисса;
- выявление предмета взаимных уступок с целью ослабления конфликта или недопущения его срыва в деструктивную фазу;
- определение мер и форм гарантии достигнутого соглашения.

Кроме того, условием успешных переговоров является установление взаимоприемлемых: а) *языка*, точнее, *понятийно-терминологического аппарата переговорного общения* на принципах сдержанности и стремления понять оппонента; б) *ритуалов переговорного общения*; в) *сближения перцептивных образов* и т.д. Только после того, как стороны вникнут в позиции друг друга, поймут стиль аргументации партнера по переговорам, начнут просматриваться возможные решения проблемы, контуры компромиссов.

Понятие "компромисс" в политике не ново и обычно трактуется как уступка некоторых требований, отказ от части собственных требований в пользу соглашения с другой партией, государством и т. д. В такой трактовке компромисс предстает как чисто техническое средство, метод смягчения обострившихся противоречий, противоборства. Однако глубокий, интенциональный смысл этого понятия и богаче, и сложнее. Компромисс включает такие признаки, как соби́рание, объе́динение, сотрудничество взаимодействующих сторон, и в то же время некоторые характеристики взаимного исключения, противоборства, конфликтности, которые проявляются в отношениях между ними. Компромисс наилучшим образом характеризует сущность мирного регулирования конфликта, поскольку ориентирован на исключение его насильственных форм, на снижение интенсивности. Более того, он означает существенные подвиж-

ки в позициях конфликтующих сторон, поскольку в конце концов соглашаться на компромисс – значит отчасти признать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех.

Компромиссы являются либо результатом равновесия сил, т.е. в известном смысле *вынужденными соглашениями*, либо результатом сознательного выбора, и в этом смысле *добровольными*. Однако в принципе общественные группы, особенно политические организации, стремятся к победе и господству над противником. Если общество недемократическое, то политический строй стремится к тотальному устранению противника, даже к его физическому уничтожению. В демократическом обществе победа по самому своему характеру является политической, ее результаты частично соответствуют интересам противника, и поэтому она в большей или меньшей степени является компромиссом.

Естественно, что равновесие, достигаемое посредством политического компромисса, является подвижным, оно постоянно колеблется, нарушается и восстанавливается. Такое равновесие, т.е. компромисс, и составляет основу стабильного, устойчивого развития.

Исторически наибольшую способность к компромиссам обнаруживали либеральные демократии Запада, само социальное устройство которых, тип хозяйственной деятельности, политическое развитие и диалоговая политическая культура облегчали и стимулировали взаимные уступки и поиск баланса интересов. Естественная склонность к компромиссам была и остается одной из важнейших особенностей конституционно-плюралистических режимов и сегодня. Однако функциональная роль компромиссов в условиях развитой демократии далеко не однозначна. Для демократического режима одинаково опасна как избыточная приверженность идеям, т.е. неприятие компромиссов, так и избыточное стремление к последним.

Особенно явственно избыточное стремление к компромиссам проявляется в деятельности основных властных институтов – правительства и парламента, а нередко и во взаимоотношениях между ними. Поскольку функционирование парламентской демократии базируется на принципе большинства, погоня за ним нередко становится навязчивой идеей многих правительств и проправительственных фракций в парламенте. Поиск большинства, разумеется, необходим – без этого нельзя принять ни одного ответственного решения. Компромиссом является создание парламентского большинства, формирование коалиционного правительства, да и вообще формирование кабинета. Ведь даже в президентской республике, где парламент не имеет права напрямую вмешиваться в кадровые назначения президента, последний предлагает кандидатуры, учиты-

вая возможную реакцию на них депутатов парламента. Политический курс, формируемый таким правительством, также является компромиссом. Однако в том случае, если поиск большинства подменяет поиск самого решения, стремление к компромиссу может привести если не к гибели режима, то к его параличу.

Парламент как институт, представляющий различные интересы и работающий на базе компромиссов, может усмотреть в несопряженной политической мере желаемую цель только на том основании, что было достигнуто согласие. Но и исполнительная власть не свободна от подобных соблазнов. Президенты и премьер-министры тоже вынуждены примирять людей с различными мнениями, и поэтому переговоры и компромиссы составляют не менее значимую часть в бюрократической жизни, чем в законотворческой. Правда, парламенты как представительные и открытые органы власти вынуждены проявлять большую отзывчивость к немедленным требованиям народа, зачастую в ущерб его долгосрочным интересам, тем более что срок пребывания законодателя на своем посту краток. Но и администрации подвержены искушению принести в жертву согласию эффективную политику, поскольку и представители бюрократического аппарата должны искать поддержку своим политическим инициативам со стороны различных избирательных округов.

Таким образом, роль компромиссов неоднозначна даже в открытых обществах, где они являются жизненным и самостоятельным принципом демократической политики. Акцент на том, что любая социальная ситуация требует определенных компромиссов, не дает оснований полагать, что компромиссы необходимы во всех случаях. Поэтому считать компромисс практикой, неизбежно ведущей к социальному прогрессу, и неоправданно, и опасно: он может приводить к вырождению личности и разложению общества. Что станет результатом такой практики – прогресс или разложение, будет зависеть от *типа* заключаемых компромиссов – не от их практики, а от их *сущности*.

Если неизбежность компромисса и его содержание продиктовано лишь силой, то подобные компромиссы не могут быть ничем иным, кроме как кратковременными перемириями. Более сильная сторона будет не только диктовать содержание компромисса, но, по мере укрепления своих позиций, требовать все новых уступок от более слабой. Поэтому сдерживать ее амбиции могут лишь некие принципы или идеалы – например, законность требований, порядочность представителей, справедливость, общественный интерес, всеобщее благо. Ведь сама природа компромисса предполагает наличие определенных, традиционно признаваемых принципов справедливости, на основе которых могут быть сдела-

ны взаимные уступки. "Индивидуумы с готовностью поступятся некоторыми специфическими интересами и притязаниями только тогда, когда их заинтересованность в сохранении чего-то более ценного еще сильнее", – подчеркивает американский историк Дж. Хэллоуэлл¹.

Компромисс может быть использован как во благо, так и во зло. Трагедия многих демократий прошлого состояла в том, что компромиссы в различных областях приводили к катастрофам. Особенно наглядно это проявилось во внешней политике европейских государств в межвоенный период. Классический пример – Мюнхенский сговор 1938 г. Попытка умиротворить агрессора за счет "сдачи" Чехословакии не только не снизила агрессивные амбиции А. Гитлера, но и развязала ему руки для новых территориальных захватов. Не менее трагичны последствия некоторых компромиссов во внутренней политике: уступка южным штатам в вопросах сохранения рабства стоила Соединенным Штатам Америки гражданской войны.

Разумеется, перспективы достижения компромиссов зависят не только от действий конкретных политиков, государственных деятелей и т.д., но и определяются *природой проблем*, которые нужно решить. Так, формирование властных институтов или выработка политического курса при разумном, прагматичном к ним отношении вполне допускают компромиссные решения. Политический капитал при этом успешно конвертируется в статусный, что облегчает достижение согласия по принципиальным вопросам. Столь же реален компромисс в отношении экономических и социальных проблем, встающих в политическую повестку дня. Эволюция политических споров и конфликтов в западных странах на протяжении двух последних столетий показала, что вопреки предсказаниям К. Маркса именно в экономической сфере они разрешились сравнительно легко, и при этом демократическими методами. И напротив, наиболее упорной оказалась борьба между религиозными, национальными и расовыми группами, отличавшаяся особой ожесточенностью.

Как уже говорилось, дело в сущностных различиях в природе проблем первого и второго рода. По вопросам экономической политики и социальных расходов всегда можно достичь компромисса, особенно в условиях экономического роста. Но гораздо труднее найти компромисс между двумя языками, претендующими на статус государственного, или тремя конфессиями как основой образовательного процесса. В лучшем случае здесь можно добиться компромисса относительно разделения сфер, где будет действовать тот или иной принцип. Выбор такого варианта

¹ Хэллоуэлл Дж. Х. Моральные основы демократии. – М.: ППП (Проза. Поэзия. Публицистика), 1993. – С. 38-39.

решения способен до некоторой степени деполитизировать вопрос. Вместе с тем система, основанная на такого рода компромиссе, не сглаживает существующие в обществе различия, а закрепляет их и, соответственно, может привести к переходу политического конфликта в латентную форму, в своего рода "позиционную войну".

Таким образом, чрезмерная склонность партий к компромиссам, когда они заботятся уже не о решении политических проблем, а о достижении взаимных договоренностей, равно как и избыточная тенденциозность партий, готовых любой ценой отстаивать свои идейные установки, одинаково опасны для демократического режима, поскольку ведут к его саморазрушению. Ключевая проблема таких режимов сводится к тому, чтобы использовать компромисс, не порывая ни с одной частью сообщества, ни с одной социальной группой, но и не упуская при этом из виду необходимость действовать эффективно. Естественно, найти такое решение раз и навсегда невозможно. Критерием успешного функционирования демократического режима можно считать *использование компромисса в интересах всеобщего блага*. Компромисс хорош только тогда, когда он позволяет реализовать цели, разделяемые многими, не нарушает уважаемые большинством принципы, воплощает благо, стоящее над частными или узкогрупповыми интересами.

Политическая история знает немало компромиссов, получивших название "Великих". Во многих странах они выросли из ожесточенных гражданских конфликтов и становились основой демократического устройства. Показателен пример Англии: известная Славная революция 1688 г. явила начало классового компромисса с его принципом ограниченного парламентом королевского правления. Кабинетное правление – как очередной компромисс – появилось уже в следующем веке, а реформа избирательного права была проведена только в 1832 г.

Другой "Великий" компромисс – принятое в Швеции в 1907 г. решение о введении всеобщего избирательного права вкупе с пропорциональным представительством. Последовавшая в 1918 г. дальнейшая реформа избирательной системы закрепила принцип кабинетного правления. Свои "исторические" компромиссы знали в 70-е годы нашего века Италия, Испания и другие страны. Во всех этих случаях компромисс был призван помочь урегулированию конфликта в рамках задач и ценностей, разделяемых и взаимно уважаемых всеми группами, участвующими в соглашении. Только воплотив в себе наилучшие из всех предложений, которые больше других способствуют достижению общего блага, компромисс способен приблизить урегулирование. Это может быть обеспечено только обращением к задачам и ценностям, близким большинству граждан.

Несмотря на сознательный выбор компромисса как средства разрешения конфликта, мотивы его участников могут быть самыми различными. В одном случае охранительные силы (так называемые "партии порядка") могут уступить из опасения, что в случае продолжения сопротивления они обрекут себя на гораздо большие потери. Подобными соображениями руководствовались английские виги и шведские тори, соглашаясь на реформу избирательного права. В другом случае они захотят последовать провозглашенным принципам "открытости", как это было при переходе Турции к многопартийной системе, объявленном в 1945 г. президентом И. Иненю. В свою очередь, радикалы способны принять компромисс в качестве "первого взноса", будучи уверены, что время работает на них и другие "взносы" неизбежно последуют. Так, В.И. Ленин, ссылаясь на критику Ф. Энгельсом бланкистов-коммунистов, писал, что компромиссы борющейся партии часто с неизбежностью навязываются обстоятельствами, и нелепо раз и навсегда отказываться "принимать уплату долга по частям"². Наконец, и те и другие могут просто устать от длительной борьбы и решиться на поиски взаимных уступок. Еще более сильным мотивом к ним является страх перед гражданской войной. Он может приобрести гипертрофированные формы, если общество прошло через подобную войну в недалеком прошлом. Война, запечатлевшаяся в национальной памяти, служит *заблаговременной инъекцией насилия*, обеспечивающей постепенность преобразований.

Компромиссы, даже великие, не следует переоценивать: как и многое другое в политике, они – искусство возможного. Они не исчерпывают полностью предмет конфликта, в особенности если речь идет о принципах и ценностях. Компромиссное решение воспринимается каждой из задействованных в конфликте сторон как "чужая уступка". Даже если одобрены некоторые процедуры разрешения конфликта, различия предпочтений, как правило, сохраняются. Так, шведский компромисс – всеобщее избирательное право при пропорциональном представительстве – не удовлетворял в равной степени ни консерваторов, предпочитавших прежнюю плутократическую систему голосования, ни либералов и социалистов, выступавших за правление большинства, не выхолащенное пропорциональным представительством. Известно, что институты сами по себе имеют распределительный характер и не "снимают" конфликт по существу. Однако при заключении некоего компромиссного решения главную роль играют не ценности, которых лидеры абстрактно придерживаются, но шаги, которые они готовы предпринять, т.е. *готовность к уступкам*.

² Ленин В.И. О компромиссах // Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 133.

Первый Великий компромисс, посредством которого устанавливается демократия, в случае своей жизнеспособности сам по себе является свидетельством эффективности принципов примирения и взаимных уступок. Поэтому первый же успех способен побудить борющиеся политические силы и их лидеров передать на решение мирными, демократическими методами и другие важнейшие вопросы. И наоборот: явная неудача при разрешении какого-нибудь животрепещущего политического вопроса ставит под удар будущее демократии, особенно процесс ее институционализации.

Опыт переходных процессов 80–90-х гг. в Латинской Америке и Восточной Европе дал любопытные модели разрешения политических конфликтов посредством компромиссов. Их смысл сводился, с одной стороны, к упрочению слабых, впервые имплантированных в непривычную социокультурную почву демократических институтов, и, с другой стороны, к снижению накала конфликтов, возникающих в связи с политическим курсом и кадровыми назначениями. Давнюю традицию в Италии, Испании, многих латиноамериканских странах имеют так называемые *пакты* – политические соглашения между лидерами ведущих партий или политических сил. Заключение пакта означало самоограничение амбиций основных противоборствующих сторон, отказ от биполярной модели политической борьбы, принятие взаимных обязательств и институциональное их оформление. По мнению Л.Ф. Шевцовой, не только в латиноамериканских странах, но в последующем и в Венгрии, Польше, Чехии именно *политика пактов* явилась основным гарантом посттоталитарной трансформации. "Эта политика сняла напряженность со слабых еще институтов, ограничила уровень конфликтов, способствовала формированию целой системы договоров между властью и обществом, между гражданскими и военными, между предпринимателями и рабочими"³. Такая функция пакта отвечала общественным интересам и способствовала достижению общенациональной консолидации и политической стабильности.

Вместе с тем оценка пактов не может быть однозначной, в особенности исходя из типологии последних. Чаще всего понятие "пакт" связывается с распределением статусного политического капитала, т. е. постов во властных структурах, причем независимо от результатов выборов. Помимо этого, в пактах фиксируются основные политические ориентации, а также исключение, а при необходимости и подавление, аутсайдеров. По мнению А. Пшеворского, в случае, если институциональные пакты

устанавливают правила игры, а остальное отдают на откуп конкуренции, то они играют существенно важную роль, устраняя главные политические вопросы из сферы соперничества. "Такие пакты необходимы для защиты демократических институтов от давления, которому они еще не способны противостоять"⁴. Но подобного рода институциональные пакты опасны для демократии тем, что могут стать своеобразными "картелями" существующих должностей против соперников – "картелями", которые ограничивают конкуренцию, преграждают соперникам путь к успеху и распределяют выгоды, связанные с политической властью, только среди своих. Тогда демократия превращается в частное предприятие лидеров нескольких политических партий и корпоративных союзов, в олигополию, сговор с целью исключения посторонних. В свое время Венесуэла заплатила за такой пакт возникновением самого мощного партизанского движения в Латинской Америке, вызванного исключением представителей низших слоев из легальной политики.

Другой тип пактов – это договоренности по поводу проводимого правительством политического курса. Они не предполагают обмена статусных позиций власти на политический капитал оппозиции, но означают согласование своих действий на определенный период. Классическим примером такого рода являются пакты Монклоа, подписанные в Испании основными политическими силами в качестве согласованной программы действий по выводу страны из социально-экономического и политического кризиса. Их целью было сделать процесс либерализации и последующей демократизации постепенным, избежать гражданской войны и предоставить гарантии авторитарным реформаторам при будущем демократическом режиме. Основные участники пактов Монклоа брали на себя определенные обязательства, шли на уступки. Оппозиция предоставила правительству мандат на проведение жестких антиинфляционных мер, включая замораживание заработной платы, снижение расходной части бюджета, ограничение кредитов убыточным предприятиям. Но и правительство брало на себя определенные обязательства: ввести систему прогрессивного налогообложения, реорганизовать финансовую систему, принять меры по борьбе с безработицей, расширить свободу печати, усилить парламентский контроль над государственными средствами массовой информации⁵. Политика широкого межпартийного сотрудничества носила временный характер и закончилась с принятием конституции.

³ Шевцова Л. Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Политические исследования. 1996. № 5. С. 82.

⁴ Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – № 3. – С. 36.

⁵ См.: Хенкин С. М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полит. исслед. – 1996. – № 5. – С. 132–133.

Наконец, возможен и третий вариант – пакты левых и правоцентристских сил, предполагающие создание парламентского большинства и коалиционного правительства. Одним из наиболее удачных примеров такого рода может быть коалиция социалистов и правоцентристских демократических сил, сложившаяся после выборов 1994 г. в Венгрии. Этот альянс существенно смягчил существовавший в венгерском обществе идеологический раскол и способствует проведению прагматичной и взвешенной коалиционной политики.

Гораздо более проблематичны компромиссы в российской политике. Осознанная, открытая и институционализированная политика пактов здесь часто подменяется закулисными сделками элитных групп, заключаемыми только в целях самовывживания и максимальной реализации эгоистических интересов. Российские элиты проявляют неспособность к уступкам и договоренностям, требующим самоограничения амбиций, принятия обязательств и т.д. В этом причина многих политических конфликтов и кризисов последних лет.

Между тем потребность в "историческом" компромиссе в России велика как никогда и уже не раз вставала в политическую повестку дня. Раскол в обществе, отсутствие лидера подлинно общенационального масштаба, способного повести за собой не часть нации, но ее большинство, делают компромиссы единственным разумным средством к достижению общенационального согласия, главной добродетелью политиков. Однако такой компромисс способен дать результат лишь в том случае, если не сведется к мелочному политиканству или торгу вокруг министерских портфелей, а действительно приведет к радикальной корректировке курса реформ, приданию им принципиально иного вектора.

Истоки политической нестабильности в России коренятся не столько в несовершенстве каких-либо законодательных актов или злонамеренности конкретных политических деятелей, сколько в сложившейся в последние годы системе политических взаимоотношений. Абсолютное большинство современных российских политиков, включая заявляющих о своей приверженности принципам демократии, не готовы к компромиссам. Уже не один год борьба идет не за возможность реализовать какие-то свои идеи, а за абсолютную власть. Именно поэтому не удается создание широкого блока умеренно-центристских сил, отвечающего интересам значимого большинства российских граждан. Такой блок нуждается в политиках, владеющих искусством не конъюнктурных, но принципиальных компромиссов, обращением к задачам и ценностям, близким большинству. Если нет согласия по основным принципам, то невозможны и полноценные компромиссы, а лишь перманентное вырывание

друг у друга бесконечных уступок. Компромиссы бесплодны и неэффективны, если не ведут к политическому консенсусу; консенсус невозможен иначе, как в результате согласования позиций и поиска взаимоприемлемых решений, достигаемых посредством компромиссов.

Понятие "консенсус" употребляется в отечественной литературе преимущественно в двух смыслах: во-первых, как способ принятия различных политических решений, при котором отчетливо выраженная политическая воля большинства участвующих в его принятии уравнивается отсутствием возражений со стороны хотя бы одного из участников. В этом же смысле говорят о консенсусе в разрешении споров и конфликтов. Во-вторых, под консенсусом понимается существующее или формирующееся в обществе широкое гражданское согласие. В таком, "широком" понимании политический консенсус тесно примыкает к своей социологической трактовке как согласие значимого большинства людей любого сообщества относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действиях⁶. В политологии понятие политического консенсуса охватывает такое поле исследования, как правомерность политического господства (т.е. его легитимность) и его связь со стабильностью политической системы. Согласно М. Хеттиху, политический консенсус – это "общественное признание способов и средств политического правления и интеграции"⁷. Чем выше уровень согласия, отраженный в легитимирующей идее, тем стабильнее политическая система. Таким образом, посредством политического консенсуса осуществляется реальная, фактическая легитимация политического господства.

Содержательный смысл понятия "консенсус" и способы его достижения были различными в разные эпохи. Немаловажную роль в его трактовке сыграли традиции рациональной коммуникации, дискурсивного общения между людьми. Теория демократии XVIII века видела в демократическом процессе рациональное рассуждение, ведущее к единодушию и отвечающее общему интересу. Согласно этому мировоззрению, все расхождения суть расхождения во мнениях: не существует конфликтов, которые нельзя было бы устранить с помощью рационального обсуждения. Роль политического процесса понималась как эпистемологическая, как поиск истины. А статус консенсуса являлся моральным – как воплощение общего интереса. Таким образом, превосходство демократии видели именно в ее рациональности, поэтому и Ж.-Ж. Руссо, и Дж. Мэдисон так опасались интересов, страстей и порождаемых ими "фракций".

⁶ См.: *Современная западная социология. Словарь.* – М.: Политиздат, 1990. – С. 134.

⁷ Hattich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1980. – S. 82.

Демократия представлялась как механизм достижения согласия, нахождения всеобщего блага.

Эти идеи на исходе XX в. получают новую жизнь. Не только в теоретических наработках коммуникативного действия Ю. Хабермаса, но и в политических программах многих партий вновь настойчиво звучит мысль о политических дискуссиях как механизмах формирования консенсуса. По мнению видного европейского политика О. Лафонтена, в демократическом обществе нормативный консенсус может установиться лишь в результате широкой общественной дискуссии. "Мы остро нуждаемся в политической культуре дискуссий, которая соответствовала бы духу античных городов – полисов, явившихся колыбелью демократии", – пишет он⁸. Нормативная политика, пользующаяся широким признанием, невозможна, если в результате общественной дискуссии не будет признано право на существование за разными системами ценностей. Только в условиях признания принципа общественного согласия, гарантирующего нормативные правила от произвола отдельных личностей и придающего им обязательный характер, самобытность отдельной личности может приобрести позитивную оценку и стать конструктивным фактором в жизни общества.

Политический консенсус не является твердо осознаваемым общим согласием граждан. Его надо рассматривать в большей степени как процесс, в котором постоянно соединяются множество различных деловых, социальных и нормативных ориентаций посредством политической коммуникации. Теоретики демократии – Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо – как раз и рассматривали проблему консенсуса как эмпирическую, исходя из наличия молчаливого согласия граждан. Они понимали, что в нормальной политической ситуации общественное согласие практически присутствует как само собой разумеющееся состояние, а не выражается открыто и осознанно. Дееспособность консенсуса проверяется в кризисных ситуациях, которые именно очевидность последнего и ставят под сомнение.

Таким образом, политический консенсус, понимаемый как гражданское согласие определенной социальной общности (в предельном случае – нации), представляет собой сложный феномен, обладающий соответствующей структурой и разнообразным содержанием. Различны субъекты, уровни, характер консенсуса, разнятся и способы его формирования и поддержания в стабильных и нестабильных общественных системах. Достижение согласия на *локальном уровне* значительно проще, чем на *социальном*; согласие *внутри элиты* отличается от *общенационального, общегражданского согласия*, не поддающегося к тому же точному опре-

⁸ Лафонтен О. Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 146.

делению и количественному измерению. Наконец, *негативный консенсус* (т.е. неприятие существующих порядков, норм, ценностей, властвующих элит) достигается проще, чем *позитивный* (т.е. одобрение обществом определенных мероприятий).

Вместе с тем главное внимание большинство авторов уделяют основным *типам консенсуса*, хотя трактуют их неодинаково. Так, отечественные юристы считают *материальным консенсусом* согласие в отношении существа проводимой политики, а *процессуальным* – согласие в отношении "правил игры" на политической сцене: средств достижения власти, порядка принятия и реализации решений и т.п.⁹ Используя сходную терминологию М. Хеттих различает *материальный и формальный консенсус*, отмечая при этом, что в социальной реальности оба его вида могут присутствовать одновременно. Материальный консенсус характеризуется тем, что всеобщее согласие распространяется на сами правящие личности, их политические решения или на то и другое вместе. Формальный консенсус отличается тем, что всеобщее согласие распространяется на политическую систему в целом и прежде всего на способ осуществления господства, проведения политических решений¹⁰. Участие в формальном консенсусе вполне возможно при одновременном неприятии правящих личностей или их политики.

Формальный консенсус является большим стабилизирующим фактором, чем материальный, если иметь в виду протяженное во времени состояние политической системы. Но чтобы корректно оценить перспективу какой-либо реально существующей системы, необходимо исследовать соотношение обоих видов консенсуса. Так, если в демократическом обществе доверие к формальной власти является откровенно слабым, но при этом правительство располагает широкой базой согласия, может показаться, что общество отличается высокой стабильностью. Однако стоит изменить факторам, обуславливающим материальное согласие, как система тут же обнаруживает отсутствие формального консенсуса и демонстрирует свою неустойчивость.

Типы консенсуса можно выделять и по другим основаниям:

- а) по темпоральному признаку – долговременные и краткосрочные;
- б) по характеру перспективных ориентаций – стратегические и тактические;
- в) по целевым установкам – принципиальные и конъюнктурные.

⁹ См.: *Юридический конфликт: процедуры разрешения* (Юридическая конфликтология). Ч. 3. – М., 1995. – С. 7.

¹⁰ См.: *Hettich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft*. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1980. – S. 56.

Вместе с тем простая классификация типов консенсуса сама по себе недостаточна, поскольку они имеют и собственную иерархию, соподчиненность, что особенно важно учитывать при формировании консенсуса в дезинтегрированном, нестабильном обществе. Здесь выделяют, как правило, три объекта возможного разделения и возможного соглашения граждан: конечные цели, составляющие структуру системы представлений; "правила игры" или процедуры; конкретные правительства и правительственная политика. Эти объекты, согласно теории известного американского политолога Дж. Сартори, могут быть трансформированы соответственно в *три уровня консенсуса*:

- консенсус на уровне сообщества (основной консенсус);
- консенсус на уровне режима (процедурный консенсус);
- консенсус на уровне политики¹¹.

Первый объект или уровень консенсуса является основным или ценностным. Это показатель того, разделяет ли данное общество одинаковые ценностные представления и цели или нет. В первом случае речь может идти об однородной, во втором – о фрагментированной, разнородной политической культуре. Оба типа культуры совместимы с демократией, но при условии, что со временем она преуспеет в создании основополагающего консенсуса.

Второй объект или уровень консенсуса – процедурный – устанавливает так называемые "правила игры". Обычно они изложены в конституциях, законодательных актах, договорных документах и т.п. Главным среди всех правил взаимоотношений ветвей власти и стоящих за ними политических сил должно стать правило, определяющее порядок разрешения конфликтов. Если политическое сообщество не сумеет определить такой порядок и овладеть им, оно будет конфликтовать по любому поводу, создавая всякий раз угрозу политической нестабильности и гражданских столкновений.

В условиях демократии основным правилом разрешения конфликтов является мажоритарный принцип, т.е. воля большинства. Отсюда следует, что процедурный консенсус и особенно консенсус в отношении правил разрешения конфликтов через принцип большинства является неперенным условием демократии. Это имеет прямое отношение к функционированию политического режима. Если принцип большинства не признается, то не признается, следовательно, и демократический режим как политическая форма правления. Поэтому задачей процедурного

¹¹ См.: Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. – М., 1992. – С. 123.

консенсуса является выработка согласия в отношении правил, регулирующих несогласие и рассматривающих конфликтные ситуации.

Третий объект или уровень консенсуса – согласие в отношении политики и правительства – переносит акцент на управление "через дискуссию", т.е. на процесс выработки и принятия политических решений. Несогласие по вопросам политики и оппозиция правительству рассматриваются здесь как неконсенсус (неприятие) по отношению к членам правительства, а не к форме управления. Если ставится под вопрос последняя, то проблематичны как процедурный, так и основной консенсусы.

Исследователи переходных процессов сходятся на том, что основным консенсус, т.е. согласие по основополагающим вопросам, является *обязательным условием демократии*, выполняет по отношению к последней стимулирующую, консолидирующую роль. Но согласие в основных ценностях не возникает сразу, изначально, его можно приобрести и в качестве целевого результата. Что же касается процедурного консенсуса, и прежде всего в отношении правил разрешения политических конфликтов, то это необходимое условие, *фактическая предпосылка демократии*, ее реальное начало. Демократия и рождается из конфликта, из поисков (или изобретения) демократических механизмов разрешения таких конфликтов. Само принятие таких механизмов также логически является частью процесса перехода к демократии. Отсюда потребность в анализе различных аспектов консенсуса не как статичных предпосылок, но как активных элементов процесса. Но список проблем постоянно пополняется, и новые конфликты будут ставить под угрозу однажды достигнутое согласие. Суть демократии – в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов. По мере преодоления проблем использование демократических правил и процедур будет расширять зону консенсуса.

Переходные процессы 70-х годов в Южной Европе, 80-х – в Латинской Америке, начала 90-х годов – в Центральной и Восточной Европе и в государствах СНГ подтвердили многие теоретические положения и предложили новые аспекты в трактовке консенсуса и его роли в переходном обществе. Одним из самых удачных и по праву считающихся классическим стал опыт постфранкистской Испании, где так называемая "политика пактов" (пактизм) облегчила нейтрализацию франкистского режима, вовлекла часть прежней элиты в процесс перестройки системы власти и предотвратила опасную конфронтацию в обществе. Главным документом стала новая конституция страны, отразившая достигнутый уровень общественного согласия: проект конституции поддержали 87,8 % от чис-

ла голосовавших и 58,9 % от количества правоспособных испанцев; против высказались 7,9 %, воздержались – 3, 5 %¹².

Одним из важнейших факторов смягчения социальной напряженности, сопутствовавшей испанскому переходу к демократии, было сознательное формирование элитами публичной сферы политики и создание для этого соответствующих механизмов. С улиц и площадей, где протекала напряженная политическая жизнь, ее удалось перенести непосредственно в организации, специально созданные для проведения дебатов и переговоров, обсуждения важнейших законопроектов, включая конституцию страны. Большинство испанцев почувствовали себя включенными в процесс выработки и принятия наиболее важных государственных решений через организации, созданные на предприятиях и в учреждениях. По словам известного политического деятеля Испании Ф. Гонсалеса, постоянно возникало требование широкой договоренности, соглашения, при котором исключенным из этого процесса чувствовало бы себя наименьшее количество социальных слоев и групп. "Надо постараться не столько победить в диалектике соотношения сил... сколько создать фундамент для согласия в обществе, что позволило бы добиться конституционного порядка, введения Конституции, вбирающей в свой широкий спектр чаяния и интересы всех слоев общества", – писал Ф. Гонсалес¹³.

В результате такой политики то, что впоследствии получило название "пакты Монклоа", стало глобальным договором, в рамках которого предполагалось регулировать все важнейшие проблемы переходного периода. Заключенные соглашения стали программой действий срочного характера и на среднесрочную перспективу. Так сложился общенациональный консенсус, создававший условия для реформирования всей государственной системы без демонтажа ее подсистем. Испанские политологи отмечают, что формирование прочного гражданского мира в их стране было обеспечено достижением *трех консенсусов*:

- согласия относительно прошлого, предполагавшего отказ от "охоты на ведьм" и национальное примирение между "победителями" и "пораженными" в гражданской войне 1936–1939 гг.;
- установления временных процедур для обсуждения в ходе развертываемой демократизации норм окончательных, т.е. "правил игры";
- окончательное определение "правил игры" нового режима, признание принципа чередования у власти и гарантии прав меньшинства¹⁴.

¹² См.: *Современная Испания*. – М.: Политиздат, 1983. – С. 43.

¹³ Гонсалес Ф. Создать в обществе основу для согласия и перемен // Свобод. мысль. – 1991. – № 15. – С. 52.

¹⁴ См.: Хенкин С. М. Переходные периоды: слагаемые гражданского мира // Свобод. мысль. – 1994. – № 12-18. – С. 112-113.

Испанский опыт наглядно показал, что консенсус, в особенности не элитный, а общественный, вырастает из компромиссов и взаимообязывающих договоренностей, а не наоборот. Далее, взаимное соглашение по поводу правил и процедур является самым "слабым" типом согласия. Значительно более прочным является согласие относительно идеологических установок и ценностей, касающееся отношений властвующей и оппозиционной элит. Но всего сильнее совместимость "моделей социума" или социальных онтологий участников соглашения. Консенсус на онтологическом уровне – это очень жесткое, трудновыполнимое требование, особенно в современных плюралистических обществах. Операционно-процедурный консенсус достигается относительно легко, если нет требований подкрепить его также согласием по политическим ценностям.

Чрезвычайно остро проблема консенсуса стоит сегодня в России. Часто прорывающееся несогласие в Центре и на местах глубже простого несовпадения интересов или различий в ценностных, идеологических подходах. Особую остроту конфликтам придает то обстоятельство, что они возникают на уровне социальных онтологий. Несовместимость последних исключает не только согласие, но и простое понимание противоположной стороны. Для отечественного политического дискурса характерны попытки навязать оппонентам не только свои идеологические пристрастия, но и собственную картину (модель) мира. Особенно свойственно это радикалам как "справа", так и "слева", хотя допустимость и даже "полезность" плюрализма на словах признают и они.

В российской истории нет устойчивой традиции формирования широкого общественного согласия, что не может не сказываться на нынешних трудностях страны, пытающейся продвигаться в этом направлении. Ярче всего это проявляется в непризнании права оппонента на собственную позицию и нежелании учитывать его интересы при отстаивании своих собственных. Дискурс политических акторов серьезно затруднен сугубо идеологическими построениями, подтверждая, что политическое мышление еще не прошло стадию рационализации. Эти факторы оказывают самое прямое влияние на то, что "консенсус по-русски" пытаются сформировать вне и помимо компромиссов (по знакомому принципу "жить дружно", т.е. сохраняя статус-кво). Отсюда неудачи с достижением общественного согласия, поисками общенациональной идеи. Дискурс ценностно разведенных сознаний, как правило, недиалогичен, не отличается миролюбием и очень редко способен дать некий ценностный синтез.

Вирус "непримиримости", отличающий многие российские политические силы, имеет как генетическую природу, так и более "рациональные" основания. Политика по принципу "игры с нулевой суммой" никак

не может располагать к умеренности, если победитель получает все, а проигравший лишается всего. Поэтому периодически возобновляющееся движение политических сил навстречу друг другу, попытки "провозгласить" согласие, примирение, взаимопонимание существуют лишь в качестве тактических маневров или аргументов политической пропаганды.

Одним из таких декларативных документов стал Договор об общественном согласии, подписанный 28 апреля 1994 г. рядом партий и общественных организаций России, но не принятый оппозицией в лице КПРФ и объединения "Яблоко". Принято считать, что этот Договор утратил свою силу с началом военных действий в Чечне в декабре 1994 г., принятых без согласия не только участников Договора, но и обеих палат российского парламента. Однако ни одна из статей Договора все-раз не исполнялась и до начала чеченского конфликта. Например, обязательство Президента РФ и других руководителей федеральных государственных органов поддерживать постоянный диалог с обществом, политическими партиями, движениями и другими общественными объединениями. Игнорировалось и подчеркнутое участниками этого соглашения обязательство "избегать упрощенных и оскорбительных оценок прошлого, не допускать искажения исторических фактов"¹⁵.

Вместе с тем, несмотря на идеологические и мировоззренческие конфликты, есть основания полагать, что в России постепенно формируется процедурный консенсус вокруг избирательного эксперимента. Это означает, что не только общенациональные политические силы, но и граждане страны признают тот факт, что выборы, электоральные процедуры являются единственным приемлемым инструментом легитимации власти. В первую очередь это касается общенациональных выборов, хотя и на местах заметна та же тенденция. Удастся ли распространить это согласие и на политико-идеологические отношения, прежде всего между властью и оппозицией – вопрос сложный, учитывая нынешний кадровый состав как первой, так и второй. Не исключено, что потребуются смена поколений и приход в российскую политику прагматичных и свободных от пут прошлого людей. Более разносторонние и разнообразные культурные контакты вероятнее всего смягчат, хотя до конца и не снимут остроту ценностно-идеологической конфронтации, свойственной сегодня российскому обществу.

Таким образом, мирное урегулирование политического конфликта можно представить себе как процесс, который начинается с признания частичной справедливости чужих аргументов и согласия на уступки в обмен на принятие взаимовыгодного решения. Таким образом, частич-

но исчерпывается ("погашается") предмет конфликта, ослабевает враждебность в отношении политического оппонента, разрушаются стереотипы его восприятия как "врага". Вместе с тем компромиссы могут быть не только плодотворными, но и оставлять питательную почву для новой эскалации конфликта при изменении соответствующих условий. Не исключены и насильственные формы его протекания. Поэтому гораздо ближе к полному исчерпанию предмета конфликта консенсусное решение, где фактически нет проигравших, что снимает и остроту конфликта, и предубеждения его участников в отношении друг друга.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Как трактуется в политике понятие "компромисс"?
2. Почему роль компромиссов при демократии неоднозначна? Покажите это на конкретных примерах.
3. Какие компромиссы в истории носят название Великих? С чем это связано?
4. Какие модели компромиссов дал опыт Латинской Америки и Восточной Европы в 80–90-е годы XX века?
5. Что такое политический пакт? Какие разновидности пактов вы знаете?
6. Что понимается под термином "политический консенсус"? Каковы его уровни и типы?
7. Почему процедурный консенсус является условием и предпосылкой демократии?
8. Каковы трудности формирования политического консенсуса в современной России?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С. 298–336.
2. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М., 1997. – 272 с.
3. Конфликтология / Под ред. А.С. Кармина. – СПб., 1999. – С. 282–432.
4. Кочетков А. На пути к гражданскому согласию. – М., 1992. – 228 с.
5. Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах. – М., 1997. – 287 с.
6. От нетерпимости к согласию. Проблемы перехода от гражданского и религиозного противостояния к веротерпимости и общественному согласию. – М., 1999. – 320 с.
7. Россия: политические противоборства и поиск согласия. – М., 1998. – 450 с.

¹⁵ Договор об общественном согласии // Российская газета. – 1994. – 29 апреля.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ КОНФЛИКТОВ

Опыт открытых, демократических обществ показывает, что заключение компромиссов и достижение политического консенсуса зависит не только от взаимодействия политических акторов. Оно обусловлено множеством факторов, включая наличие полноценных рыночных структур, устойчивых политических институтов, диалоговую (неконфронтационную) политическую культуру, этос толерантности. Поэтому надежду на преодоление деструктивности конфликтов не следует связывать только с государственными структурами. Не менее важна и ответственна роль гражданского общества, особенно в деле формирования такой политической среды, которая будет в состоянии "погасить" все негативные всплески деструктивной конфликтности, сохранив лишь живительный, инновационный потенциал конфликта.

В стабильно функционирующем обществе роли государства и гражданского общества четко определены. Государственные органы не могут позволить себе превратиться в самостоятельных субъектов политического конфликта, не рискуя забыть об общественном благе, ради которого они и существуют. Но и субъекты гражданского общества, по праву конкурируя с государством в разработке политической продукции – программ, проектов общественного благоустройства, альтернативных предложений и т.п. – не могут претендовать на прерогативу государства, а именно на монополию на применение узаконенного насилия, включая и влияние, и авторитет, и власть как угрозу принуждения. Поэтому к государству неприменимы стратегии, нередко используемые другими, менее "масштабными" участниками политических конфликтов: игнорирование конфликта, устранение от него. Одно дело – уклоняться от конфликтов в семейных или деловых отношениях, избегать их охлаждения и ссор. Совсем другое дело – уклоняться от решения государственных проблем. Ведь политика – это игра не только с предельно большими, но и крайне динамичными величинами, где "свято место пусто не бывает": его тут же занимает конкурирующая сила.

В историческом плане основной функцией государства как института все больше становилась тенденция не столько к подавлению зрелых, сколько упреждению латентных противоречий и конфликтов. Поле ответственности государства постоянно расширялось. К юрисдикции правительства еще в недавнем прошлом не относились те проблемы, с тре-

бованиями разрешить которые люди обращаются сегодня. В прошлом веке большинство правительств отвечало главным образом за оборону, внутреннюю безопасность и поддержание на надлежащем уровне транспортно-коммуникационной сети. Сегодня же правительства, по крайней мере их большинство, держат ответ не только за инфляцию, установление минимума заработной платы и т.п., но имеют дело с огромным количеством внутренних и международных проблем, и число последних все умножается. И только правительство может как-то уравновесить и согласовать бесчисленные требования, претензии и давление со всех сторон. Разумеется, и оно не всемогуще, однако роль правительства как института исполнительной власти в сегодняшнем мире является решающей.

Конечно, сказанное не означает, что правительство **обязано** всякий раз вмешиваться в любые формы конфликтов между людьми, хотя в закрытых, тоталитарных обществах государство именно так и поступало. Существуют и другие институты, способствующие разрешению конфликтов "в обход" государства. Вмешательство последнего происходит в том случае, если конфликты угрожают серьезно задеть интересы людей, не участвующих в них; если возникает угроза правовому порядку в случае совершения индивидами, участвующими в конфликте, актов насилия, недопустимых с точки зрения закона; если создается серьезная угроза национальной безопасности.

На необходимость активизации роли политики, в особенности государственной, указывают многие политические деятели. Так, по мнению О. Лафонтена, аксиомой социал-демократии со времен Ф. Лассалля является принцип, согласно которому государство вторгается в общественную жизнь, обнаруживая в ней дефицит разумных действий и пытаясь восполнить его. "Ответственная политика строится на профилактике, на упреждении; упреждающая политика не останавливается перед решительным вмешательством с целью регулирования. Столь часто критикуемое бессилие государства вытекает из неизменной запоздалости его действий. Политика тащится по следам событий, пытается бороться с симптомами вместо причин. Политическое бессилие государства... является результатом отказа от функции активного политического, в том числе и упреждающего вмешательства"¹. Лишь в том случае, если политика руководствуется в своей деятельности принципом предвидения и предупреждения, она может вновь обрести утраченную ею свободу действий в борьбе с давлением обстоятельств. Самоорганизующая сила свободного рынка

¹ Лафонтен О. Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. – М.: Междунар. отношения, 1990. – С. 152.

не может заменить нормальной политики, отвечающей требованиям разума, справедливости и человеческого достоинства. "Важно научиться разрешать конфликты, которые всегда будут и должны быть, без применения силы и по возможности творчески, — считает О. Лафонтен. — Важно научиться ограничивать и контролировать власть, которая, видимо, тоже всегда будет"².

Активную роль государственных институтов в современных политических процессах подчеркивают и другие авторы. По мнению М. Хеттиха, в любой социальной организации процесс принятия решений начинается с артикуляции проблемы. Артикуляции предшествует *сознательный поиск проблемы*, т.е. заблаговременное определение политическими силами того круга проблем, которые могут потребовать политического регулирования. М. Хеттих считает, что эта задача в наибольшей степени адекватна функциям политических инстанций в современных обществах. "Они (т.е. инстанций. — А. Г.) должны своевременно распознавать проблемы не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Раннее распознавание и прогнозирование проблем становится основной задачей политического руководства любой страны"³.

Однако для того, чтобы эффективно справляться с этой задачей, внутренняя организация государства и политической системы в целом должна была обуздать внутренние конфликты, облечь их в цивилизованные формы, учитывая при этом волю общества и общенациональный интерес. Сама потребность общества в государстве диктуется в значительной мере необходимостью осуществления функций управления происходящими в нем конфликтными процессами, предусматривая, в частности: формирование политических и правовых правил поведения для участников этих процессов, исключающих насилие по отношению друг к другу (законодательная власть); реализацию этих правил в реально возникающих общественных отношениях (исполнительная власть); решение споров по поводу применения этих правил (судебная власть).

Эти характеристики стали отличительными признаками *правового государства*, т.е. относительно цивилизованного правопорядка, в соответствии с которым отправление правосудия и управление основывается на законах (т.е. на общих правовых нормах, принимаемых избранным народом парламентом с участием или без участия главы государства); чле-

ны правительства ответственны за свои акты; суды независимы, а также гарантируются определенные гражданские свободы, в особенности свобода вероисповедания, свобода совести и свобода слова.

Упорядочению конфликтов в органах государственной власти способствовало прежде всего их *правовое регулирование*. Поскольку разделение властей не только "расщепляет" конфликт, но зачастую способствует его возникновению, это может иметь пагубные последствия для общества, ослабляя его управляемость и угрожая стабильности. Поэтому столь важным представляется осуществление государственными органами своей деятельности в строго определенных правовых рамках установленных предметов ведения и компетенции. Институциональным и функциональным содержанием, основными предпосылками реализации разделения властей является демократическая процедура законотворчества, действие всех государственных органов в рамках и на основе закона, наличие правовых процедур разрешения споров.

Другим не менее важным средством профилактики конфликтов является укрепление, развитие и упорядочение правового статуса государственных органов и других институтов политической системы, включая партии, общественные организации и движения, местное самоуправление. Эта задача решается постоянно, поскольку связана с необходимостью конкретизировать правомочия различных участников общественной деятельности, корректировать и развивать их взаимосвязи.

Но правовые нормы, при всей их значимости, не могут быть абсолютными вариантами нормального, конструктивного взаимодействия различных ветвей власти, других участников политического процесса. По меткому выражению одного латиноамериканского политика, при помощи статьи в конституции невозможно предотвратить государственный переворот. Политические действия часто выходят из правовых рамок, подчиняются собственной политической логике. Поэтому наряду с правовыми немаловажную роль играют и *политические нормы* — правила отношений, не имеющие юридического характера, в том числе и разного рода устные договоренности между политиками.

В последнее время в литературе, посвященной конфликтам, обращается внимание на важность нравственных норм в политике вообще и в урегулировании политических конфликтов в частности⁴. При этом спра-

² Лафонтен О. Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. — М.: Междунар. отношения, 1990. — С. 166.

³ Hettich M. Theorie der politischen Prozesse. — Mainz : v. Hase Kohler, 1972. — S.116; Глухова А.В. Манфред Хеттих и его теория политических процессов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.1. — 1996. — № 1. — С. 52-67.

⁴ См.: Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология). — Ч. 1. — М.: РАН, Центр конфликт. исслед., 1993. — 211 с.; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. — М.: Аспект Пресс, 1995. — 317 с.; Гаджиев К. С. Политическая наука. — М.: Междунар. отношения, 1995. — 400 с.

ведливо подчеркивается, что нравственные оценки неоднозначны, а порой и противоположны, способны не только ослабить накал конфликта, но и расширить его масштабы⁵. Поэтому, говоря о нравственных нормах в политике, следует помнить, что последняя подчиняется не нравственности вообще, тем более не абсолютной нравственности, но собственной *политической этике*, смысл которой сводится прежде всего к соблюдению всеми участниками политического процесса определенных "правил игры". По справедливому замечанию Н. Лумана, если бы можно было моральным образом условиться, кто заслуживает уважения, а кто – неуважения, то политический выбор был бы следствием морального суждения, а отнюдь не тестом для политической эффективности и выражением предпочтительности будущего политического курса. "Именно независимость политического кода от моральных оценок требует специфической морали для своего сохранения – например морали "честной игры" в политике", – пишет Н. Луман⁶.

Вместе с тем "правила игры" сами по себе есть результат ряда компромиссных шагов в определении прерогатив и полномочий каждого из властных институтов, продиктованных общественными настроениями и позициями партийно-политических союзов. Даже стабильные западные конституционные системы разделения властей сегодня испытывают межпартийное размежевание, влияние новых общественных реальностей. Парламенты и правительства пытаются приспособливаться к требованиям сегодняшнего дня, социальным обстоятельствам, новым ценностям, что придает их действиям позитивную направленность. При этом конфликты парламентов с президентами и правительствами, а также борьба фракций и групп внутри парламента остаются неизбежными и неистребимыми явлениями политики. Соотношение институциональных ролей является постоянным предметом разногласий, однако это способствует рационализации процесса выработки и осуществления политических решений. Главной тенденцией во взаимодействии законодательной и исполнительной ветвей власти является не попытка "присвоить" функции друг друга, а их рационализация и совершенствование механизмов взаимосвязи.

Но противоборством исполнительной и законодательной ветвей власти не исчерпывается весь спектр государственно-правовых конфликтов. Нередки деструктивные, разрушительные конфликты внутри парламентов, вызванные преимущественно статусно-ролевыми противоречиями.

⁵ См.: Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов (Юридическая конфликтология). Ч. 1. – М.: РАН, Центр конфликтологических исследований, 1993. – С. 196.

⁶ Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопр. социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 75.

Важнейшими условиями предотвращения разрушительного потенциала последних являются:

- уровень институционализации процедур, правил, форм и методов конфликтного поведения, их общепризнанность противоборствующими фракциями;

- герменевтические способности субъектов конфликта (умение и желание понять оппонента, аутентично интерпретировать его позицию, суждения, мнения, вести дискурсивный диалог и т. д.);

- перцептивно-коммуникативные свойства и способности участников конфликта, т.е. типологические склонности и умения сближать перцептивные политические образы, находить консенсусные, близкие зоны политического поля и конструктивные формы политического общения;

- возможность и действенность форм гражданского демократического контроля над деятельностью парламента, его фракциями и комитетами.

Укоренение, институционализация этих условий в парламентской практике – сложный процесс развития не только собственно парламентской культуры, ее правовых, политико-технологических, морально-психологических качеств, но и политического менталитета общества в целом. Он не формируется сам по себе, стихийно, а требует осмысления и селекции политического опыта, целенаправленного культивирования лучших образцов парламентаризма.

Конфликты внутри парламента и между ветвями власти в случае обретения ими антагонистических черт серьезно угрожают общественной стабильности, особенно в странах, где гражданское общество слабо, а элита отличается безответственностью и предпочитает собственные частные интересы общественным. Однако еще более серьезной угрозой являются конфликты по вертикали Центр – субъекты федерации, особенно в многонациональных федеративных государствах.

В обычных условиях ведущую роль по обеспечению конституционных гарантий целостности федерации, сдерживанию центробежных тенденций играют факторы экономической и финансовой интеграции. Чем выше экономическая и социально-политическая организация общества, тем большую роль в нем играют нормальные, экономико-финансовые, хозяйственные механизмы обеспечения единства и территориальной целостности государства. Но справедлива и обратная связь, особенно в переходных обществах, когда структурные реформы экономики сказываются как на положении федерации в целом, так и отдельных ее субъектов, нередко усиливают центробежные тенденции. В таких случаях основная нагрузка по обеспечению единства федерации перемещается от обычных методов к чрезвычайным. Одним из наиболее характерных ме-

тодов такого рода является конституционный институт федерального вмешательства, известный также, как институт интервенции (в латиноамериканских федерациях), институт президентского правления (в индийских штатах) или в провинциях (Пакистан). В государственном праве большинства латиноамериканских федераций институт интервенции однозначно расценивается как важный элемент функционирования всей федеральной системы, как эффективное средство контроля штатов в руках центрального правительства.

Опыт применения института федеральной интервенции свидетельствует о том, что для достижения позитивных результатов вмешательство Центра должно носить комплексный характер, сопровождаться принятием всей совокупности мер, допускаемых конституцией соответствующего государства, но не сводиться к сугубо карательно-репрессивным акциям. Попытки решения проблем федерализма преимущественно чрезвычайными мерами, в ущерб социально-политическим инициативам, как правило, оказываются неэффективными и часто ведут к обратному результату.

Согласно выводам американских ученых Института по исследованию международного терроризма Университета штата Нью-Йорк, одной из основных целей террористических движений, часто выступающих под сепаратистскими лозунгами, является провоцирование сверхреакции со стороны правительства (введения военного положения и т.п.), попытка вынудить его или его ведомства допустить перегибы, вызвать отчуждение населения и в конечном итоге дискредитировать государство в глазах граждан, которых оно старается защитить⁷.

Проблема территориальной целостности особенно остро стоит в переходных обществах, многонациональных и поликонфессиональных по составу, подобных бывшим Югославии и СССР, а также нынешней России. Попытка руководства этих стран проводить последовательную политику децентрализации и передачи многих функций управления государственным органам на местах оказалась значительно осложненной региональным разнообразием. Таким странам необходимо мощное консолидирующее начало, одной из важных составляющих которого мог бы выступать институт федерального вмешательства в дела субъектов федерации.

Необходим четкий и исчерпывающий перечень оснований для введения президентского правления. Отсутствие в правовых актах точных и конкретных формулировок таких оснований и перенос центра тяжести на концепцию, отдающую главе государства – президенту право на из-

⁷ См.: Домрин А.Н. Конституционный механизм чрезвычайного положения. Правовое регулирование и практика применения в Великобритании и Индии. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998. – 240 с.

дание соответствующих декретов, открывает широкие возможности для злоупотребления исполнительной властью своими дискреционными полномочиями.

Одной из слабостей нынешней Конституции РФ является именно такое наделение президента РФ необоснованно широким, немотивированным и неограниченным – в условиях слабости законодательной и исполнительной ветвей власти – правом обеспечить "осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации (ст.78/4)"⁸. Очевидно, что правовой институт федерального вмешательства в дела субъектов федерации в случае его разработки и включения в государственно-правовой механизм России мог бы занять среднее и более гибкое положение между часто малоэффективными институтами "полномочных представителей", согласительных процедур, с одной стороны, и репрессивным институтом чрезвычайного (тем более военного) положения (ст. 87, 88) – с другой.

Российские регионы нуждаются сегодня в сбалансированном федерализме, в рациональном перераспределении власти между федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления, не давая ни одному из этих уровней перевеса, достаточного для разрушения любого другого. За федерацией при этом закрепляются функции контроля, необходимые для поддержания устойчивости всей системы. Вместе с тем осуществление этих мер предполагает не просто отдельные новшества и правовые новации, но комплексную конституционную реформу, включая взаимоотношения властей не только по вертикали, но и по горизонтали. Невнимание к этим вопросам, их игнорирование чревато серьезной дестабилизацией государственной системы России.

Конкретными механизмами урегулирования отношений между Центром и субъектами федерации могут быть следующие:

- так называемая "законодательная интервенция", т.е. инициирование субъектами федерации принятия тех или иных законодательных актов;
- институционализация контактов высших должностных лиц страны с руководителями регионов;
- опережающее определение государственной политики в Послании Президента Федеральному Собранию РФ *перед* утверждением бюджета (а не наоборот, как это происходит сейчас); обсуждение их региональными элитами;
- вероятные изменения избирательной системы, через которую должны проводиться интересы как федерации в целом, так и конкретных

⁸ Конституция Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 1993. – 64 с.

субъектов и регионов. Пропорциональная система России предполагает голосование по партийным спискам в рамках единого общенационального округа, что не способствует упрочению федеративных элементов ее государственного устройства.

В федеративном государстве обеспечивается и более благоприятная почва для формирования и ротации политической элиты, которая рекрутируется из состава не только партий, победивших на федеральных выборах, но и тех, которые получили большинство в отдельных землях, взяв на себя таким образом правительственную ответственность. По мнению В.И. Васильева, федеративная компонента государственной системы, как, в частности, показывает опыт Германии, "ускоряет "кровообращение элит", преодолевает серьезный недуг их истощения"⁹.

В последнее время в странах Европейского союза всячески поощряется "функциональный федерализм", образцом которого может служить принцип "распыления власти", теоретически обоснованный О. Тоффлером¹⁰. Это означает, что политические и экономические полномочия "спускаются" на максимально низкий уровень административных органов, способных их компетентно отправлять. Акцент на "малые формы", на самоуправление на уровне "корней травы" все больше просматривается в программных установках политических партий. Так, немецкие социал-демократы в своей новой программе подчеркивают *принцип субсидиарности* применительно к федерализму. "Принцип субсидиарности, преимущества маленьких объединений перед большими может, в случае разумной меры, ограничивать и отчасти вдохновлять власть", – пишет партийный теоретик Э. Эпплер¹¹. По его мнению, федерализм себя оправдал. Он ограничивает государственную власть, способствует сплочению граждан и региональному многообразию.

Проблема территориальной целостности государства часто совмещается с национальным (этническим) фактором, порождая один из наиболее сложных объектов государственного регулирования – этнические конфликты, широко распространенные в современном мире.

Этнический конфликт нуждается в регулировании уже на ранних стадиях, где существуют свои специфические возможности и потребности в действиях. Но еще важнее образовательная и воспитательная работа го-

⁹ Васильев В.И. Федерализм и избирательная система в Германии // Полит. исслед. – 1995. – № 4. – С. 145.

¹⁰ См.: Тоффлер О. Эра смещения власти // Философия истории: Антология. – М., 1994. – С. 322-340.

¹¹ Eppler E. Plattform zur neuen Mehrheit. Ein Kommentar zum Berliner Programm. – Bonn: Dietz, 1990. – S. 98.

сударства, разрушение этнических предрассудков и умение бороться с этническими стереотипами, существующими в том числе и в собственном сознании. "Цивилизованная политика в этом вопросе заключается в сознательном балансировании информации, в создании противовеса стихийной негативной информации", – считает А. Механик¹².

Когда в конце 60-х годов в Америке произошли негритянские бунты, американское правительство провело крупные научные исследования по проблеме отчуждения черных. Было, в частности, выяснено, что оно формируется из-за отсутствия положительного образа черного в СМИ и художественном творчестве. И с тех пор этот образ создается специально. Любой массовый американский фильм включает образ "положительно-го" черного. Американские дикторы любой телекомпании, как правило, принадлежат к разным этническим группам. Это часть той повседневной, "мелочной" политики, которая и является настоящей национальной политикой, разрабатывать и формировать которую должны специалисты. Анализируя эту проблему в категориях психологического подхода, К.Г. Юнг оценивал наметившиеся в последнее время сдвиги в отношениях между расами в Соединенных Штатах как пример того, что может произойти, когда люди начинают "сознательно относиться к работе тени"¹³. Темнокожие граждане Америки одновременно пытаются возродить свое самосознание и развить черное супер-эго – Афро-Американскую историю, черную культуру, черную власть. Белые американцы, наоборот, учатся критически смотреть на свои представления о черных и тем самым отчасти осознают свою тень. Вследствие этого коллективный и сознательный образ черного постепенно улучшается, хотя на личном и бессознательном уровне дела не всегда обстоят столь же хорошо. Осознание собственной тени – это те шаги, которые необходимо сделать с обеих сторон для достижения реального равенства двух рас и прекращения материального и культурного подавления черных. "Вообще следует запомнить, что даже культурная интеграция и равенство не являются абсолютно надежной защитой от разнообразных идеологических и культурных конфликтов, в ходе которых проекции *коллективной тени* возобновляют свою разрушительную силу", – подчеркивал К.Г. Юнг¹⁴.

Этнические конфликты, особенно после 1989 г., стали характерной приметой уходящего века. Однако они – лишь одна из форм межкуль-

¹² Механик А. Корни этнических конфликтов // НГ - сценарии. Ежемесяч. прил. к "Независ. газ.". – 1996. – 29 авг. – С. 2.

¹³ Цит. по: Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. – М.: Ювента, 1996. – С. 94.

¹⁴ См.: Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. – М.: Ювента, 1996. – С. 95.

турных конфликтов сегодняшнего и завтрашнего дня. В условиях, когда мир все больше подчиняется принципу культурного многообразия, взаимодействие и конфликты различных культур совсем не обязательно будут иметь этническую окраску. Если неравенство в обществе будет возрастать такими темпами, как сегодня, а безработица приведет к необратимому исключению из общественной структуры больших масс населения, то даже в этнически однородных странах возникнут большие периферийные ниши, куда будут удаляться "исключенные" группы. Ни расовая, ни этническая окраска такой периферийной социальной ниши не является ее принципиальным свойством, тем более что граница между "социальным" и "этническим" достаточно условна.

Каждая периферийная субкультура в обществе может активизироваться в силу собственных причин и особых обстоятельств. Но есть и общие причины их активизации. В их числе неэффективность большого административного аппарата, кризис системы социального страхования государства "всеобщего благоденствия", демографическая энергия периферии. Наблюдающееся сегодня повсюду в мире ослабление силы государственных структур означает падение уровня безопасности и рост иных защитных структур. "С аналитической точки зрения, данные подвиги — дорога назад, в феодализм", — считает И. Валлерстайн¹⁵.

Если посмотреть на то, как происходила эволюция политических споров и конфликтов в западных демократиях в прошлом столетии и сегодня, сразу же бросается в глаза успех, достигнутый в разрешении классовых антагонизмов. Главным инструментом ослабления последних стало государство с развитой системой социальной защиты и его социальная политика.

Основу реформистской политики составила правовая институционализация коллективных переговоров, механизм которых оказался эффективным средством регулирования классового конфликта. Трудовое и социальное законодательство предусматривает надлежащие меры для страхования и обеспечения существования наемных рабочих и уравновешивает рыночные позиции более слабых в структурном отношении слоев — наемных работников, арендаторов, потребителей и т. д. Социальная политика ликвидирует крайние диспропорции и проявления незащищенности, не затрагивая, однако, неравенства собственности, дохода и власти, обусловленного социально-стратификационной структурой.

¹⁵ Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социол. исслед. — 1997. — № 1. — С. 20.

Однако такая политика в последние годы оказалась перед дилеммой: государственные меры социальной защиты или экономический рост. При этом государство не вправе изменять форму организации, структуру и механизм хозяйственного производства, т.е. его возможностей для сдерживания экспансии рынка становится все меньше. В результате обострения экологических проблем существенно выросла совокупная стоимость продукта производства, и предприятия (концерны) не хотят оплачивать экологический ущерб. В случае, если правительства настоят на том, что цены — это прежде всего издержки фирм, границы прибыльности производства резко упадут.

Другой механизм сохранения стабильности — это четкое распределение социальных ролей, предлагаемых системой занятости. По мнению Ю. Хабермаса, умиротворение сферы общественного труда уравновешено возросшей и ставшей одновременно нейтральной ролью гражданина и искусственно раздутой ролью клиента. Лояльность масс и легитимность образуют сплав, содержимое которого не разлагается на составные компоненты и не может быть проанализировано самими участниками политического процесса.

Получается, что *клиенты бюрократической системы получают определенные потребительские стоимости в обмен за нейтрализацию своей роли граждан*. При этом роль клиента превращает в абстракцию, лишает смысла политическое участие. *Именно эти роли в первую очередь аккумулируют в себе новый конфликтный потенциал позднекапиталистического общества*. Поэтому даже в условиях относительного компромисса, присущего государству с развитой системой социальной защиты, могут возникать конфликты, не принимающие специфически классовых форм, но коренящиеся тем не менее в классовой структуре общества.

Таким образом, массовая демократия, присущая государству с развитой системой социальной защиты, является устройством, которое смягчает классовые противоречия, по-прежнему содержащиеся в недрах хозяйственной системы. Однако это возможно лишь в том случае, если не ослабевает динамика экономического развития, защищенная политикой государственного вмешательства. Только в этом случае появляются средства для выплаты социальных компенсаций, которые распределяются через институционализованный механизм участия различных социальных групп в дележе этих средств. Тогда и появляется возможность удовлетворять одновременно ролевые функции потребителя и клиента, а структуры отчужденного труда и отчужденного политического участия не проявляют своей взрывной силы.

Гораздо труднее осуществлять аналогичную стратегию по умиротворению социально-классовых конфликтов в модернизирующемся, переходном обществе. Сам процесс модернизации, предполагающий рост неравенства в распределении доходов, богатства, собственности и прав контроля над капиталом, провоцирует антагонизацию социально-классовых отношений, рост недоверия к власти, осуществляющей такую политику.

Но еще более опасным для общественной стабильности представляется неспособность государства к стратегическому управлению процессом модернизации, невнимание к долгосрочным социальным функциям, задачам и программам. Между тем блокирование такой неблагоприятной политической тенденции, как тотальная бедность и проведение стратегической, незапаздывающей социальной политики предполагает выполнение ею трех основных функций: поддержание социальной стабильности, стимулирование экономической деятельности и сохранение человеческого потенциала, включая формирование среднего класса. Неприккрытое стремление государства сбросить с себя эти заботы, понятное с финансово-экономической точки зрения, представляется крайне опрометчивым с точки зрения социальной. Оно может иметь смысл в богатой, стабильной стране – как ограниченное во времени движение "маятника" социальной политики. Но в России, в условиях социального кризиса, резкого снижения уровня жизни и полного отсутствия страховых систем, это стремление просто иррационально.

Как свидетельствует мировой опыт, борьба с бедностью может быть эффективной, если соединяются усилия государства и общества по выравниванию социальных возможностей различных групп населения на всех этапах "социальной карьеры" человека. С этой целью осуществляется соответствующая реформа образования, реализуется серия частных социально-экономических программ (например, обеспечение занятости), поддерживается единство рынка труда с помощью трудового законодательства и т.д.¹⁶ Многие из этих мер не требуют больших затрат и вполне по силам даже небогатым переходным обществам.

Для предотвращения деструктивности конфликтов в таких обществах крайне важно стабилизировать экономические структуры, поскольку именно на их основе формируются рациональные групповые интересы и группы давления, способные к конструктивным переговорам и компромиссу. Но главное – усиливая демократические институты, необходимо формировать плюралистическое общество (в точном, политологи-

ческом смысле слова), где политические процессы упорядочены, являются выражением институционализированного взаимодействия организованных и осознанных групповых интересов.

Наличие групп давления само по себе не гарантирует представленность и учет интересов всех слоев общества при принятии решений в области социальных отношений. Тем более не существует такой гарантии, если не сформировались сами группы. С этой точки зрения слабое представительство некоторых основных слоев российского общества (рабочих, крестьян, молодежи и т. д.) в структурах власти – явление крайне нежелательное, провоцирующее применение жестких и противоправных средств и способов давления на баланс социальных интересов. В политизирующемся обществе консолидация возможна только на основе признания различий в интересах социальных групп, на основе рационального формулирования и отстаивания этих интересов, с помощью упорного поиска их ускользающего баланса.

Но эффективность и отзывчивость государственной политики в отношении общественных нужд предопределяется не только структурированностью гражданского общества, его институционализацией и системой представительства, тем более что последняя может породить тяжелый недуг монополизма, изъятия прав представляемых в пользу представителей. Важны коммуникативные связи между государством и гражданским обществом. Ключевое для демократии понятие народного суверенитета ныне обретает новые формы и очертания и мыслится не как нечто, воплощенное в гомогенном народе или нации, но как *демократия участия, партиципации*, со своими особыми процедурами и механизмами – общественной экспертизой, расследованиями, паблик рилейшнз и т.п. Другая ее сторона – *коммуникативная власть*, проистекающая из автономной общественности. Эта власть осуществляется в той мере, в какой имеются коммуникативные предпосылки, позволяющие формировать мнения посредством дискурса. В сфере публичной политики коммуникативная (или общественная) власть и государство (или административная власть) могут сталкиваться друг с другом. Но здесь же явственно обнаруживаются пределы последней: введенная ею в действие политическая коммуникация в ходе общественного дискурса может лишить ценности те нормативные основания, которые выдвинуты политической системой.

Однако любая политическая система стремится обеспечить лояльность масс и делает это как конструктивным, так и селективным способом. В первом случае – выдвигая проекты социальных программ на государственном уровне, во втором – исключая из публичных дискуссий определенные темы и сообщения. Это достигается с помощью социально-

¹⁶ См.: Наумова Н. Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 6-21.

структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения, либо деформацией структур общественной коммуникации с помощью бюрократических методов, либо манипулированием потоками информации.

Отсюда на передний план политической борьбы выдвигается проблема альтернативных источников информации, устранения тромбов в каналах политической коммуникации. Свободные ассоциации призваны служить тому, чтобы артикулировать значимые для общества темы, способствовать выработке предложений для решения тех или иных проблем, интерпретировать ценности, разоблачать одни доводы и предлагать другие. Организованное формирование мнений должно оставаться открытым, чтобы в него из круга политической коммуникации свободно поступали темы, размышления и аргументы, способствующие рациональному формированию политической воли.

Для возникновения и влияния разного рода ассоциаций, объединений и партий необходимо еще одно обязательное условие – политическая культура, проникнутая либеральными и эгалитарными настроениями, чувствительная к совокупным общественным проблемам, культура, которая "постоянно вибрирует и всегда способна к отклику, резонансу"¹⁷. В рамках такой культуры органично связываются необходимый для совместной жизни ценностный консенсус и столь же необходимый гражданский диалог.

Таким образом, исторический опыт "приручения" политических конфликтов в западных демократиях показывает, что решение этой задачи достигается совокупными усилиями как государства, так и общества и требует учета конкретных социально-исторических, политических, культурных предпосылок. Вместе с тем выработаны определенные принципы их регулирования и смягчения. В их числе: правовое, контролируемое государством применение средств подавления; трансформация политических конфликтов в регулируемую конкуренцию партий в рамках парламентаризма и партийного представительства; преемственность в политике; расширение политического участия как способа канализации недовольства в легальное политическое действие; перераспределение прироста общественных благ в пользу социально незащищенных слоев и групп; мировоззренческая толерантность, гарантированная основными правами человека и т.д.

¹⁷ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО "КАМІ", " ACADEMIA", 1995. – С. 77.

В последние годы обнаружились серьезные угрозы этим принципам в лице экстремизма, терроризма, других проявлений политического радикализма. Появляются новые социальные движения с психологической мотивацией отрицания существующих социальных отношений, господствующих убеждений и идеологий. Но, с другой стороны, нельзя не видеть наличия основополагающего ценностного консенсуса, в рамках которого существуют многочисленные социальные, культурные и идеологические дифференциации, характеризующие современные демократические общества. В упрочившихся, а также в новых конфликтных конstellляциях возможны различные стратегии поиска коммуникационных взаимосвязей, формирования доверия и общего поля интересов, что позволит ослабить деструктивность конфликтов и обратит на пользу обществу их позитивную, созидательную силу.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Почему урегулирование и разрешение конфликтов возможно лишь при условии взаимодействия гражданского общества и правового государства?
2. Почему активизируется роль государственной политики в деле профилактики политических конфликтов?
3. Чем объяснить возрастание правовых и политических норм в урегулировании политических конфликтов?
4. Что такое конституционный институт федерального вмешательства? Какова его роль в сохранении единства и территориальной целостности федеративных государств?
5. Какие еще механизмы урегулирования отношений между Центром и субъектами федерации вам известны?
6. Каковы причины активизации периферийных субкультур в современном мире?
7. Каким образом Западу удалось погасить социально-классовые конфликты? Почему эта проблема особенно болезненна для переходных обществ?
8. Почему в современном мире важны коммуникативные связи между государством и гражданским обществом?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Котанджян Г.С.* Этнополитология консенсуса-конфликта: Цивилизационные проблемы теории и практики. – М., 1992. – 185 с.
2. *Лафонтен О.* Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. – М., 1990. – 168 с.
3. *Мировое политическое развитие: век XX.* – М., 1995. – 336 с.
4. *Политические институты на рубеже тысячелетий.* – Дубна, 2001. – 480 с.
5. *Современная конфликтология в контексте культуры мира* (Материалы I Международного конгресса конфликтологов) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 2001. – 592 с.
6. *Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения.* Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва – Ставрополь, 2002. – 468 с.
7. *Уотцер М.* О терпимости: Пер. с англ. И.Мюрнберг. – М., 2000. – 160 с.

А. ГЛУХОВА, В. РАХМАНИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

(Учебное пособие)

ЛР ИД № 00437 от 10.11.99

Заказ № 383. Подписано в печать 28.08.02
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная
Объем 18,5 п. л. Тираж 500 экз.

Типография ВГУ
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3